

**ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

2026, Том 5, №5

Подписано к публикации: 14.10.2026

**Главный редактор
журнала:**
доктор юридических наук,
профессор

**Шадже Азамат
Мухамчериевич**

«Вестник юридических исследований» включен в перечень ВАК с 01.10.2024 г., Единый государственный перечень научных изданий (ЕГПНИ) - «Белый список» с 09.09.2025г., Elibrary.ru.

Регистрационный номер СМИ:
Эл № ФС77-86922 выдан 4 марта 2024 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 3034-140X (online)

Е-mail: blr-journal@yandex.ru
Сайт: <https://blr-journal.ru>

Редакционная коллегия по основным направлениям работы журнала:

Абшилава Георгий Валерьянович (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ, академик Всеармянской Академии проблем национальной безопасности
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Глебов Игорь Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожевников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, профессор
Корнилов Геннадий Александрович (РФ, г. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор
Машовец Асия Океановна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Виктор Юрьевич (РФ, г. Ростов на Дону) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Орел) – доктор юридических наук, доцент
Минязева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Мишина Наталья Вячеславовна (РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент
Мустафаева Айтен Инглаб кызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор
Небратенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Прошин Владимир Михайлович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Рустамов Хасплат Умалатович (РФ, г. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор РФ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Головинов А.В., Головинова Ю.В.

Региональная политика поздней имперского периода в оценках
авторов журнала «Сибирские записки»

5-10

Скопа В.А.

Философско-политические концепции М.М. Щербатова

11-16

Шевцов Л.Ф.

Конституционно-правовые основы миграционной безопасности Российской
Федерации: соотношение прав человека и интересов государства

17-23

Аушкар К.Н.

Эволюция концептуальных основ государственного управления наукой: от национальных
инновационных систем к миссиям технологического суверенитета

24-29

Марьина А.А.

Молодежная дипломатия в системе публичной дипломатии России и ее
значение для развития международного гуманитарного взаимодействия

30-35

Лябах А.Ю., Ножка С.М.

Анализ модернизации системы местного самоуправления в РФ: результаты экспертного опроса

36-47

Середа С.П.

Проблемы юрисдикции Международного уголовного суда
в контексте современных международных отношений

48-54

Нагорных Р.В.

Геополитическое положение России и ее национальные интересы
в сфере противодействия преступности

55-62

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Перлик М.И.

Правовые основы организации деятельности правоохранительных органов
по предотвращению неповиновения лиц, отбывавших наказание в местах
лишения свободы НКВД-МВД СССР в послевоенные годы

63-70

Елисова А.С., Фофанова А.Ю.

Правовые акты, регулирующие вопросы финансовой грамотности
населения России: анализ и правоприменение

71-79

Горбунов М.Д.

Опыт рефлексии правового позитивизма в аналитическом дискурсе

80-85

Омельченко В.О.

Перспективы участия искусственного интеллекта в законотворчестве
и государственном регулировании в России: проблемы внедрения

86-91

Ныrkova Т.Ю.

Избирательные права инвалидов в Российской Федерации: правовое регулирование
и организационные механизмы реализации

92-98

Филиппова Е.О.

Цифровая трансформация преступности в России

99-106

Коваль С.П.

Эволюция содержания деятельности советских органов военного правосудия в годы Великой Отечественной войны

107-113

Середа С.П.

Конституционно-правовые пределы ограничения прав и свобод в контексте противодействия экстремизму

114-120

Идельбаева Г.И., Шагимуратова З.А.

Проблемы и перспективы правового регулирования расследования несчастных случаев на производстве

121-127

Насонова П.С.

Понятие «данные» в законодательстве государств – участников СНГ в условиях развития искусственного интеллекта и формирования «экономики данных»

128-141

Саунин А.А.

Дифференциация и эволюция объектов гражданских прав в Российской империи как фактор трансформации наследования по закону в XVIII – первой трети XIX века

142-148

Филиппова Е.О.

Вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

149-155

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 316.77

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-10

Региональная политика позднеимперского периода в оценках авторов журнала «Сибирские записки»

¹ Головинов А.В., ² Головинова Ю.В.,

¹ Алтайский государственный университет,

² Алтайский государственный педагогический университет

Аннотация: исследование направлено на реконструкцию и выявление позиций авторов литературного и политического журнала «Сибирские записки» за 1916-1919 годы по проблематике региональной политики.

Показано, что нарративы выстраивались вокруг тем и вопросов о промышленном состоянии региона, его экономике и материальной сфере. Объектом рефлексии стало автохтонное население востока страны. В этой части отмечалось активное ассимиляционное движение между пришлыми новоселами и коренными жителями. Эпоха войн и революций при этом выступала весомым фактором в дальнейшей активной дискуссии о настоящем и будущем сибирского региона. Развивался и проговаривался провинциальный вопрос в призме возможной демократизации и в целях развития федеративных отношений.

Акцентируется, что первый номер журнала «Сибирские записки» вышел в тираж в январе 1916 года, сразу же заявив свой редакторский фокус в направлении регионалистики. Акцент на насущные проблемы русских окраин имел идеологическое оформление. Это проявилось в текстовой апелляции к письмам идеологов движения сибирских областников (Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин), которые придерживались аналитики центр-периферийных отношений с акцентов на поддержку отечественной глубинки и всякой русской провинции.

Ключевые слова: Сибирские записки, областничество, региональная политика, провинциальный вопрос, В.М. Крутовский, федерализм, политическая мысль

Для цитирования: Головинов А.В., Головинова Ю.В. Региональная политика позднеимперского периода в оценках авторов журнала «Сибирские записки» // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 5. С. 5 – 10. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-10

Поступила в редакцию: 25 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 22 августа 2026 г.; Принята к публикации: 14 октября 2026 г.

***The regional policy of the Late Imperial period in the assessments
of the authors of the Siberian Notes magazine***

¹ Golovinov A.V., ² Golovinova Yu.V.,

¹ Altai State University,

² Altai State Pedagogical University

Abstract: the research is aimed at reconstructing and identifying the positions of the authors of the literary and political journal "Siberian Notes" for the years 1916-1919 on the issues of regional policy.

It is shown that the narrative was built around themes and questions about the industrial state of the region, its economy and the material sphere. The autochthonous population of the east of the country has also become the object of reflection. In this part, there was an active assimilation movement between newcomers and indigenous people. At the same time, the era of wars and revolutions was a significant factor in further active discussion about the present and future of the Siberian region. The provincial issue was being developed and discussed in the light of possible democratization and in order to develop federal relations.

It is emphasized that the first issue of the Siberian Notes magazine was published in January 1916, immediately declaring its editorial focus in the direction of regionalism. The emphasis on the pressing problems of the Russian suburbs had an ideological design. This was reflected in the textual appeal to the letters of the ideologists of the Siberian regionalists movement (N.M. Yadrintsev and G.N. Potanin), who adhered to the analysis of center-peripheral relations with an emphasis on supporting the Russian hinterland and every Russian province.

Keywords: Siberian notes, regionalism, regional policy, provincial question, V.M. Krutovsky, federalism, political thought

For citation: Golovinov A.V., Golovinova Yu.V. The regional policy of the Late Imperial period in the assessments of the authors of the Siberian Notes magazine. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (5). P. 5 – 10. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-5-10

The article was submitted: July 25, 2026; Approved after reviewing: August 22, 2026; Accepted for publication: October 14, 2026.

Введение

Политика отечественного государства в начале XX века в отношении окраин и регионов осуществлялась в условиях политического кризиса самодержавия и реализовывалась в условиях войн и революционных катаклизмов. Управленческие стратегии были направлены на поиск моделей интеграционных процессов в видах сохранения единства народов и территорий огромной Империи. В общественных кругах тогда складывалось неоднозначное мнение об окраинной (региональной) политике. На полосах периодических изданий формировался нарратив в состоянии и перспективах государственного управления территориями нашего Отечества. Особым пространством, которое всегда попадало в объектив не только властных полномочий, но и становилось важным направлением общественно-политической рефлексии, можно считать Сибирь и Дальний Восток.

Так, в начале XX века в Красноярске издавался журнал «Сибирские записки». За период его публикации с 1916 по 1919 годы увидело свет немало обзорных и даже критических статей о текущей ситуации в восточных регионах страны. Однако, в современной историко-политологической литературе дискурс о проведении региональной политике в призме его оценки авторами данного издания изучен не достаточно. Попробуем осуществить попытку реконструкции и демонстрации нарративов о восприятии пространственной политики в отношении азиатских окраин страны в материалах «первого толстого» журнала Сибири.

Нужным считаем отметить, что к столбцам журнала и его содержательной части уже обращались современные исследователи. Так, в работах А.Ю. Горбенко [1], В.В. Чекушина [2] и Н.В. Жилияковой [3], А.В. Головинова [4], П.А. Алфимовой [5] рассматривались проблемы содержания идеологических оснований метатекстуальности первого «толстого» журнала Сибири. Окраинную политику исследует Л.М. Дамешек [6]. Хотя историк и не обращался специально к «Сибирским запискам», но его работы ценны в понимании трансформаций окраинной политики Российской империи.

Историографическую ценность для настоящего исследования имели работы по идеологии сибирского областничества, так как анализируемый журнал издавался на основе идейной платформы данной политической доктрины. Это прежде всего, труды В.А. Должикова [7], А.В. Малинова [8], Д.Н. Шевелева [9] и др.

Материалы и методы исследований

Исследовательские замыслы предполагается реализовать, опираясь на оптику нарратологии, герменевтики и политической текстологии. Такой комплексный подход, как нам представляется, позволит выявить и показать темы, поднимаемые публицистами о проблемах и перспективах регионального развития позднеимперской и революционной России.

Результаты и обсуждения

Первый номер журнала «Сибирские записки» вышел в тираж в январе 1916 года, сразу же заявив свой редакторский фокус в направлении регионалистики. Акцент на насущные проблемы русских окраин имел идеологическое оформление. Это проявилось к текстовой апелляции к письмам идеологов движения сибирских областников (Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин), которые придерживались аналитики центр-периферийных отношений с акцентов на поддержку отечественной глубинки и всякой русской провинции. Это была целая серия публикаций эпистолов по проблемам колонизации Сибири, ссыльной системы и зарубежного опыта решения провинциального вопроса. Николай Козьмин в предисловии к публикуемым письмам отмечал тогда следующее: «Ядринцев был крупным дарованием. Из печатаемых писем видно, какую деятельную в умственном отношении жизнь вел он в ссылке. Это были годы неустанного труда и самоотверженной подготовки к будущей общественной деятельности. А подготовлялся он сознательно и систематично. В первом письме он упоминает о подготовке большого материала по истории европейской провинции, в частности французской...Он недаром сообщает, что накапливает свою специальную колониальную библиотеку» [10, с. 24].

Так, более конкретно можно трактовать идеологическую основу издания обратившись к тексту письма Н.М. Ядринцева. На полосах «Сибирских записок» находим: «Провинция и ее судьба в Европе и Америке тема любопытная. Какой ужасный пример представила Франция с централизованной провинцией. Как мирно покоятся государства с провинциальным или с федеральным началом. Вот урок последних исторических событий» [11, с. 28].

Таким образом, отчетливо можно проследить дальнейшую редакторскую кухню, базирующуюся на постулатах идеологии сибирского областничества, что явно выражалось в критическом взгляде на провинциальный вопрос и проводимую окраинную политику в отношении внутреннего Востока страны.

При этом надо помнить, что издание журнала пришлось на период политической истории, для которого было характерны социальные катаклизмы, первая мировая война и революционные события. Дух эпохи, сфокусированный на локальном пространстве, передавал Григорий Николаевич Потанин. «Печать – писал в 1916 году, – призывает русское общество к единению. К тому же призывают и общественные деятели, и некоторые государственные люди. В столицах, в университетах и др. больших городах население пошло навстречу этому призыву, но эта мобилизация русского общества не может совершаться с желательной быстротой. Отсутствие в прошлом разрешения для таких проявлений общественной жизни мешало воспитаться в нашем обществе необходимой к тому подвижности и стремительности» [12, с. 121].

События общественного подъема буквально разжигали костер рефлексии о государственно-территориальной организации власти в формате диалектической борьбы центробежных и центростремительных тенденций. Надеясь на федерализацию как главный принцип региональной политики, в 1917 году Вс.М. Крутовский прямо высказывался: «Мы находимся накануне эпохи величайших преобразований, на содержании и широте которых не может не отразиться современное нам соотношение сил в старом споре централистических и федералистических тенденций» [13, с. 56]. Ученый публицист искренне верил, что наступит время, когда провинции получат политические права, им передадут свободу слова и печати, реальной станет свобода собраний и ассоциаций. Данный вектор в видении региональной политики носил характерный нарратив демократии и федерализма.

Судьба отечественной провинции также рассматривалась в тяжелых условиях революционной турбулентности. Журнал «Сибирские записки» этот нарратив представлял читателю в специально подготовленных публикациях и был представлен чаще всего в разделе «областное обозрение» или в призме региональной экономической политики. Здесь нужно отметить, что первая мировая война сильное воздействие на размежевание общественных группировок на Востоке страны. Надвигающееся материальное неблагополучие

чие, выраженное в экономическом упадке, было спровоцировано Первой мировой войной. Это также отражалось на политической сфере и било по городскому населению.

Один из корреспондентов красноярского журнала писал о том, что экономическая и даже культурная слабость городов Сибири стала следствием мировой войны. При том, что регион оставался очень богатым природными ресурсами [14, с. 98].

По мысли Д.И. Илимского (Голенищева-Кутузова) Сибирь оказалась заперта с Востока охранительными пошлинами на ввозимые товары и прямым запрещением для вывоза своего сырья. «Восточная окраина» страдала почти полным отсутствием внутренней обрабатывающей промышленности. «Дезорганизованная в хозяйственном и политическом отношении Сибирь, почти лишена возможности приспособиться к войне и связанным с ней экономическими событиями» – резюмировал публицист-революционер [15, с. 140].

Препарирую государственную региональную политику надо понимать, что территории это, прежде всего, люди здесь проживающие. Данный аспект также стал объектом познания в «Сибирских записках». Дискурс приобрел черты так называемого инородческого вопроса, то есть был направлен на постижение состояния и положения коренного населения отдаленных регионов Империи. В этом отношении примечательно, что даже профессиональные этнографы принимали участие в формировании номеров журнала.

Так, Н.Н. Козьмин писал о реальных случаях позитивной ассимиляции и мирного сосуществования коренных и пришлых как некий продукт встречи восточных и западных элементов. В 1916 г. публицист приводил в подтверждение любопытный факт о том, что «русские, надвигавшееся с Томска, в южной части нынешнего Ачинского уезда натолкнулись на киргизов и подвластных им басагаров, шустов, аринов и пр. Кыргызский князь Номча очень дружелюбно встретил русских. [16, с. 46-47].

Выводы

Таким образом, полосы и столбцы литературного и политического журнала «Сибирские записки» в начале XX столетия были наполнены идейной и практико-ориентированной дискуссией о государственной региональной политике. Нарратив выстраивались вокруг тем и вопросов о промышленном состоянии региона, его экономике и материальной сфере. Объектом рефлексии стало и автохтонное население востока страны. В этой части отмечалось активное ассимиляционное движение между пришлыми новоселами и коренными жителями. Эпоха войн и революций при этом выступала весомым фактором в дальнейшей активной дискуссии о настоящем и будущем сибирского региона. Развивался и проговаривался провинциальный вопрос в призме возможной демократизации и в целях развития федеративных отношений.

Список источников

1. Горбенко А.Ю., Чекушин В.В. Журнал "Сибирские записки" как метатекст: система идеологических импликаций (1916-1917 гг.) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14. № 4. С. 75 – 84. DOI 10.17072/2073-6681-2022-4-75-84
2. Чекушин В.В. Апелляции к классической литературе как способ трансляции общественно-политических идей в публицистике Вл. М. Крутовского // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 59 – 66. DOI 10.17223/15617793/471/6
3. Жиликова Н.В. "Обличать, колоть и жалить". Сатирическая журналистика Томска конца XIX – начала XX века Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2020. 388 с.
4. Головинов А.В. Головинова Ю.В. «Сибирские записки» и позднее областничество: специфика отношений в 1916-1919 гг // Известия Алтайского государственного университета. 2024. № 5 (139). С. 27 – 32. DOI 10.14258/izvasu(2024)5-03
5. Алфимова П.А. Журнал В.М. Крутовского «Сибирские записки» – главный голос сибирского областничества // PR и реклама: традиции и инновации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Красноярск, 22 апреля 2026 года. Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева, 2026. С. 400 – 402.
6. Дамешек Л.М, Дамешек И.Л. Окраинная политика как фактор устойчивости российской империи XVIII – начала XX в // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2017. № 2. С. 12 – 18.
7. Должиков В.А, Головинов А.В., Головинова Ю.В. Колосов и журнал «Сибирские записки»: грани идейно-политического сотрудничества // Вестник юридических исследований. 2026. Т. 5. № 1. С. 18 – 22. DOI 10.66621/3034-140X-2026-5-1-18-22.
8. Malinov A.V. Siberian Regionalism as a Phenomenon of Social Thought in Late Imperial Russia // Sibirica. 2024. Vol. 23. No. 2. P. 69 – 88. DOI 10.3167/sib.2024.230203

9. Шевелев Д.Н., Конев К.А. Г.Н. Потанин и круг его общения в эпоху войн и революций: по материалам переписки 1917-1920 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 212 – 222. DOI 10.17223/15617793/509/23
10. Козьмин Н.Н. Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину // Сибирские записки. 1916. № 1 С. 24.
11. Письмо 1-е. 20 февраля 1872 г., Шенкурск // Сибирские записки. 1916. № 1. С. 28.
12. Потанин Г.Н. Из недавнего прошлого // Сибирские записки. 1916. № 1. С. 121.
13. Крутовский Вс.М. Из истории сибирского областничества // Сибирские записки. 1917. № 1. С. 55 – 64.
14. Николаев В.А. Городское дело в Сибири // Сибирские записки. 1916. № 3. С. 98 – 12.
15. Илимский Д.И. От расплывчатости к самоорганизации (очерки сибирской кооперации) // Сибирские записки. 1916. № 1. С. 138 – 149.
16. Козьмин Н.Н. Князь Иренак // Сибирские записки. 1916. № 1. С. 46 – 47.

References

1. Gorbenko A.Yu., Chekushin V.V. The journal "Sibirskie zapiski" as a metatext: a system of ideological implications (1916-1917). Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. 2022. Vol. 14. No. 4. P. 75 – 84. DOI 10.17072/2073-6681-2022-4-75-84
2. Chekushin V.V. Appeals to classical literature as a way of conveying socio-political ideas in the journalism of Vl. M. Krutovsky. Bulletin of Tomsk State University. 2021. No. 471. P. 59 – 66. DOI 10.17223/15617793/471/6
3. Zhilyakova N.V. "To expose, prick, and sting." Satirical journalism of Tomsk in the late 19th – early 20th centuries. Tomsk: National Research Tomsk State University, 2020. 388 p.
4. Golovinov A.V. Golovinova Yu.V. "Siberian notes" and late regionalism: the specifics of relations in 1916-1919. Bulletin of Altai State University. 2024. No. 5(139). P. 27 – 32. DOI 10.14258/izvasu(2024)5-03
5. Alfimova P.A. Journal of V.M. Krutovsky's "Siberian Notes" – the Main Voice of Siberian Regionalism. PR and Advertising: Traditions and Innovations: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Krasnoyarsk, April 22, 2026. Krasnoyarsk: Siberian State University of Science and Technology named after academician. M.F. Reshetnev, 2026. P. 400 – 402.
6. Dameshek L.M., Dameshek I.L. Outlying Policy as a Factor in the Stability of the Russian Empire in the 18th – Early 20th Centuries. Bulletin of Irkutsk State University. Series: History. 2017. No. 2. P. 12 – 18.
7. Dolzhikov V.A., Golovinov A.V., Golovinova Yu.V. Kolosov and the "Siberian Notes" magazine: Facets of Ideological and Political Cooperation. Bulletin of Legal Studies. 2026. T. 5. No. 1. P. 18 – 22. DOI 10.66621/3034-140X-2026-5-1-18-22
8. Malinov A.V. Siberian Regionalism as a Phenomenon of Social Thought in Late Imperial Russia. Sibirica. 2024. Vol. 23.No. 2. P. 69 – 88. DOI 10.3167/sib.2024.230203
9. Shevelev D.N., Konev K.A. G.N. Potanin and his circle of friends in the era of wars and revolutions: based on correspondence of 1917-1920. Bulletin of Tomsk State University. 2024. No. 509. P. 212 – 222. DOI 10.17223/15617793/509/23
10. Koz'min N.N. Letters from N.M. Yadrintsev to G.N. Potanin. Sibirskie zapiski. 1916. No. 1. P. 24.
11. Letter 1. February 20, 1872, Shenkursk. Sibirskie zapiski. 1916. No. 1. P. 28.
12. Potanin G.N. From the Recent Past. Sibirskie zapiski. 1916. No. 1. P. 121.
13. Krutovsky Vs.M. From the History of Siberian Regionalism. Sibirskie zapiski. 1917. No. 1. P. 55 – 64.
14. Nikolaev V.A. Urban Affairs in Siberia. Siberian Notes. 1916. No. 3. P. 98 – 12.
15. Ilimsky D.I. From Vagueness to Self-Organization (Essays on Siberian Cooperation). Siberian Notes. 1916. No. 1. P. 138 – 149.
16. Kozmin N.N. Prince Irenak. Siberian Notes. 1916. No. 1. P. 46 – 47.

Информация об авторах

Головинов А.В., кандидат философских наук, доцент, Алтайский государственный университет, alex-golovinov@mail.ru

Головинова Ю.В., кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, yu.golovinova@mail.ru

© Головинов А.В., Головинова Ю.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 321.01

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-11-16

Философско-политические концепции М.М. Щербатова

¹ Скопа В.А.,

¹ Алтайский государственный педагогический университет

Аннотация: Михаил Михайлович Щербатов представляет собой яркую фигуру в истории русской политической мысли XVIII века. Его теоретические разработки отличаются глубиной анализа и своеобразным подходом к вопросам государственного устройства. Щербатов обосновывал необходимость крепкой монархической системы, опирающейся на принципы порядка и справедливости. При этом он не отвергал идеи рационального реформирования государственного механизма с целью повышения его эффективности. Материалы его сочинений содержат резкую критику нравственной деградации высшего сословия. Щербатов полагал, что именно нравственный упадок дворянства становится основной причиной социальных проблем в государстве. Мыслитель выдвигал конкретные предложения по укреплению государственной стабильности и социальной гармонии. Для Щербатова характерна парадоксальная двойственность мысли: он черпает политические идеалы из далёкого прошлого, одновременно выстраивая видение желаемого будущего общественного порядка. Его философско-политическая система представляет собой стремление разобраться в необратимых трансформациях социума, опираясь исключительно на имманентные факторы исторического развития и отвергая апелляции к Божественному замыслу. Логика исторического процесса, по мнению мыслителя, становится постижима благодаря инвариантности человеческих побуждений к общественной деятельности. Политическая философия Щербатова оказала существенное воздействие на направление развития российской общественной мысли и продолжает привлекать внимание исследователей.

Ключевые слова: философия политики, Щербатов, просвещение, государство, политические институты

Для цитирования: Скопа В.А. Философско-политические концепции М.М. Щербатова // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 5. С. 11 – 16. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-11-16

Поступила в редакцию: 27 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 25 августа 2026 г.; Принята к публикации: 14 октября 2026 г.

Philosophical and political concepts of M.M. Shcherbatov

¹ Skopa V.A.,

¹ Altai State Pedagogical University

Abstract: Mikhail Mikhailovich Shcherbatov is a prominent figure in the history of 18th-century Russian political thought. His theoretical work is distinguished by its profound analysis and distinctive approach to issues of state structure. Shcherbatov argued for the need for a strong monarchical system based on the principles of order and justice. At the same time, he did not reject the idea of rational reform of the state mechanism in order to improve its effectiveness. His writings contain sharp criticism of the moral degradation of the upper class. Shcherbatov believed that it was the moral decline of the nobility that was the main cause of social problems in the state. The thinker put forward specific proposals for strengthening state stability and social harmony. His projects envisaged reforms aimed at restoring virtue in society. Shcherbatov is characterized by a paradoxical duality of thought:

he draws political ideals from the distant past, while simultaneously constructing a vision of a desired future social order. His philosophical and political system represents an attempt to understand the irreversible transformations of society, relying solely on the immanent factors of historical development and rejecting appeals to divine design. The logic of the historical process, according to the thinker, becomes comprehensible thanks to the invariance of human impulses toward social activity. Shcherbatov's political philosophy has had a significant impact on the development of Russian social thought and continues to attract the attention of researchers.

Keywords: philosophy of politics, Shcherbatov, education, state, political institutions

For citation: Skopa V.A. Philosophical and political concepts of M.M. Shcherbatov. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (5). P. 11 – 16. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-11-16

The article was submitted: July 27, 2026; Approved after reviewing: August 25, 2026; Accepted for publication: October 14, 2026.

Введение

Наследие просветительской мысли неизменно притягивает внимание специалистов из самых разных дисциплин: философы обращаются к вопросам соотношения природного и сакрального, историки анализируют проблемы государственного устройства, юристы ищут в просветительских доктринах основания для легитимации политической власти.

Значимость исследуемой темы подчеркивается и тем, что просветительский период аккумулирует интеллектуальные достижения нескольких национальных традиций – французской, британской, немецкой и российской. При этом содержательный пласт эпохи обогащается становлением целого комплекса инновационных концепций: развитие критического отношения к традиционным институтам; секуляризация мировоззрения; утверждение автономии человеческого разума как универсального инструмента познания; убеждение в направленности социального развития; приверженность принципам хозяйственной свободы [7].

В российской науке М.М. Щербатов предстаёт фигурой многоплановой: государственный администратор и политический мыслитель, член масонского движения, крупный историк и историограф, правовед, философ. Его произведения демонстрируют интеллектуальную полифонию автора и раскрывают глубокий историософский пласт творчества [5]. Князь последовательно исследует объективные тенденции исторического развития и способы реализации человеческого потенциала в ходе исторического процесса. Углубленное изучение философско-политических концепций, осмысление роли и значения России в мировом временном континууме составляют устойчивую традицию отечественной философской, политической и общественной мысли. Исходя из этого просветительская идеология логически приводит к следующему выводу: научное знание приносит колоссальную пользу, оно отнюдь не является единственным регулятором общественной жизни; напротив, расцвет самих наук зависит от материального благосостояния и политического могущества государственного организма. В данном контексте справедливо замечал М.М. Щербатов, «исторический опыт человечества свидетельствует: развитие наук неизменно сопровождает экономическое процветание и военно-политическое могущество государства» [10]. Щербатов предстаёт фигурой многоаспектной: помимо аристократического происхождения и деятельности историографа, он был инициатором значительных преобразований. Его концепции в области государственного устройства и правовой системы оставили заметный отпечаток на сознание современников и повлияли на политическую практику последующих администраторов и теоретиков.

Материалы и методы исследований

Исследование философско-политических концепций М.М. Щербатова опиралось на многоуровневую систему методологических подходов и научных парадигм: рационалистический метод позволил подвергнуть анализу государственно-правовые механизмы с позиций логики и разума, исключая теологические и оккультные интерпретации; натуралистический подход способствовал пониманию социальных взаимодействий как закономерного природного явления, подчинённого объективным принципам мироустройства; историко-генетический анализ предоставил возможность исследовать эволюцию государственных и правовых институтов сквозь призму их генезиса и последовательной трансформации; механицистская парадигма содействовала интерпретации государства как сложноорганизованной системы, компоненты которой функционируют согласно установленным закономерностям; материалистический детерминизм акцентиро-

вал внимание на значимости материальных условий в становлении политических институтов и юридических установлений.

Результаты и обсуждения

Творчество Щербатова отличается острой и развёрнутой критикой политико-административной системы и служилого класса (вельмож). Под термином «вельможа» мыслитель понимал не только высокопоставленных государственных чиновников, но и всех должностных лиц, от действий которых зависит гарантирование и защита прав подданных. Родом из дворянства, Щербатов отстаивал иерархическую организацию общества с доминирующей ролью дворянского сословия [4]. Однако его позиция далека от консервативного догматизма. Он выступал за трансформации, способные одновременно модернизировать российскую государственность и сохранять её историческую преемственность. Центральное место в его учении занимает принцип «естественного права». Мыслитель настаивал на необходимости чёткого юридического оформления прав и ответственности для каждого сословия как средства предупреждения административного произвола [12]. Эта норма распространялась на все слои населения, включая крестьянство; при этом дворянство, по убеждению Щербатова, несло повышенную ответственность за благополучие государственного организма.

Основной массив политико-юридических работ Щербатова включает следующие сочинения: «О необходимости и благотворности гражданского законодательства»; «Разнообразные рассуждения о государственном управлении»; «Философия законотворчества»; «Путешествие в землю Офирскую шведского дворянина С.», «О нравственной деградации общества» [8, 9, 10, 11]. В заключительный период творчества М.М. Щербатов обращается к политико-публицистическому жанру с целью беспощадной критики абсолютистской системы правления и практики екатерининской администрации. В этих произведениях мыслитель разоблачает массовые коррупционные процессы: систематическое нарушение правовых норм, казнокрадство в государственном аппарате, продажность судебной системы, незаконное расхищение государственно-го имущества и финансовых ресурсов и прочие формы дисфункции государственного механизма.

Щербатов категорически отрицал, что приставка «просвещённая» привносит какие-либо позитивные коррективы в суть абсолютной монархии. «Я осуждаю, – заявлял он, – саму структуру нашей государственной власти, которая представляет собой откровенный произвол», поскольку «деспотизм не является системой государственного правления, а служит лишь инструментом узурпации власти» [11]. По убеждению мыслителя, подобная форма правления неминуемо ведёт к экономическому упадку и политическому крушению государства, одновременно способствуя нравственной деморализации всех социальных слоёв. Единственным путём преодоления этого кризиса Щербатов считал введение конституционных ограничений на монаршую власть и утверждение принципа правового государства, предусматривающего неукоснительное соблюдение законодательных норм во всех направлениях государственного управления.

По концепции Щербатова, государственный организм возник как результат общественного договора, в котором население согласилось ограничить собственную автономию в обмен на гарантии коллективной безопасности [2]. В основе его философской концепции лежит постулат о первоначальном, доцивилизационном состоянии универсального равенства людей: все человечество восходит к «единому прародителю Адаму, а впоследствии к Ною... и поэтому все являются братьями и в равной мере благородны» [8]. Однако это исходное равенство подвергается неизбежной эрозии вследствие природного разнообразия способностей и потенциалов. Природа, наделяя индивидов неодинаковыми талантами и интеллектуальными возможностями, объективно предопределяет социальную дифференциацию.

Исторический анализ человеческой цивилизации убеждает Щербатова в том, что «имущественное и словесное равенство существовало лишь в первобытном состоянии» [8]. Его постепенная трансформация обусловлена не только интеллектуальными и физическими различиями, но и биологическим фактором поколенческой смены, поскольку природой установлена неминуемая иерархия между возрастными когортами. Возникающее в результате социальное неравенство приобретает наследственный характер, закрепляясь через механизм передачи статуса потомкам. Однако такое ограничение затронуло исключительно необходимый минимум прав и свобод, поскольку тотальное самоотречение лишь бы углубило человеческое подчинение. Таким образом, ядро естественных свобод остаётся неотчуждаемым достоянием индивида. Щербатов иронически отвергал предположение о том, что «люди, обладающие от природы независимостью, добровольно согласились бы с её утратой без серьёзных мотивов и очевидных преимуществ» [10].

В концептуальной системе Щербатова понятие «власть» обладает значительно большей глубиной и многозначностью, нежели его синоним «правление» [2, 10]. Мыслитель соотносит этот термин с двумя органически связанными идеями. В первую очередь, под «верховой властью» понимается инстанция, осуществляющая стратегическое управление государством. Щербатов пояснял это следующим образом: «Не-

смотря на то что верховная власть концентрируется в одном лице главы, он при решении стратегических вопросов руководствуется рекомендациями советников и наиболее авторитетных потомков» [9]. Примечательно, что в текстах мыслителя данный термин систематически замещается эквивалентом «высшее управление», что особенно заметно в произведении «О нравственной деградации в России». Выражение же «верховные администраторы» фигурирует в сочинениях «Размышление об устройстве» и «Концепция основополагающих законов государства». В работе «Послание администраторам и государственным деятелям» Щербатов вводит терминологический синтез, отождествляя понятие «верховная власть» с категорией «государственные управленцы» [8, 9, 10].

Щербатов, следуя идеям Дж. Локка и прочих западноевропейских философов XVII–XVIII столетий, возводит истоки имущественных прав и аристократического наследства к врождённым и приобретённым достоинствам индивида. По его мнению, выдающиеся личные качества – интеллект, храбрость, моральная непорочность, физическая мощь и предприимчивость становились основанием, по которому люди снискивали расположение и почтение в обществе [6]. Такое признание влекло за собой их возвышение на руководящие должности, а их потомков с юных лет готовили к властвованию через превосходное воспитание и обучение, прививая им навыки руководства сверстниками.

Согласно Щербатову, люди создали государственный союз как инструмент защиты от опасностей. При этом граждане согласились расстаться только с «частью собственной свободы и интересов», причём наименьшей частью, дабы не оказаться в более бедственном положении [10]. Следовательно, государственный строй гарантировал сохранение за людьми фундаментальных, неотъемлемых прав. Было бы абсурдно полагать, уверял он, что существа, наделённые от природы независимостью, добровольно отказались бы от неё «без острой необходимости и осязаемых выгод».

Исследуя вопросы государственного устройства, мыслитель различал четыре типа политического режима: монархический, аристократический, демократический и деспотический. Вместе с тем Щербатов скептически относился к возможности «идеальных» воплощений каждого из них. Реальность, по его убеждению, иная: «государь не властвует в одиночку без знати, аристократия беспомощна без простого люда, а социум не способен к самоуправлению без вождей» [10].

Щербатов считал, что государственный строй и правовые установления находятся в прямой зависимости от географических и демографических факторов: климатических условий, протяженности земель, особенностей рельефа, плодородности грунтов и численности населения. Изучая политические системы Западной Европы, философ особое предпочтение отдавал английской модели конституционного монархизма. Привлекательность этого устройства он видел прежде всего в принципе разграничения государственных функций и их законодательном определении. Напротив, Щербатов резко осуждал тиранический строй, неизбежно возникающий при концентрации неограниченной власти в руках одного лица [2, 12]. Его критика сосредоточивается на характерных пороках деспотизма: царствование произвола, господство беззакония и коррумпированность управленческих структур. Безраздельное самодержавие Щербатов определял как «пытка народа, где царят лишь безумные капризы тирана вместо норм права» [10]. При таком режиме законы теряют защитную функцию или попросту отсутствуют; общество погружается в нравственное разложение – лень аристократии, подкупность администраторов, деградация населения, развал государственных институтов.

Республиканский строй также не снискивал одобрения философа, так как, по его мнению, порождает постоянную угрозу восстаний и мятежей. Амбиции отдельных политических деятелей, лишённые каких-либо ограничений, неизбежно приводят к дестабилизации. Щербатов усматривал в истории Рима подтверждение своим опасениям: Сулла, Цезарь и Август смогли захватить власть именно благодаря республиканскому устройству, которое давало им возможность систематически манипулировать общественным мнением, провоцировать социальные конфликты и в разгар смуты утверждать собственное господство [10].

Анализируя монархическую форму правления, Щербатов вслед за Монтескье выделял два её разновидности: конституционную монархию, действующую в рамках правовых норм, и абсолютную монархию, тождественную деспотизму – модель, которую он усматривал в российской политической системе. Философ отдавал явное предпочтение конституционной монархии, не различая при этом монархии наследственной и выборной. По его убеждению, ограниченное самодержавие должно быть основано на фундаментальных законах, гарантирующих охрану «жизни, чести, имущества и благоустройства граждан» исключительно через законодательные установления [7, 10]. Щербатов полагал такое устройство исторически присущим России: русские государи никогда не были «самовластцами» в полном смысле, осуществляя власть при содействии советного органа из «наиболее достойных» представителей дружины, боярства, городских ста-

рейшин и церковной иерархии. Подобная система распределения полномочий обеспечивала верховной власти значительное политическое влияние.

Щербатов отрицал право монарха в одностороннем порядке объявлять войну, подписывать мирные договоры, вводить повинности и принимать законопроекты «без одобрения народа» [10]. В своём утопическом сочинении «Путешествие в землю Офирскую шведского дворянина С.» он излагает структуру идеального «Верховного совета», где предусматривается представительство от дворянства, купечества и городских сословий [1]. Таким образом, его модель предполагала значительное расширение социального состава органов власти по сравнению с ранними проектами.

Предлагаемый Щербатовым представительный орган «Верховный совет» включает пять специализированных отделений: уголовного судопроизводства, финансов государства, коммерческих вопросов, вооружённых сил и дипломатии, где решения принимаются на коллегиальной основе. Законодательная и высшая судебная юрисдикция сосредотачиваются в этом органе. Судейский корпус формируется путём выборов; судебная коллегия состоит из шести членов и главы, избираемого на единовременный срок в один год. На уровне провинций функционируют автономные органы дворянского и купеческого самоуправления, наделённые обширными властными полномочиями. Монарх осуществляет руководство исполнительной ветвью власти и управляет государством в соответствии с законом. За законопреступления предусмотрены суровые санкции вплоть до заточения монарха в темницу. Спустя примерно три десятилетия после смерти государя общественность оценивает его правление; на основании этого вынесенного приговора решается судьба его исторической памяти – либо общественное почитание и воздвижение памятников, либо публичное порицание [1, 11]. Следовательно, в концепции Щербатова монарх предстаёт как главный государственный администратор: он лишён благородных титулов, богатого парадного облачения, пышных придворных ритуалов и облекается исключительно добродетельностью.

Щербатов придавал исключительное значение законотворческому процессу в своих проектах государственного устройства. Разработку законодательных актов он предлагал поручить специальной комиссии из квалифицированных экспертов; плоды их деятельности подлежали бы систематическому опубликованию. Вслед за другими российскими философами, Щербатов настаивал на необходимости создания единого «Кодекса законов», который требовал бы двухэтапного общественного одобрения – сначала в исходном варианте, затем в переработанном виде [4].

В области судостроительства Щербатов сформулировал ряд прогрессивных положений, получивших широкое распространение в западноевропейской мысли его эпохи: публичность разбирательства, прозрачность производства, право на адвокатскую защиту. Философ возражал против произвольного толкования законодательных норм судебным корпусом, требуя их буквального применения при рассмотрении судебных дел. Что касается апелляционного производства, Щербатов предлагал придать ему чёткую нормативную базу, установив конкретные временные рамки для подачи жалоб. Ссылаясь на процессуальные нормы, в частности на положения «Habeas corpus act», он ратовал за то, чтобы в Российском государстве никакое лицо, «даже самый презренный преступник», не подвергалось наказанию без судебного разбирательства и чтобы задержание любого подданного совершалось исключительно по решению уполномоченных органов в установленном законом порядке [10, 12].

Выводы

В целом, политико-юридические и государственные воззрения князя М.М. Щербатова можно определить как синтез консервативного начала и реформаторских устремлений. Мыслитель обосновывал такой подход убеждением, что он способствовал бы укреплению России в качестве влиятельной мировой державы, одновременно сохраняя нравственное наследие многовековых установлений. Для оптимизации государственных институтов и политического курса Щербатов настаивал на том, чтобы представители элиты исторически господствующего класса принимали во внимание чаяния прочего населения, преодолевали в себе корыстолюбие и проявляли воздержанность в накоплении материальных ценностей. Такая позиция ярко демонстрирует приверженность князя просветительским принципам. Его теоретическое наследие продолжило оказывать влияние в последующие столетия, особенно в полемике относительно общественного предназначения дворянства и этических основ государственного устройства.

Список источников

1. Вагеманс Э. К истории русской политической мысли: М.М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» // Русская литература. 1989. № 4. С. 107 – 119.
2. Грацианский П.С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984. 253 с.

3. Петров П.Н. Екатерина II – законодательница. СПб., 1863. 54 с.
4. Серенченко Н.В. Консерватизм князя М.М. Щербатова. // *Философия хозяйства*. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2006. Ч. 3. С. 41 – 51.
5. Скопа В.А. Мировоззренческие установки М.М. Щербатова в контексте русского абсолютизма // *Исторический бюллетень*. 2022. Т. 5. № 4. С. 91 – 95.
6. Скопа В.А. Просветительские идеи в воззрениях М.М. Щербатова: культур-философский анализ // *«Общество: философия, история, культура»*. 2022. № 9. С. 27 – 32.
7. Федосов И.А. Из истории русской общественно-политической мысли XVIII столетия. М.М. Щербатов. М., 1967. 352 с.
8. Щербатов М.М. Краткое историческое повествование о начале родов князей российских, происходящих от великого князя Рюрика. М., 1787.
9. Щербатов М.М. О повреждении нравов в России князя Щербатова и Путешествие [из С. Петербурга в Москву] / С предисл. Искандера [псевд. А.И. Герцена]. London: Trubner & C, 1858. 352 с.
10. Щербатов М.М. Разные рассуждения о правлении // [Электронный ресурс]. <http://www.litres.ru/mihail-shcherbatov/raznye-rassuzhdeniya-o-pravlenii> (дата обращения: 10.07.2026)
11. Щербатов М.М. Сочинения. СПб., 1898. Т. II. 391 с.
12. Щипанов И.Я. Общественно-политические и философские воззрения русских просветителей второй половины XVIII в. // В кн.: *Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР: в 2-х т.* М., 1955 Т. 2. 751 с.

References

1. Wagemans E. On the History of Russian Political Thought: M.M. Shcherbatov and His "Journey to the Land of Ophir". *Russian Literature*. 1989. No. 4. P. 107 – 119.
2. Gratsiansky P.S. Political and Legal Thought of Russia in the Second Half of the 18th Century. Moscow, 1984. 253 p.
3. Petrov P.N. Catherine II – the Legislator. St. Petersburg, 1863. 54 p.
4. Serenchenko N.V. The Conservatism of Prince M.M. Shcherbatov. *Philosophy of Economy*. Almanac of the Center for Social Sciences and the Faculty of Economics of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Moscow, 2006. Part 3. P. 41 – 51.
5. Skopa V.A. M.M. Shcherbatov's Worldview in the Context of Russian Absolutism. *Historical Bulletin*. 2022. Vol. 5. No. 4. P. 91 – 95.
6. Kopa V.A. Enlightenment Ideas in the Views of M.M. Shcherbatov: A Cultural-Philosophical Analysis. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2022. No. 9. P. 27 – 32.
7. Fedosov I.A. From the History of Russian Socio-Political Thought of the 18th Century. M.M. Shcherbatov. Moscow, 1967. 352 p.
8. Shcherbatov M.M. A Brief Historical Narrative about the Beginning of the Lineages of Russian Princes Descending from Grand Duke Rurik. Moscow, 1787.
9. Shcherbatov M.M. On the Corruption of Morals in Russia by Prince Shcherbatov and Journey [from St. Petersburg to Moscow]. With a preface by Iskander [pseud. A.I. Herzen]. London: Trubner & C, 1858. 352 p.
10. Shcherbatov M.M. Various Discourses on Governance. [Electronic resource]. <http://www.litres.ru/mihail-shcherbatov/raznye-rassuzhdeniya-o-pravlenii> (date accessed: 10.07.2026)
11. Shcherbatov M.M. Works. St. Petersburg, 1898. Vol. II. 391 p.
12. Shchipanov I.Ya. Socio-political and philosophical views of Russian enlighteners of the second half of the 18th century. In the book: *Essays on the history of philosophical and socio-political thought of the peoples of the USSR: in 2 volumes*. Moscow, 1955. Vol. 2. 751 p.

Информация об авторе

Скопа В.А., доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, sverhtitan@rambler.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 342.7:342.9(470+571):314.15

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-17-23

Конституционно-правовые основы миграционной безопасности Российской Федерации: соотношение прав человека и интересов государства

¹ Шевцов Л.Ф.,

¹ Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского

Аннотация: стремительное реформирование отечественного миграционного законодательства, которое сопровождается внедрением Реестра контролируемых лиц и жестким лимитированием сроков безвизового нахождения иностранцев, выводит проблематику защиты государственного суверенитета на принципиально иной уровень. Актуальность представленного исследования продиктована тем, что масштабная трансграничная мобильность населения, объективно необходимая для поддержания темпов экономического роста, одновременно генерирует серьезные вызовы для общественного порядка. По существу, в правоприменительной плоскости кристаллизовалось глубокое доктринальное противоречие. Так, с одной стороны, публичная власть обязана оперативно купировать угрозы национальной безопасности, прибегая к выдворению либо депортации. С другой, сугубо запретительный, формальный подход неизбежно разрушает гарантированное право на уважение личной и семейной жизни. Цель заключается в уточнении жизнеспособной конституционно-правовой конструкции, которая способна примирить категоричные императивы безопасности с признанными стандартами защиты прав личности. Резюмировано, что экстраординарные меры государственного принуждения не могут превращаться в канцелярскую рутину. Лишение иностранца права на пребывание в стране оправдано исключительно при наличии доказанной, реальной угрозы обществу, тогда как механическое применение санкций за незначительные проступки представляет собой неконституционный произвол. Примечательно, что приоритет интересов государства неоспорим лишь тогда, когда субъект объективно посягает на основы конституционного строя. Авторский вклад в отходе от абстрактных рассуждений и разработке конкретного прикладного инструментария (концепции «Индекса интеграционной и правовой надежности мигранта»), а также в обосновании необходимости институционализации административной медиации.

Ключевые слова: административное выдворение, баланс интересов, Конституционный Суд РФ, миграционная безопасность, права человека, принцип соразмерности, реестр контролируемых лиц

Для цитирования: Шевцов Л.Ф. Конституционно-правовые основы миграционной безопасности Российской Федерации: соотношение прав человека и интересов государства // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 5. С. 17 – 23. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-17-23

Поступила в редакцию: 28 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 26 августа 2026 г.; Принята к публикации: 14 октября 2026 г.

Constitutional and legal foundations of migration security in the Russian Federation: balancing human rights and state interests

¹ Shevtsov L.F.,

¹ V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations

Abstract: the rapid reform of national migration legislation, accompanied by the introduction of the Register of Controlled Persons and stricter limits on visa-free stays for foreign nationals, has elevated the issue of protecting state sovereignty to a fundamentally new level. The relevance of this study is driven by the fact that large-scale cross-border population mobility, which is objectively necessary to sustain economic growth, simultaneously generates significant challenges to public order. In essence, a profound doctrinal contradiction has crystallized in law enforcement practice. On the one hand, public authorities are obliged to promptly neutralize threats to national security, including through expulsion or deportation. On the other hand, a purely prohibitive and formalistic approach inevitably undermines the guaranteed right to respect for private and family life. The purpose of this study is to refine a viable constitutional and legal framework capable of reconciling the categorical imperatives of security with recognized standards of individual rights protection. It is concluded that extraordinary measures of state coercion must not become routine administrative practice. The deprivation of a foreign national's right to remain in the country is justified only in the presence of a proven and real threat to society, whereas the mechanical application of sanctions for minor offenses constitutes unconstitutional arbitrariness. Notably, the priority of state interests is indisputable only when an individual objectively encroaches upon the foundations of the constitutional order. The author's contribution lies in moving beyond abstract reasoning and developing a concrete applied toolkit, including the concept of an "Index of Migrant Integration and Legal Reliability," as well as substantiating the need for the institutionalization of administrative mediation.

Keywords: administrative expulsion, balance of interests, Constitutional Court of the Russian Federation, human rights, migration security, principle of proportionality, register of controlled persons

For citation: Shevtsov L.F. Constitutional and legal foundations of migration security in the Russian Federation: balancing human rights and state interests. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (5). P. 17 – 23. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-17-23

The article was submitted: July 28, 2026; Approved after reviewing: August 26, 2026; Accepted for publication: October 14, 2026.

Введение

В эпоху глобальных перемен, экономической нестабильности в сочетании с выраженной мобильностью населения вопросы выстраивания эффективной миграционной политики приобретают первостепенное значение для суверенитета любого современного государства. Ежегодно Россия принимает миллионы иностранных граждан. Это, по сути, стимулирует экономическое развитие, восполняет дефицит кадров в строительном и аграрном секторах, компенсирует демографические вызовы. Одновременно с этим, столь масштабный приток иностранцев генерирует существенные риски для общественного порядка, социальной стабильности, конституционного строя.

Вместе с тем, государство обязано находить выверенное равновесие между императивами национальной безопасности и международно-признанными стандартами защиты прав человека. В составлении с предшествующими подходами, при которых мигрант зачастую рассматривался как трудовой ресурс или потенциальный объект жесткого полицейского контроля, современная академическая доктрина требует комплексного анализа правового статуса личности в контексте публичных интересов. По существу, конституционно-правовой конфликт в анализируемой сфере неизбежен. Так, с одной стороны, статья 27 Конституции РФ гарантирует свободу передвижения, а статья 38 защищает семью. С другой – статья 55 (часть 3) прямо допускает ограничение прав, свобод федеральным законом в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав других лиц, обеспечения обороны страны. В итоге отметим, что проблема соразмерности государственного принуждения в миграционной сфере является одной из наиболее острых и дискуссионных в отечественной юриспруденции.

Примечательно, что в течение последних лет российское законодательство претерпевает серьезные изменения, которые ориентированы на ужесточение контроля. И это многократно актуализирует потребность в научном анализе пределов такого государственного вмешательства в частную жизнь.

Материалы и методы исследований

В ходе обзора современных источников обнаруживается несколько взаимодополняющих подходов к осмыслению конституционно-правовых основ миграционной безопасности. Так, А.В. Романов, Л.А. Емелина, С.А. Яворский формируют базовый нормативно-доктринальный ракурс рассмотрения, раскрывая принципы соответствующей политики через призму ценностей и направлений её реформирования [2, 9]. А.А. Савостин и А.Н. Жеребцов акцентируют внимание на соотношении безопасности государства и федеративных механизмов регулирования миграции, развивая институционально-управленческий вектор изысканий [3, 10]. М.Л. Белых, М.А. Ларионова, Е.Е. Новопавловская исследуют гарантии прав человека через инструменты конституционного судопроизводства, включая право обращения в Конституционный Суд и его роль в защите прав иностранных граждан [1, 7]. Значительный массив материалов представлен анализом правоприменительной практики КС РФ, в которой отражается баланс между ограничительными мерами (запрет на въезд, признание пребывания нежелательным) и необходимостью учета частной и семейной жизни мигрантов [4-6, 11]. Нормативно-динамический аспект дополняется информацией о текущих изменениях законодательства [8], что позволяет учесть эволюцию правового регулирования.

Выбор упомянутых выше трудов объясняется их способностью комплексно отразить как теоретико-правовые основания миграционной политики, так и практику конституционного контроля, раскрывающую реальные механизмы соотношения прав человека и интересов государства. Однако в литературе прослеживаются пробелы, сопряженные с недостаточной проработанностью критериев допустимости ограничений прав иностранных граждан и слабой эмпирической базой оценки результативности миграционной политики.

В процессе подготовке статьи были использованы методы формально-юридического анализа, сравнительно-правового сопоставления, обобщения судебной практики. Это определяется необходимостью выявления содержания правовых норм, их интерпретации, практического применения в контексте миграционной безопасности.

Результаты и обсуждения

В первую очередь, целесообразно обратиться к доктринальным основам. Миграционная безопасность трактуется как состояние защищенности национальных интересов государства и общества от угроз, которые сопряжены с неконтролируемыми миграционными потоками и незаконным пребыванием иностранцев [2, 9]. По-видимому, институционализация рассматриваемого понятия в российском праве отражает переход от реактивной управленческой схеме к предупредительной. Любые ограничения прав мигрантов должны быть как юридически, так и социально оправданны. Вероятно, именно принцип пропорциональности служит тем универсальным мерилom, которое позволяет судам оценивать правомерность административного выдворения либо депортации [3, 10].

Права человека, гарантированные международными актами и Конституцией России, предоставляются всем лицам, которые находятся под юрисдикцией государства. Впрочем, статус иностранного гражданина объективно предполагает определенные изъятия из национального режима. Это обусловливается политико-правовой связью граждан со своими государствами. Правоприменитель регулярно сталкивается с дилеммой: является ли совершение мигрантом нескольких малозначительных административных правонарушений достаточным основанием для разрушения его семейной жизни в России?

Анализ правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации дает возможность проследить эволюцию подходов к разрешению указанной коллизии. Примечательно, что суд не раз подчеркивал недопустимость формального применения норм о запрете на въезд или административном выдворении. В частности, при рассмотрении дел, которые сопряжены с нарушением миграционного режима, КС РФ предписывает судам общей юрисдикции оценивать не только сам факт правонарушения, но и детальные данные о личности заявителя, его семейном положении, а также соразмерность назначаемого наказания. Иной, сугубо формальный подход, по мнению Суда, означал бы недопустимое нарушение права на судебную защиту, что гарантируется Конституцией [11].

Одновременно с этим, наличие устойчивых семейных связей в РФ не является абсолютным «иммунитетом» от депортации, если действия лица создают реальную угрозу общественной безопасности. В качестве достоверного примера уместно привести недавнюю практику высшего органа конституционного

контроля. В Определениях КС РФ от 11.06.2024 № 1438-О и от 01.11.2024 № 2560-О/2024 рассматривались жалобы иностранного гражданина, в отношении которого уполномоченным органом МВД было принято решение о нежелательности пребывания в России из-за нахождения в межгосударственном розыске. Заявитель полагал, что статья 25.10 Закона о порядке выезда и въезда в РФ неконституционна, поскольку позволяет принимать бессрочное решение о нежелательности пребывания, ограничивая его процессуальные права на защиту. Суд четко указал, что обсуждаемые нормы не препятствуют лицу оспаривать данное решение в судебном порядке и представлять оправдательные доказательства. Соответственно, право на справедливый суд (статья 46 Конституции РФ) не ущемляется. По сути, КС РФ подтвердил ключевой постулат: если пребывание мигранта объективно создает действительную угрозу обороноспособности, безопасности либо общественному порядку, государство вправе применять самые жесткие меры отторжения – в целях защиты основ конституционного строя. Предположительно, в подобных кейсах чаша весов обоснованно склоняется в пользу публичного интереса [4-6].

Вследствие этого отметим, что текущая правовая политика ориентирована на усиление превентивного контроля. С 2025 года в России вступил в силу блок серьезных изменений в миграционном законодательстве. Так, с 1 января 2025 года введен режим, который жестко ограничивает разрешенный срок безвизового пребывания иностранных граждан рамками 90 суток суммарно в течение всего календарного года. Помимо этого, был внедрен абсолютно новый правовой инструмент – Реестр контролируемых лиц. Туда помещаются данные о мигрантах, не имеющих законных оснований для нахождения в стране [1, 7, 8].

Для наглядности происходящих институциональных преобразований предлагается рассмотреть сравнительную табл. 1 относительно административно-правовых режимов.

Таблица 1
Сопоставление механизмов миграционного контроля в РФ (составлено на основе [1, 3, 7, 8]).

Table 1

Comparison of migration control mechanisms in the Russian Federation (compiled based on [1, 3, 7, 8]).

Критерий	Подходы	
	Традиционный (до 2024 г.)	Современный (с 2025 г.)
Срок безвизового пребывания	90 суток суммарно в течение каждого периода в 180 суток	90 суток суммарно в течение одного календарного года
Учет по месту пребывания	Варьировался в зависимости от статуса мигранта	Постановка на учет на срок, заявленный в уведомлении, но не более, чем на 1 год (с 05.02.2025)
Инструменты цифрового контроля	Локальные и разрозненные базы данных ведомств	Полноценный Реестр контролируемых лиц с публичным доступом по запросу к отдельным сведениям
Ответственность за нарушения	Стандартные административные санкции	Существенное ужесточение наказаний за фиктивную постановку на учет и нелегальную миграцию

Видимо, данные законодательные новеллы призваны свести к минимуму угрозы национальной безопасности. Однако они неизбежно увеличивают риск коллизий с фундаментальными правами иностранцев, требуя от правоприменителя абсолютной точности при разрешении споров.

Логично сформулировать ряд прикладных рекомендаций, которые нацелены на устранение правовой неопределенности в правоприменительной практике. Как представляется, невзирая на наличие четких разъяснений КС РФ, суды первой инстанции зачастую испытывают серьезные методологические трудности с объективной оценкой категории «соразмерность».

Так, предлагается внедрение «Индекса интеграционной и правовой надежности мигранта» в судебную практику. Назначение – обеспечение судей объективным, формализованным инструментарием для комплексной оценки личности иностранного гражданина при рассмотрении административных дел о выдворении. В отличие от сугубо субъективного усмотрения судьи, предлагаемый индекс представляет собой математически обоснованную балльную систему. В ней суммируются положительные факторы (стаж непрерывного проживания в РФ, наличие легального дохода, знание языка, наличие несовершеннолетних детей-граждан РФ) и вычитаются баллы за тяжесть и количество правонарушений. Описываемый шаг решит проблему колоссальной разрозненности судебной практики в различных регионах страны. Он защитит добросовестных мигрантов от выдворения за сугубо формальные, «канцелярские» проступки.

Вторая рекомендация сопряжена с институционализацией процедуры административной медиации при рассмотрении споров. Речь идет о создании досудебного механизма урегулирования конфликтов между подразделениями МВД по вопросам миграции и иностранцами, имеющими устойчивые семейные связи в РФ. На сегодняшний день публично-правовой спор о выдворении практически не предполагает примирительных процедур. Законодательное закрепление права на их применение (например, заключение соглашения о добровольном устранении документарных нарушений в жесткий срок в обмен на отмену инициативы о запрете на въезд) поможет существенно гуманизировать процесс, снизить огромную нагрузку на судебную систему.

Выводы

Миграционная безопасность Российской Федерации представляет собой сложный, многоуровневый феномен. В нем тесно и неразрывно переплетаются императивы государственного суверенитета и универсальные ценности прав человека. Проведенное исследование показало, что обеспечение национальной безопасности в характеризуемой сфере не должно и объективно не может осуществляться путем тотального нивелирования конституционных прав иностранных граждан. Напротив, как убедительно свидетельствует последовательная практика КС РФ, подлинная сила и демократический характер правового государства проявляются именно в способности судебной системы находить справедливый, выверенный баланс интересов.

По существу, выдворение, депортация, признание пребывания лица нежелательным выступают в качестве экстраординарных мер госпринуждения. Их задействование оправдано именно в случаях реальной угрозы общественному порядку, здоровью населения, базовым основам конституционного строя. Рассмотренные в статье примеры из практики прямо доказывают, что формальный подход к назначению таких санкций, при котором игнорируются семейное положение, глубина интеграции лица в российское общество, фактическая тяжесть совершенного проступка, категорически недопустим. Одновременно с этим, государственные интересы обладают безоговорочным приоритетом в ситуациях, когда деятельность мигранта объективно посягает на национальную безопасность. В связи с этим само по себе наличие семьи не может трактоваться судами как безусловная индульгенция от юридической ответственности.

Введение в 2025 году новых административных механизмов, в частности, Реестра контролируемых лиц и сокращения сроков безвизового пребывания, безусловно, многократно усиливает публично-правовой контроль. Резюмируем, что в ближайшей перспективе роль судебной власти как главного и независимого арбитра в миграционных спорах возрастет еще сильнее. Следовательно, отечественная академическая наука должна постепенно отказываться от исключительно карательной парадигмы в оценке правонарушений, переходя к риск-ориентированному подходу.

Сформулированные авторские рекомендации, в том числе, разработка «Индекса интеграционной и правовой надежности», обладают потенциалом для практического внедрения. По-видимому, их использование поможет существенно снизить уровень судейского усмотрения, смягчить коррупциогенные факторы, сделать правосудие в миграционной сфере более транспарентным. В последующем представленные выводы уместно использовать для углубленного изучения межотраслевых связей, для корректировки ведомственных регламентов в части оценки соразмерности применяемых мер государственного принуждения.

Список источников

1. Белых М.Л., Ларионова М.А. Право на обращение в Конституционный Суд РФ иностранных лиц и лиц без гражданства как гарантия реализации принципа верховенства права // Бизнес, менеджмент и право. 2025. № 4 (68). С. 18 – 22.
2. Емелина Л.А., Яворский С.А. Конституционно-правовые основы миграционной политики России: проблемы и направления реформирования // Московский юридический журнал. 2024. № 4. С. 19 – 26.
3. Жеребцов А.Н. Конституционный принцип федерализма и административно-правовые средства его реализации в рамках государственной миграционной политики Российской Федерации // Очерки новейшей камералистики. 2023. № 4. С. 2 – 9.
4. Конституционный Суд Российской Федерации отказал гражданину Грузии в принятии к рассмотрению его жалобы на нарушения порядка принятия решения о нежелательности пребывания иностранца в РФ. URL: <https://legalbulletin.online/konstitucionnyj-sud-rossijskoj-federacii-otkazal-grazhdaninu-gruzii-v-prinjatii-k-rassmotreniju-ego-zhaloby-na-narusheniya-porjadka-prinjatija-reshenija-o-nezhe-latelnosti-prebyvanija-inostranca-v-rf/> (дата обращения: 18.03.2026)

5. Корнева Е. Запрет на въезд для иностранных граждан: мнение КС РФ. URL: <https://all-migration.com/journal/yuridicheskaya-zashchita-na-strazhe-vashikh-interesov/zapret-na-vezd-dlya-inostrannykh-grazhdan-mnenie-ks-rf/> (дата обращения: 18.03.2026)
6. Нагорная М. КС не усмотрел нарушений в порядке принятия решения о нежелательности пребывания иностранца в РФ. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-ne-usmotrel-narusheniy-v-poryadke-prinyatiya-resheniya-o-nezhelatelnosti-prebyvaniya-inostrantsa-v-rf/> (дата обращения: 18.03.2026)
7. Новопавловская Е.Е. Реформирование миграционного законодательства и практика конституционного судопроизводства // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2025. № 2. С. 29 – 35.
8. Основные изменения в миграционном законодательстве РФ с января 2025 года. URL: <https://lexpat.ru/news/osnovnye-izmeneniya-v-migracionnom-zakonodatelstve-rf-s-yanvary-2025-goda.html> (дата обращения: 18.03.2026)
9. Романов А.В. Конституционные основы миграционной политики Российской Федерации // Миграционное право. 2021. № 2. С. 12 – 15.
10. Савостин А.А. Проблемы миграционной безопасности Российской Федерации: конституционный и административно-правовой аспекты // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2023. № 4 (68). С. 75 – 79.
11. INTERFAX. КС предписал судам учитывать семьи иностранцев при назначении длительного запрета на въезд. URL: <https://www.interfax.ru/russia/910631> (дата обращения: 18.03.2026)

References

1. Belykh M.L., Larionova M.A. The Right of Foreigners and Stateless Persons to Appeal to the Constitutional Court of the Russian Federation as a Guarantee of the Implementation of the Rule of Law Principle. Business, Management and Law. 2025. No. 4 (68). P. 18 – 22.
2. Emelina L.A., Yavorsky S.A. Constitutional and Legal Foundations of Russia's Migration Policy: Problems and Directions for Reform. Moscow Law Journal. 2024. No. 4. P. 19 – 26.
3. Zherebtsov A.N. The Constitutional Principle of Federalism and Administrative-Legal Means of Its Implementation within the Framework of the State Migration Policy of the Russian Federation. Essays on the Newest Cameralistics. 2023. No. 4. P. 2 – 9.
4. The Constitutional Court of the Russian Federation refused to accept for consideration a Georgian citizen's complaint regarding violations of the procedure for deciding on the undesirability of a foreigner's stay in the Russian Federation. URL: <https://legalbulletin.online/konstitucionnyj-sud-rossijskoj-federacii-otkazal-grazhdaninu-gruzii-v-prinjatii-k-rassmotreniju-ego-zhaloby-na-narusheniya-porjadka-prinjatija-resheniya-o-nezhelatelnosti-prebyvaniya-inostranca-v-rf/> (date of access: 18.03.2026)
5. Korneva E. Entry Ban for Foreign Citizens: Opinion of the Constitutional Court of the Russian Federation. URL: <https://all-migration.com/journal/yuridicheskaya-zashchita-na-strazhe-vashikh-interesov/zapret-na-vezd-dlya-inostrannykh-grazhdan-mnenie-ks-rf/> (date of access: 18.03.2026)
6. Nagornaya M. The Constitutional Court did not find any violations in the procedure for deciding on the undesirability of a foreigner's stay in the Russian Federation. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-ne-usmotrel-narusheniy-v-poryadke-prinyatiya-resheniya-o-nezhelatelnosti-prebyvaniya-inostrantsa-v-rf/> (date of access: 18.03.2026)
7. Novopavlovskaya E.E. Reforming Migration Legislation and the Practice of Constitutional Justice. Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2025. No. 2. P. 29 – 35.
8. Main Changes in the Migration Legislation of the Russian Federation from January 2025. URL: <https://lexpat.ru/news/osnovnye-izmeneniya-v-migracionnom-zakonodatelstve-rf-s-yanvary-2025-goda.html> (date accessed: 18.03.2026)
9. Romanov A.V. Constitutional Foundations of the Migration Policy of the Russian Federation. Migration Law. 2021. No. 2. P. 12 – 15.
10. Savostin A.A. Problems of Migration Security of the Russian Federation: Constitutional and Administrative-Legal Aspects. Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2023. No. 4 (68). P. 75 – 79.
11. INTERFAX. The Constitutional Court ordered courts to take into account the families of foreigners when imposing long-term entry bans. URL: <https://www.interfax.ru/russia/910631> (date of access: 18.03.2026)

Информация об авторе

Шевцов Л.Ф., аспирант, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского

© Шевцов Л.Ф., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 323.2

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-24-29

Эволюция концептуальных основ государственного управления наукой: от национальных инновационных систем к миссиям технологического суверенитета

¹ Аушкап К.Н.,

¹ Государственный университет управления

Аннотация: в статье реконструируется, как исторически менялись концептуальные основы управления наукой и технологиями. Показано, что линейная модель управления наукой уступила место концепции инновационных систем, на смену которой сегодня приходит политика, ориентированная на «большие миссии». По мнению автора, этот процесс не сводим к простой смене инструментов, а представляет собой глубокую философскую трансформацию представлений о роли государства в сфере науки. Особое внимание в статье уделено концептуальной трансформации миссионного подхода в 2020-е годы. Если изначально миссии были ответом на климатические и социальные угрозы, то в настоящее время, на фоне фрагментации мира, они перекаливаются в категоричные требования по обеспечению технологического суверенитета. Методологическую основу исследования составляет принцип симметрии, а также метод реконструкции онтологий, позволившие зафиксировать важный сдвиг: современное государство из регулятора и сетевого оператора превращается в главного проектировщика технологической безопасности.

Проведенное исследование существующих практик государственного управления наукой подтверждает опасность механического трансфера государственных институтов, что, по мнению автора, обуславливает необходимость выработки адаптивных моделей управления научной сферой. Результаты работы могут быть использованы при проектировании стратегий научно-технологического развития, учитывающих национальную специфику и суверенные приоритеты в эпоху глобальной турбулентности, а также послужат основой для дальнейших сравнительных исследований в области научно-технической политики.

Ключевые слова: научно-техническая политика, национальные инновационные системы, миссионно-ориентированная политика, технологический суверенитет, политическая онтология, STI-исследования

Для цитирования: Аушкап К.Н. Эволюция концептуальных основ государственного управления наукой: от национальных инновационных систем к миссиям технологического суверенитета // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 5. С. 24 – 29. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-24-29

Поступила в редакцию: 29 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 27 августа 2026 г.; Принята к публикации: 14 октября 2026 г.

The evolution of theoretical frameworks for science governance: from national innovation systems to technological sovereignty missions

¹ Aushkap K.N.,

¹ State University of Management

Abstract: the article reconstructs how the theoretical frameworks of science and technology governance have historically evolved. It shows that the era of linear models gave way to the concept of innovation systems, which in turn was replaced by mission-oriented policy. This is not merely a change of instruments, but a profound philosoph-

ical transformation in the understanding of the state's role in the scientific sphere. Special attention is paid to the conceptual shift in the mission approach in the 2020s. While initially missions were a response to climate and social threats, they are currently being reframed – against the backdrop of global fragmentation – into categorical demands for ensuring technological sovereignty. The methodological foundation of the study is the symmetry principle, together with the method of ontological reconstruction, which together made it possible to capture an important shift: the modern state is evolving from a regulator and network operator into the chief architect of technological security.

The historical and scientific analysis carried out warns against the dangers of mechanical institutional transfer and emphasises the need to develop adaptive governance models. The results of the work can be used in designing science and technology development strategies that take into account national specificities and sovereign priorities in an era of global turbulence, and can also serve as a basis for further comparative research in the field of science and technology policy.

Keywords: science and technology policy, national innovation systems, mission-oriented policy, technological sovereignty, political ontology, STI Studies

For citation: Aushkap K.N. The evolution of theoretical frameworks for science governance: from national innovation systems to technological sovereignty missions. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (5). P. 24 – 29. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-24-29

The article was submitted: July 29, 2026; Approved after reviewing: August 27, 2026; Accepted for publication: October 14, 2026.

Введение

Фундаментальный сдвиг в статусе науки и технологий, а именно их трансформация из фактора экономического роста в детерминанту национальной безопасности и экзистенциального выживания, требует переосмысления парадигм управления научно-технологическим комплексом [1; 2]. Современная государственная политика зачастую механически заимствуют устаревшие институциональные конструкции (от попыток клонирования «Кремниевых долин» до адаптации западных социальных миссий), не отдавая себе отчета в их фундаментальных предпосылках и ограничениях.

Проблема заключается в том, что смена парадигм в исследованиях науки, технологий и инноваций (STI Studies) редко анализируется через призму изменения онтологии самого государства. Цель данной работы – реконструировать историческую динамику теоретических подходов к управлению наукой для выявления новой, формирующейся онтологии государства, которое эволюционирует от «корректора рыночных провалов» и «оператора инновационных сетей» к «архитектору технологического суверенитета».

Материалы и методы исследований

Теоретической базой исследования послужили классические труды по эволюционной экономике и социологии знания (Й. Шумпетер, Р. Нельсон, С. Уинтер, К. Фримен, Б.А. Лундвалл, М. Маццукато), а также современные публикации по STI-политике и геополитике технологий (2023-2024 годы).

Методологический аппарат работы основан на принципе симметрии Д. Блура [3], позволяющем анализировать успешные и отвергнутые теоретические конструкции без апелляции к их «абсолютной истинности», а также на методе экспликации неявных политических онтологий [4]. Данный метод предполагает, что любая абстрактная экономическая или управленческая модель имплицитно содержит ответ на вопрос о том, как устроен мир инноваций и какое место в нем занимает государство [5]. Сравнительный анализ парадигм проводится через призму того, как каждая из них концептуализирует границы вмешательства государства в научную и технологическую сферы.

Результаты и обсуждения

В середине прошлого века безраздельно господствовала так называемая линейная модель управления наукой. Ее каноническим манифестом стал доклад В. Буша «Наука – бесконечный рубеж», в котором обосновывалась идея невмешательства государства в научный процесс. По этой логике наука представляла собой автономную область, при этом государству отводилась роль спонсора, а рынку предписывалось чуть ли не автоматически превращать фундаментальные открытия в готовые технологии. Надо признать, что эта модель обладала политической привлекательностью, поскольку оправдывала значительные бюджетные инвестиции и закрепляла тот самый «социальный контракт», который сложился в науке после войны. Однако

уже в 1970-е годы накопление эмпирических аномалий показало несостоятельность линейного детерминизма. Выяснилось, что технология вполне может обгонять науку, что инновации стимулируются рыночным спросом, а сам процесс разработки представляет собой не прямую линию, а комплекс обратных связей и возвратных циклов [6].

Критика линейной модели, сформированная эволюционной экономикой (Р. Нельсон, С. Винтер), совершила подлинный эпистемологический рывок [7]. Введение таких понятий, как «рутины», «технологической траектории», «ограниченной рациональности», фактически деконструировало неоклассическую идею о том, что рынок сам стремится к равновесию. В этой картине фирма перестала рассматриваться как безупречный вычислительный центр, а технология начинает восприниматься как внутренняя движущая сила (процесс «созидательного разрушения», по Й. Шумпетеру). Этот теоретический сдвиг изменил взгляд на роль государства, которое, согласно новому подходу, переставало представлять собой «ночного сторожа» или корректором провалов рынка. Государство становилось полноправным участником инновационной системы, чья политика напрямую влияла на траекторию технологического развития.

Осмысление того, что инновации нелинейны, а развитие технологий кумулятивно, привело к формированию концепции национальных инновационных систем (НИС) в работах К. Фримена, Б.А. Лундвалла и Р. Нельсона [8; 9]. На этом этапе происходит вторая смена политической онтологии государства. Государство наделяется функциями координатора, в задачи которого входит выстраивание среды, благоприятной для сетевых взаимодействий. А инновация, в свою очередь, перестает быть личной заслугой отдельного ученого или инженера, а превращается в эффект, рождающийся внутри сложной системы взаимосвязей.

Концепция НИС дала теоретическое обоснование активной роли государства, но одновременно выявила жесткие ограничения на механический трансфер институтов. Сравнительный анализ показал, что не существует единой оптимальной модели: американская, японская и германская системы опирались на уникальные исторические конфигурации. Это породило важнейший методологический вывод: инновационная политика не может быть скопирована без учета национальной специфики. Системный подход был впоследствии расширен через модели «тройной спирали» (Г. Ицковиц, Л. Лейдесдорф) и концепцию открытых инноваций (Г. Чесбро), которые описали механизмы размывания институциональных границ и глобализацию инновационных сетей [10; 11]. Однако именно концепция НИС заложила фундамент для понимания науки как институционально укорененного феномена.

В 2010-е годы М. Маццукато предложила миссионно-ориентированный подход, совершивший очередной теоретический перелом [12]. Критикуя неолиберальный консенсус, она наделила государство функциями «предпринимателя» и «создателя рынков», способного задавать направление технологического поиска для решения «больших вызовов» (климат, демография, здравоохранение). Миссия предполагала управление портфелем проектов, межсекторальное участие и ориентированные на вызовы государственные закупки.

Однако в 2020-е годы, на фоне беспрецедентных геополитических кризисов, данная концепция претерпевает радикальную мутацию, что находит отражение в новейшей литературе. Если в западном дискурсе 2010-х годов «миссия» ассоциировалась преимущественно с «зеленым переходом» и снижением социального неравенства, то в современной повестке она мутирует в инструмент обеспечения технологического суверенитета.

Фокус смещается с создания «новых рынков» на обеспечение экзистенциальной устойчивости критических технологий и управления суверенными цепочками создания стоимости [13; 14]. Государство в этой парадигме выступает уже не просто как «предприниматель», но как «архитектор суверенитета», вынужденное балансировать между логикой глобальных сетей и императивами национальной безопасности. При этом механизмы миссионного подхода (портфельное финансирование, кондициональность поддержки) используются для достижения целей, которые М. Маццукато изначально не закладывала в свою теорию, а именно удержания технологического лидерства в условиях фрагментации глобального научного пространства. Современные авторы подчеркивают, что в условиях санкционного давления и деглобализации классическая НИС-парадигма, ориентированная на открытые инновации, вынуждена уступать место парадигме «суверенных инновационных контуров», где миссия носит не социальный, а оборонно-технологический характер [15; 16].

Выявленная трансформация приводит к формированию двух различных траекторий. В западной модели миссионная политика сохраняет социально-экологическую окраску, опираясь на постиндустриальную повестку и глобальную климатическую повестку. В то же время в странах, формирующих альтернативные центры силы, происходит синтез: государство использует сетевые инструменты (наследие НИС) и предпринимательские механизмы (наследие миссионного подхода) для достижения новой, беспрецедентной по масштабу цели, а именно обеспечения технологического суверенитета [17].

Это требует от государственного аппарата не просто координации, но способности к жесткому стратегическому форсайту и принятию на себя рисков, которые частный капитал в условиях неопределенности нести не готов [18]. Развивается концепция «динамических способностей» публичного сектора: государство должно обладать толерантностью к риску, межведомственной координацией и способностью к долгосрочному планированию вне давления краткосрочных политических циклов. Систематизируя выявленные сдвиги, можно наглядно проследить, как менялись не только инструменты политики, но и глубинное философское понимание роли государства (табл. 1).

Таблица 1

Эволюция парадигм научно-технической политики и смена политических моделей государства.

Table 1

The evolution of science and technology policy paradigms and the shifting political models of the state.

Парадигма	Хронология	Онтология государства	Целеполагание и функции
Линейная модель	1940-е – 1970-е гг.	Онтология невмешательства. Государство как спонсор, «ночной сторож» и внешний корректор провалов рынка. Гарантия когнитивной автономии науки.	Экономический рост через базовые открытия; обеспечение национальной безопасности. Легитимация щедрого финансирования при сохранении автономии ученых.
Эволюционная экономика / НИС	1970-е – 2000-е гг.	Онтология сетевой координации. Государство как эндогенный актор, координатор институциональной среды.	Повышение глобальной конкурентоспособности; стимулирование диффузии знаний; создание «ровного игрового поля» и развитой инновационной инфраструктуры.
Миссионерский подход (классический)	2010-е – начало 2020-х гг.	Онтология активного конструирования. Государство как «предприниматель», создатель и формирователь новых рынков, инвестор первых стадий.	Решение «больших вызовов» (климат, здравоохранение, социальное неравенство) через целенаправленное формирование рынков и межсекторальную кооперацию.
Миссионерский подход с акцентом на достижение суверенитета	2020-е гг. – настоящее время	Онтология экзистенциального гарантирования. Государство как «архитектор технологического суверенитета» и стратегический форсайтер.	Обеспечение технологического суверенитета и экзистенциальной безопасности; удержание лидерства в критических технологиях в условиях геополитической фрагментации.

Анализ, представленный в табл. 1, показывает, что переход к миссиям технологического суверенитета не отменяет предыдущие этапы, а диалектически снимает их. Линейная модель дала базис автономии науки, НИС – понимание институциональной среды, классический миссионерский подход – инструменты активного конструирования рынков. Однако в новых исторических условиях все эти элементы подчиняются императиву выживания и стратегической автономии.

Выводы

Таким образом, эволюция теоретических подходов к государственному управлению наукой представляет собой не просто кумулятивное накопление эмпирических данных, но последовательную смену политических моделей. От принципа невмешательства (линейная модель) через модель сетевой координации (НИС) к онтологии активного конструирования рынков (миссионерский подход).

В 2020-е годы миссионерно-ориентированная политика переживает концептуальную мутацию. Из инструмента решения социально-экологических проблем она трансформируется в механизм обеспечения технологического суверенитета и экзистенциальной безопасности. Государство обретает новую онтологию – «архитектора технологического суверенитета».

Историко-научный анализ предупреждает об опасности механического трансфера институтов. Понимание того, что современные миссии требуют не просто финансирования, но глубокой перестройки государственного аппарата (его динамических способностей и толерантности к риску), является необходимым условием для выработки эффективной научно-технической политики в эпоху глобальной фрагментации.

Дальнейшие исследования в области STI-политики должны быть сфокусированы на изучении механизмов адаптации классических инструментов (НИС, тройная спираль) к условиям закрытых или полузакрытых суверенных контуров, а также на оценке долгосрочных эффектов миссионной политики в секторах, критических для национальной безопасности.

Список источников

1. Кочетков Д.М. Об истории, предмете и задачах российского науковедения // Социология науки и технологий. 2025. Т. 16. № 1. С. 91 – 122.
2. Комбарова Е.В., Музалевская К.В. Наука и технологии в России: поиск эффективной модели государственного управления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2025. № 4 (165). С. 78 – 88.
3. Блур Д. Знание и социальное представление. Глава 6, Возможна ли альтернативная математика. Перевод Е. Напреенко // Социология власти. 2012. № 6-7. С. 150 – 177.
4. Поспелова О.В. Политическая онтология и ее методолого-теоретический контекст // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2009. Т. 2. № 3-2. С. 202 – 211.
5. Тамбовцев В.Л., Рождественская И.А. Экономическая теория в составе научных оснований государственного управления // Terra Economicus. 2022. Т. 20. № 2. С. 6 – 20.
6. Kline S.J., Rosenberg N. An overview of innovation // The Positive Sum Strategy: Harnessing Technology for Economic Growth. Washington, D.C.: National Academy Press, 1986. P. 275 – 305.
7. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. Москва: Дело, 2002. 535с.
8. Freeman C. Continental, national and sub-national innovation systems – complementarity and economic growth // Research policy. 2002. Vol. 31. № 2. С. 191 – 211.
9. Lundvall B.Å. National innovation systems – analytical concept and development tool // Industry and innovation. 2007. Т. 14. № 1. P. 95 – 119.
10. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The dynamics of innovation: from National Systems and “Mode 2” to a Triple Helix of university–industry–government relations // Research policy. 2000. Vol. 29. № 2. P. 109 – 123.
11. Chesbrough H.W., Appleyard M.M. Open innovation and strategy // California management review. 2007. Vol. 50. № 1. P. 57 – 76.
12. Mazzucato M. Mission-oriented policy: from fixing markets to shaping markets and debunking myths about the state // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2025. Т. 18. № 3. С. 671 – 677.
13. Metaiche M.E.A. Linking national innovation systems and innovation capacity // Management and Entrepreneurship: Trends of Development. 2024. Vol. 4. № 30. P. 8 – 26.
14. Mayer M., Nock P.J. Digital fragmentations, technological sovereignty and new perspectives on the global digital political economy // Global political economy. 2025. Vol. 4. № 1. P. 2 – 13.
15. Юревич М.А. Технологический суверенитет России: понятие, измерение, возможность достижения // Вопросы теоретической экономики. 2023. Т. 21. № 4. С. 7 – 21.
16. Edler J. et al. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means // Research policy. 2023. Vol. 52. № 6. P. 104765.
17. Капогузов Е.А., Пахалов А.М. Технологический суверенитет: концептуальные подходы и восприятие российскими академическими экспертами // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. Т. 64. № 3. С. 244 – 250.
18. Ленчук Е.Б. Технологический суверенитет – новый вектор научно-технологической политики России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. Т. 64. № 3. С. 232 – 237.

References

1. Kochetkov D.M. On the History, Subject, and Tasks of Russian Science Studies. Sociology of Science and Technology. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 91 – 122.
2. Kombarova E.V., Muzalevskaia K.V. Science and Technology in Russia: Search for an Effective Model of Public Administration. Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2025. No. 4 (165). P. 78 – 88.
3. Blur D. Knowledge and Social Representation. Chapter 6. Is Alternative Mathematics Possible? Translated by E. Napreenko. Sociology of Power. 2012. No. 6-7. P. 150 – 177.
4. Pospelova O.V. Political Ontology and Its Methodological and Theoretical Context. Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2009. Vol. 2. No. 3-2. P. 202 – 211.
5. Tambovtsev V.L., Rozhdestvenskaia I.A. Economic Theory as Part of the Scientific Foundations of Public Administration. Terra Economicus. 2022. Vol. 20. No. 2. P. 6 – 20.

6. Kline S.J., Rosenberg N. An overview of innovation. *The Positive Sum Strategy: Harnessing Technology for Economic Growth*. Washington, D.C.: National Academy Press, 1986. P. 275 – 305.
7. Nelson R., Winter S. *Evolutionary Theory of Economic Change*. Moscow: Delo, 2002. 535 p.
8. Freeman C. Continental, national, and subnational innovation systems – complementarity and economic growth. *Research policy*. 2002. Vol. 31. No. 2. P. 191 – 211.
9. Lundvall B.Å. National innovation systems – analytical concept and development tool. *Industry and innovation*. 2007. T. 14. No. 1. P. 95 – 119.
10. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The dynamics of innovation: from National Systems and “Mode 2” to a Triple Helix of university–industry–government relations. *Research policy*. 2000. Vol. 29. No. 2. P. 109 – 123.
11. Chesbrough H.W., Appleyard M.M. Open innovation and strategy. *California management review*. 2007. T. 50. No. 1. P. 57 – 76.
12. Mazzucato M. Mission-oriented policy: from fixing markets to shaping markets and debunking myths about the state. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2025. T. 18. No. 3. P. 671 – 677.
13. Metaiche M.E.A. Linking national innovation systems and innovation capacity. *Management and Entrepreneurship: Trends of Development*. 2024. T. 4. No. 30. P. 8 – 26.
14. Mayer M., Nock P.J. Digital fragmentations, technological sovereignty and new perspectives on the global digital political economy. *Global political economy*. 2025. T. 4. No. 1. P. 2 – 13.
15. Yurevich M.A. Russia's Technological Sovereignty: Concept, Measurement, and Possibility of Achieving It. *Voprosy Teoreticheskoy Ekonomiki*. 2023. Vol. 21. No. 4. P. 7 – 21.
16. Edler J. et al. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends, and means. *Research policy*. 2023. Vol. 52. No. 6. P. 104765.
17. Kapoguzov E.A., Pakhalov A.M. Technological sovereignty: Conceptual approaches and perceptions by Russian academic experts. *Journal of the New Economic Association*. 2024. Vol. 64. No. 3. P. 244 – 250.
18. Lenchuk E.B. Technological sovereignty – a new vector of Russia's scientific and technological policy. *Journal of the New Economic Association*. 2024. Vol. 64. No. 3. P. 232 – 237.

Информация об авторе

Аушкап К.Н., Государственный университет управления

© Аушкап К.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 327.8

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-30-35

Молодежная дипломатия в системе публичной дипломатии России и ее значение для развития международного гуманитарного взаимодействия

¹ Марьина А.А.,

¹ Московский государственный институт международных
отношений МИД Российской Федерации

Аннотация: молодежный трек внешнеполитической деятельности России закреплен одновременно в документах внешнеполитического, молодежно-политического и образовательного планирования, однако терминология этих документов не совпадает с терминологией научного дискурса: Концепция внешней политики 2023 г. оперирует понятием общественной дипломатии, исследовательская литература – понятием публичной дипломатии. Отсюда расхождение между нормативно заявленным охватом молодежной дипломатии и той его частью, которая поддается статистическому наблюдению. Цель работы – установить соотношение между этими двумя величинами и определить место молодежной дипломатии в институциональной структуре российской публичной дипломатии. Применены формально-юридический и сравнительно-правовой анализ доктринальных и программных актов в редакциях 2024-2026 гг., вторичный анализ ведомственной отчетности, авторский расчет показателей охвата и его институциональной закреплённости. Освоение квоты Правительства Российской Федерации на образование иностранных граждан снизилось с 99,09 % в 2023/24 учебном году до 93,09 % в 2024/25, причем недобор сосредоточен на линии олимпиад школьников и конкурсов для поступающих в магистратуру: 79,82 % против 95,33 % по основному плану. Отношение странового охвата постоянных российских образовательных и просветительских структур к охвату крупнейшего событийного формата держится в диапазоне 0,17-0,50. Молодежная дипломатия не образует самостоятельного уровня публичной дипломатии, а функционирует как возрастной фильтр внутри образовательного контура, единственного, где заданы измеримые плановые величины; управленческая субъектность направления определяется наличием планового показателя, а не возрастным признаком аудитории.

Ключевые слова: молодежная дипломатия, публичная дипломатия, общественная дипломатия, международное гуманитарное сотрудничество, мягкая сила, экспорт образования, международные молодежные обмены, Россотрудничество

Для цитирования: Марьина А.А. Молодежная дипломатия в системе публичной дипломатии России и ее значение для развития международного гуманитарного взаимодействия // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 5. С. 30 – 35. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-30-35

Поступила в редакцию: 31 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 29 августа 2026 г.; Принята к публикации: 14 октября 2026 г.

***Youth diplomacy in the system of Russia's public diplomacy and its
significance for the development of international humanitarian cooperation***

¹ Maryina A.A.,

¹ Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Abstract: the youth track of Russian foreign policy is embedded simultaneously in foreign policy, youth policy and educational planning documents, yet their terminology diverges from that of academic discourse: the 2023 Foreign Policy Concept employs the notion of civic diplomacy, whereas research literature relies on public diplomacy. A gap therefore arises between the normatively declared scope of youth diplomacy and the portion of it that is statistically observable. The aim is to establish the ratio between these magnitudes and to determine the place of youth diplomacy within the institutional structure of Russian public diplomacy. Formal legal and comparative legal analysis of doctrinal and programme acts in their 2024-2026 versions, secondary analysis of departmental reporting and the author's calculation of coverage indicators were applied. The fulfilment of the Russian Government quota for the education of foreign nationals declined from 99.09% in the 2023/24 academic year to 93.09% in 2024/25, the shortfall being concentrated in the line of school olympiads and master's admission competitions: 79.82% against 95.33% for the main plan. The ratio of the country coverage of permanent Russian educational and outreach structures to that of the largest event format remains within 0.17-0.50. Youth diplomacy operates as an age filter inside the educational circuit rather than as an autonomous level; its managerial subjectivity follows from a planned indicator, not from the age of the audience.

Keywords: youth diplomacy, public diplomacy, civic diplomacy, international humanitarian cooperation, soft power, education export, international youth exchanges, Rossotrudnichestvo

For citation: Maryina A.A. Youth diplomacy in the system of Russia's public diplomacy and its significance for the development of international humanitarian cooperation. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (5). P. 30 – 35. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-30-35

The article was submitted: July 31, 2026; Approved after reviewing: August 29, 2026; Accepted for publication: October 14, 2026.

Введение

Утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 Концепция внешней политики ни разу не употребляет термин «публичная дипломатия». Подпункт 3 пункта 43 закрепляет развитие механизмов общественной дипломатии с участием экспертного и научного сообщества, молодежи, волонтерского и поискового движений. Академическая традиция движется в противоположном направлении: понятие публичной дипломатии, эволюцию которого прослеживает М.М. Лебедева, закрепилось в политологии прочнее доктринального аналога. Расхождение не только номинальное, поскольку от выбора понятия зависит, какому ведомству вменяется работа с зарубежными молодежными аудиториями.

В этот зазор молодежная дипломатия попадает дважды. Нормативное ее основание – пункт 24 части 1 статьи 6 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ в редакции Федерального закона от 28 декабря 2024 г. № 550-ФЗ; формы взаимодействия с иностранными организациями перечислены в части 3 статьи 13. Внешнеполитическую квалификацию той же деятельности дает Концепция 2023 г.: молодежь отнесена к субъектам общественной дипломатии, отдельного трека нет.

Разброс исследовательских трактовок здесь широк. А.А. Вилков [9] фиксирует, что общественная дипломатия описывается в российском дискурсе через несовпадающие наборы признаков, а обзор национальных практик К.П. Боришполец [8] – различие критериев внутри одной страновой модели. В споре о содержании «мягкой силы» А.В. Борисов [7] выделяет ценностную доминанту. Молодежное измерение описывается через институты: международные молодежные организации как канал влияния разбирают Б. Асадов и А.В. Кострикин [4], его нормативно-правовую базу систематизируют М.Б. Алборова и Д.Э. Косенко [1]. Вопрос о том, образует ли молодежная дипломатия самостоятельный уровень публичной дипломатии, консенсуса не получил.

В основе работы лежит противоречие между закреплением трека и его измерением. Программные документы 2022-2025 гг. фиксируют молодежный трек в нескольких ведомственных контурах: внешнеполитическом, молодежно-политическом, образовательном и просветительском, однако измеримые значения заданы только для образовательного. Отсюда исследовательский вопрос о том, насколько наблюдаемая часть молодежной дипломатии совпадает с ее нормативно заявленным охватом.

Материалы и методы исследований

Материал работы образуют нормативные правовые акты в действующих редакциях, ежегодные доклады Министерства науки и высшего образования Российской Федерации за 2023-2025 гг., официальные сообщения Правительства Российской Федерации за 2024-2026 гг.

В нормативный корпус вошли Концепция внешней политики (Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229), Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ в редакции Федерального закона от 23 июля 2025 г. № 258-ФЗ, Стратегия реализации молодежной политики до 2030 года (распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р в редакции распоряжения от 31 марта 2025 г. № 762-р), постановления Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2020 г. № 2150 и от 20 ноября 2025 г. № 1837. Применены формально-юридический анализ, сравнительно-правовое сопоставление редакций, структурно-функциональный разбор ведомственных полномочий, вторичный анализ ведомственной статистики.

Опорой расчетной части служат два авторских показателя. Коэффициент освоения квоты – отношение фактически направленных на обучение иностранных граждан к плановым местам, отдельно по линиям отбора и по их совокупности; коэффициент институциональной закреплённости – отношение числа государств с постоянными российскими образовательными или просветительскими структурами к числу государств крупнейшего событийного мероприятия. Прецедент количественного описания молодежных обменов предложен С.Г. Максимовой и А.С. Жанбосиновой. Доли рассчитаны с точностью до сотых, из-за чего их сумма отклоняется от 100 % на 0,01 п. п.

Результаты и обсуждения

Нормативная архитектура трека распадается на несколько несоприкасающихся контуров. Внешнеполитический задан подпунктом 12 пункта 17 и пунктом 43 Концепции 2023 г., где усиление значимости России в мировом гуманитарном пространстве отнесено к основным задачам, а молодежь названа среди субъектов общественной дипломатии; К.Г. Муратшина показывает, что гуманитарное сотрудничество закрепляется в доктринальных документах перечислением направлений, без целевых значений.

Молодежно-политический контур образован статьями 6 и 13 Федерального закона № 489-ФЗ и Стратегией до 2030 года, где международное молодежное сотрудничество названо форматом общественной дипломатии, однако ни один из шести целевых показателей Стратегии международного измерения не содержит. Образовательный контур описан постановлением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2020 г. № 2150 и паспортом национального проекта «Молодежь и дети»; только здесь есть измеримая величина: не менее 500 тыс. иностранных студентов к 2030 г. при базовом значении 389,0 тыс. в 2024 г.

На дефекты управленческого звена указывает А.В. Борисов [6], связывая их с отсутствием единого субъекта стратегического планирования гуманитарной политики. Сходную диагностику по ценностному основанию дает С.С. Камышанская [10], для которой общественная дипломатия проектируется от ценностно-смыслового ядра, а ведомственный мандат вторичен. Обе позиции сходятся в организационной природе дефицита.

О рассредоточении говорит и распределение ведомственных мандатов. Многосубъектность такого рода описана А.Е. Коньковым и Р.С. Чуковым на материале парламентской дипломатии, существующей без единого управляющего центра. Пункт 5.1.5 Положения о Федеральном агентстве по делам молодежи (постановление Правительства Российской Федерации от 29 мая 2008 г. № 409) вменяет Росмолодежи развитие международного молодежного сотрудничества; пункт 72 Концепции 2023 г. закрепляет координацию гуманитарных программ за Россотрудничеством; показатель по иностранным студентам ведет Министерство науки и высшего образования Российской Федерации через федеральный проект «Россия в мире». Мандаты не пересекаются ни по объекту, ни по отчетности.

Плотнее всего эмпирикой обеспечен образовательный контур, и в литературе он описан как несущий. Академическую дипломатию как самостоятельный трек, опирающийся на университеты и студенческие

обмены, вводят А.А. Байков и Е.В. Колдунова [5]. Связку образовательного канала с миграционными потоками из государств Центральной Азии разбирают К.Г. Муратшина и М.В. Валеева. Образовательные траектории и академическую мобильность в рамках российско-китайского партнерства как канал трансфера знаний разбирает Лу Ч. [3], а систематизация институтов продвижения выполнена в двухчастном обзоре М.Б. Алборово и Д.Э. Косенко [2]. Общее свойство этих работ в том, что молодежная дипломатия описывается через финансирующий ее институт и вслед за ним меняет границы.

Расчетную часть открывает образовательный контур, единственный с плановыми величинами. Квота Правительства Российской Федерации на образование иностранных граждан установлена постановлением от 18 декабря 2020 г. № 2150 на уровне 30 тыс. человек начиная с 2023 г. В 2023/24 учебном году по трем линиям приема направлено 29 728 человек, участвовали граждане 161 государства. В 2024/25 учебном году направлено 27 926 человек, при этом квотные места выделялись гражданам 178 государств. Освоение снизилось с 99,09 до 93,09 %, то есть на 6,00 п. п., при расширении географии предложения на 17 государств.

Недобор сосредоточен на одной линии. Основной план исполнен на 95,33 %, олимпиады, проводимые вузами, – на 96,11 %, тогда как линия олимпиад школьников и конкурсов для поступающих в магистратуру дала 79,82 %; разрыв с основным планом составил 15,51 п. п.

Общим спросом различие не объясняется. Фактический прием 2024/25 учебного года распределился между бакалавриатом (11 557 человек, 41,38 %), магистратурой (9 199 человек, 32,94 %), аспирантурой и приравненными к ней программами (3 313 человек, 11,86 %), специалитетом (3 221 человек, 11,53 %) и программами дополнительного и среднего профессионального образования (636 человек, 2,28 %). Магистратура, принимающая почти треть контингента, оказывается уровнем с наихудшим освоением конкурсной линии.

Причина, вероятно, связана с устройством самой линии отбора. Олимпиадный канал требует от абитуриента конкурсной процедуры за пределами России и раннего входа в российскую образовательную среду, что предполагает доступную школу или центр с преподаванием на русском языке. Там, где такой инфраструктуры нет, конкурс не находит участников.

Просветительский контур позволяет проверить предположение количественно. По данным Правительства Российской Федерации на июнь 2026 г., Ассоциация русских школ за рубежом объединяет более 700 образовательных организаций в 95 государствах, а ее мероприятиями охвачено более 86 тыс. иностранных детей, около 123 на организацию. Центры открытого образования на русском языке действуют более чем в 70 государствах; за 2025 г. в них прошли обучение свыше 21 тыс. человек, порядка 300 на государство. Проект «Российский учитель за рубежом» охватывает 33 государства при более чем 600 направленных педагогах, в среднем 18,2 на государство. Русский язык изучается более чем в 20 тыс. зарубежных школ, но постоянное российское присутствие обеспечено в малой их части.

По охвату институциональные форматы заметно уступают событийным, и убывание идет ступенчато. Всемирный фестиваль молодежи, прошедший в Сириусе с 1 по 7 марта 2024 г., собрал 20 тыс. участников из 190 государств, в том числе 1 тыс. подростков 14-17 лет; квотные места в смежном цикле выделялись гражданам 178 государств, что дает отношение 0,94. Далее показатель снижается до 0,63 по слету фестиваля, до 0,50 по школьной ассоциации, до 0,37 по центрам открытого образования и до 0,17 по программе направления педагогов. Отношение верхней ступени к нижней составляет 5,53.

Событийная форма при сокращении масштаба теряет плотность представительства быстрее географии. Слет Всемирного фестиваля молодежи, проведенный в Нижнем Новгороде 18 сентября 2025 г., собрал 2 тыс. человек из 120 государств: состав сократился в 10 раз, география – в 1,58 раза, а среднее представительство одного государства снизилось со 105,3 до 16,7 человека. Интерес зарубежной аудитории сохраняется: на Международный фестиваль молодежи 11-17 сентября 2026 г. в Екатеринбурге подано более 100 тыс. заявок из 191 государства, из которых 40 231 поступила из России.

Возрастные границы направления расходятся настолько широко, что общего определения из них не выводится. Программа «Новое поколение», действующая под управлением Россотрудничества с 2011 г., адресована представителям общественных, научных и деловых кругов иностранных государств в возрасте 25-35 лет и ежегодно принимает в России более 1 тыс. человек. Олимпиадная линия квоты работает с абитуриентами 16-18 лет, фестивальные форматы допускают участников с 14 лет. Разброс в 21 год перекрывает две когорты, а объединяющим признаком остается принимающий институт.

Целевая траектория подтверждает асимметрию измерения с другой стороны. Паспорт национального проекта «Молодежь и дети» задает рост численности иностранных студентов с 389,0 тыс. человек в 2024 г. до 500,0 тыс. в 2030 г., что требует среднегодового прироста 18,5 тыс. человек, или 4,27 % в год.

Фактическая динамика 2020-2024 гг., с 329 651 до 395 140 человек по ведомственным докладам, соответствует среднегодовому темпу 4,63 %. Отставания, следовательно, нет: по итогам 2024/25 учебного года численность иностранных студентов достигла 414,7 тыс. человек против ориентира 410,0 тыс. на 2025 г.

Из полученных величин складывается устойчивая конфигурация. Молодежная дипломатия опознается в российской практике по каналу финансирования, а не по субъекту или заявленной цели: там, где канал имеет плановую величину (30 тыс. квотных мест, 500 тыс. студентов к 2030 г.), деятельность становится наблюдаемой, а там, где канала нет, она держится на уровне доктринальной декларации.

Отсюда объяснение и терминологического расхождения. Концепция 2023 г. пользуется понятием общественной дипломатии, поскольку описывает круг участников; исследовательская традиция – понятием публичной дипломатии, поскольку описывает функцию. Молодежь входит в перечень пункта 43 как категория участников, а в исследовательскую рамку – как аудитория воздействия, однако управленческого статуса ей не сообщает ни одна из них.

Асимметрия измерения имеет и второе следствие. Показатель в 500 тыс. иностранных студентов к 2030 г. становится общей мерой для всего молодежного трека: событийные форматы, языковые программы, работа с соотечественниками и академическая мобильность оцениваются по вкладу в набор, так как иных измеримых оснований действующие документы не устанавливают. Полученные данные складываются в пользу трактовки, обозначенной во введении: молодежное измерение публичной дипломатии существует как функция обеспечивающего контура.

Выводы

По итогам сопоставления нормативной рамки с ведомственной статистикой молодежная дипломатия не образует самостоятельного уровня российской публичной дипломатии. Она работает как возрастной фильтр внутри образовательного контура, единственного с плановой величиной и отчетностью по линиям отбора. Понятийное расхождение между Концепцией внешней политики и научной традицией содержательно: документ перечисляет участников, традиция описывает функцию.

Отсюда следует вывод о точке приложения усилий. Наибольший неиспользованный резерв дает не расширение географии предложения, а достройка постоянного институционального слоя там, где он отсутствует.

Асимметрия измерения объясняет и динамику охвата. Расширение странового предложения на 17 государств за один цикл не сопровождалось ростом фактического приема, поскольку конкурсный отбор работает лишь там, где есть школа или центр с преподаванием на русском языке; отношение странового охвата постоянных структур к охвату событийных форматов удерживается в диапазоне от 0,17 до 0,50. Заявочная статистика следующего цикла, где иностранные заявки составили около 60 %, указывает на ограничитель со стороны принимающей инфраструктуры.

При сохранении наблюдаемых темпов достижимость целевого ориентира 2030 г. вопросов не вызывает: фактический среднегодовой прирост численности иностранных студентов превышает требуемый примерно на 0,4 процентного пункта, а промежуточный ориентир 2025 г. перекрыт. Количественная цель будет достигнута средствами образовательного контура, а гуманитарное измерение останется при ней производной величиной. Возрастные границы направления расходятся от 14 до 35 лет.

Для дискуссии, обозначенной во введении, результат означает следующее. Спор о самостоятельности молодежной дипломатии разрешается через категорию измеримости: направление обретает управленческую субъектность там, где под него подведен плановый показатель, и утрачивает ее при переходе в контур, где показателя нет. Возрастной признак субъектности не создает. Статус направления определяется наличием собственного измеримого параметра, отличного от численности иностранных студентов в 500 тыс. человек; такого параметра действующие документы не содержат.

Список источников

1. Алборова М.Б., Косенко Д.Э. Международное молодежное сотрудничество: тенденции и перспективы. Часть I // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. Т. 15. № 10 (127).
2. Алборова М.Б., Косенко Д.Э. Международное молодежное сотрудничество: тенденции и перспективы. Часть II // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. Т. 15. № 11 (128).
3. Лу Ч. Образовательные траектории и академическая мобильность в рамках китайско-российского партнерства как драйверы трансфера знаний и трансформации языковых практик в индоевропейских странах // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 6. С. 99 – 107.

4. Асадов Б., Кострикин А.В. Международные молодежные организации общеевропейского пространства: некоторые особенности участия в политике продвижения «мягкой силы» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 1. С. 32 – 45.
5. Байков А.А., Колдунова Е.В. Академическая дипломатия в отношениях России и Тихоокеанской Азии // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 5. С. 7 – 21. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-5-80-7-21
6. Борисов А.В. Гуманитарная политика России: проблемы государственного управления и стратегического планирования // Проблемы постсоветского пространства. 2025. Т. 12. № 3. С. 249 – 263. DOI: 10.24975/2313-8920-2025-12-3-249-263
7. Борисов А.В. «Мягкая сила»: специфика отечественного понимания // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7. № 2. С. 130 – 141. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-2-130-141
8. Боришполец К.П. Публичная дипломатия: прагматичный взгляд на разнообразие реального опыта // Международная аналитика. 2018. № 1. С. 22 – 31. DOI: 10.46272/2587-8476-2018-0-1-22-31
9. Вилков А.А. Проблематика общественной дипломатии в политическом и научном дискурсе современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18. № 2. С. 184 – 188. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-184-188
10. Камышанская С.С. Общественная дипломатия в условиях новой реальности: контекст культурного иммунитета, ценностно-смысловые основы, технологии проектирования и формы реализации // Власть. 2022. Т. 30. № 3. С. 104 – 109. DOI: 10.31171/vlast.v30i3.9052

References

1. Alborova M.B., Kosenko D.E. International Youth Cooperation: Trends and Prospects. Part I. Issues of National and Federal Relations. 2025. Vol. 15. No. 10 (127).
2. Alborova M.B., Kosenko D.E. International Youth Cooperation: Trends and Prospects. Part II. Issues of National and Federal Relations. 2025. Vol. 15. No. 11 (128).
3. Lu C. Educational Trajectories and Academic Mobility in the Framework of the Sino-Russian Partnership as Drivers of Knowledge Transfer and Transformation of Language Practices in Indo-European Countries. Issues of Nature Management. 2025. Vol. 4. No. 6. P. 99 – 107.
4. Asadov B., Kostrikin A.V. International youth organizations of the pan-European space: some features of participation in the policy of promoting "soft power". Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2016. Vol. 16. No. 1. P. 32 – 45.
5. Baikov A.A., Koldunova E.V. Academic diplomacy in relations between Russia and Pacific Asia. Bulletin of MGIMO University. 2021. Vol. 14. No. 5. P. 7 – 21. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-5-80-7-21
6. Borisov A.V. Humanitarian policy of Russia: problems of public administration and strategic planning. Problems of the post-Soviet space. 2025. Vol. 12. No. 3. P. 249 – 263. DOI: 10.24975/2313-8920-2025-12-3-249-263
7. Borisov A.V. "Soft Power": The Specifics of Domestic Understanding. Problems of the Post-Soviet Space. 2020. Vol. 7. No. 2. P. 130 – 141. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-2-130-141
8. Borishpolets K.P. Public Diplomacy: A Pragmatic Look at the Diversity of Real Experience. International Analytics. 2018. No. 1. P. 22 – 31. DOI: 10.46272/2587-8476-2018-0-1-22-31
9. Vilkov A.A. Problems of public diplomacy in the political and scientific discourse of modern Russia. Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Sociology. Political Science. 2018. Vol. 18. No. 2. P. 184 – 188. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-184-188
10. Kamyshanskaya S.S. Public diplomacy in the context of the new reality: the context of cultural immunity, value-semantic foundations, design technologies and forms of implementation. Vlast. 2022. T. 30. No. 3. P. 104 – 109. DOI: 10.31171/vlast.v30i3.9052

Информация об авторе

Марьина А.А., Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, marina.a.a@my.mgimo.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 342.551

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-36-47

Анализ модернизации системы местного самоуправления в РФ: результаты экспертного опроса

¹ Лябах А.Ю., ¹ Ножка С.М.,

¹ Академия гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика

Аннотация: статья посвящена анализу процесса модернизации системы местного самоуправления в Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена принятием Федерального закона № 33-ФЗ, который вносит существенные изменения и модернизирует организационно-правовые основы местного самоуправления, проводя интеграцию ОМСУ в единую систему публичной власти. Целью настоящей работы является выявление и анализ мнения экспертов относительно влияния 33-ФЗ на модернизацию местного самоуправления в РФ. Для достижения поставленной цели авторами статьи был проведен экспертный опрос муниципальных служащих из городских округов Красногорск, Химки, Щелково и Подольск Московской области. Было опрошено всего 17 экспертов в возрасте от 23 до 54 лет, стаж работы экспертов варьировался от 3 до 10 лет, 11 экспертов занимают руководящие должности. Анкета опроса включала закрытые и полужакрытые вопросы. Результаты опроса показали, что муниципальные служащие считают необходимой модернизацию системы муниципального управления, поддерживают централизацию муниципальной власти. Большая часть экспертов считают, что изменения позитивно скажутся на жителях муниципальных образований, а институт ОМУ даже в рамках проведенной централизации все же не ликвидируется. Достаточно интересным аспектом статьи является то, что большая часть экспертов считают целесообразным проведение только прямых выборов по избранию глав муниципальных образований, что действительно позволит выбрать главу, который будет заинтересован в защите интересов населения.

Ключевые слова: глава муниципального образования, муниципальное управление, публичная власть, Федеральный закон № 33, централизация власти, экспертный опрос

Для цитирования: Лябах А.Ю., Ножка С.М. Анализ модернизации системы местного самоуправления в РФ: результаты экспертного опроса // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 5. С. 36 – 47. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-36-47

Поступила в редакцию: 3 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 14 октября 2026 г.

Analysis of the modernization of the local self-government system in the Russian Federation: results of an expert survey

¹ Lyabakh A.Yu., ¹ Nozhka S.M.,

¹ Civil Defence Academy of EMERCOM of Russia

Abstract: the article is devoted to the analysis of the modernization process of the local self-government system in the Russian Federation. The relevance of the study is due to the adoption of Federal Law No. 33-FZ, which introduces significant changes and modernizes the organizational and legal foundations of local self-government, integrating local self-government bodies into a unified system of public authority. The aim of this work is to identi-

fy and analyze experts' opinions regarding the impact of Federal Law No. 33-FZ on the modernization of local self-government in the Russian Federation. To achieve the stated goal, the authors of the article conducted an expert survey of municipal employees from the urban districts of Krasnogorsk, Khimki, Shchelkovo, and Podolsk in the Moscow Region. A total of 17 experts were surveyed, aged between 23 and 54; the experts' work experience ranged from 3 to 10 years, and 11 of the experts held leadership positions. The survey questionnaire included closed and semi-closed questions. The survey results showed that municipal employees consider the modernization of the municipal management system to be necessary and support the centralization of municipal power. Most experts believe that the changes will have a positive impact on the residents of municipal entities, and the institution of OMU will not be eliminated even within the framework of the implemented centralization. A rather interesting aspect of the article is that most experts consider it advisable to hold only direct elections to elect the heads of municipal entities, which will truly make it possible to choose a head who will be interested in protecting the interests of the population.

Keywords: head of a municipal entity, municipal administration, public authority, Federal Law No. 33, centralization of power, expert survey

For citation: Lyabakh A.Yu., Nozhka S.M. Analysis of the modernization of the local self-government system in the Russian Federation: results of an expert survey. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (5). P. 36 – 47. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-36-47

The article was submitted: August 3, 2026; Approved after reviewing: September 1, 2026; Accepted for publication: October 14, 2026.

Введение

Законодательный процесс в России идет крайне активно. Если в США и Великобритании принимается не более 300 законов и 60 законов в год соответственно, то в нашей стране эти цифры составляют в общем приближении 500-600 законов. Как вводить в силу все эти документы – это одна из главных проблем отечественного нормотворчества. Наш интерес в данном контексте представляет принятый в 2025 г. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», нумерованный как 33-ФЗ [12]. Основная предпосылка появления идеи создания закона, на основе которого будут функционировать муниципальные образования и ОМСУ заложена в новой Конституции РФ, в которой сказано, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории [1]. Эта вроде бы незначительная поправка в корне меняет вообще весь смысл существования ОМСУ, которые, как заложено в Европейской хартии местного самоуправления, должны быть самостоятельными. Так Хартия закрепляет, что под местным самоуправлением понимается право, и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения [2]. Но, к сожалению, Европейская хартия перестала действовать на территории РФ еще 2022 году в связи с выходом России из Совета Европы. Главенствующим же законом на территории РФ стала Конституция РФ. При этом в обновленной Конституции РФ заложили главенство этого закона и второстепенность международных документов, ратифицированных в РФ.

Принятие нового закона «Об общих принципах организации местного самоуправления» ставит новые задачи перед системой государственного и муниципального управления. Органы местного самоуправления и органы государственной власти интегрируются в единую систему публичной власти и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения.

Таким образом формируется единая вертикаль власти, во главе которой расположены федеральные органы власти, далее идут органы власти субъектов РФ, и непосредственно органы МСУ. Такая система призвана обеспечить согласованность действий на всех уровнях власти, и направлена на более эффективную реализацию как полномочий местного значения, так и отдельных передаваемых государством полномочий.

Вертикализация власти в первую очередь прослеживается в том числе и в появлении новой альтернативной процедуры избрания главы муниципального образования. Теперь он может быть избран советом депутатов из числа кандидатов, представляемых главой субъекта РФ, в котором расположено муниципальное образование. При этом минимальное количество таких кандидатов в законе не указано. Фактически, региональные власти получают больше рычагов влияния на муниципальном уровне.

В общем и целом, тематика модернизации системы местного самоуправления, в том числе в рамках появления сравнительно новой для системы государственного и муниципального управления категории – органов публичной власти, активно исследуется в российском научном сообществе. Так исследователи Л.И. Никольская и В.Н. Якимец в исследовании, вводящем понятие «муниципальной публичной политики» приходят к выводу, что данная политика должна заключаться в балансе интересов основных социальных групп местного сообщества и власти [3, с. 37]. Авторы статьи в целом солидарны с мнением авторов данного исследования, при этом данный тезис актуализирует вопрос о том, какая именно система организации власти позволит максимизировать достижение интересов населения. Рассматривая пример города федерального значения Москвы и Московской области, авторы исследования убедились в том, что в системе органов власти города Москвы достигается более высокий уровень жизни населения [4, с. 86], что актуализирует вопрос о введении подобной системы и в других регионах.

Значительная часть исследований российских авторов посвящена сравнительному анализу системы местного самоуправления до и после принятия 33-ФЗ, при этом авторы придерживаются во многом противоречивых позиций. С одной стороны, исследователи скептически оценивают создание фактически одноуровневой системы публичной власти [5, с. 37], которая потребует осторожности во внедрении в рамках административных реформ [6, с. 41], рассматривая независимость ОМСУ скорее, как правовую конструкцию, которая на практике не реализуется [7, с. 673]. С другой стороны исследователи считают, что данный процесс запускает модернизацию системы местного самоуправления, как в правовом формате [8, с. 78], так и в административном [9, с. 32]. Данная двойственность тезисов и выводов анализа закона актуализирует исследование по опросу мнения муниципальных служащих о том, насколько введение нового ФЗ повлияло на систему местного самоуправления.

Материалы и методы исследований

Для того, чтобы лучше понять, что же все-таки происходит на местном уровне, и что ожидать от принятия 33-ФЗ, был проведен экспертный опрос среди муниципальных служащих РФ. В опросе приняли участие 17 муниципальных служащих из муниципальных образований Московской области, а именно: г.о. Красногорск, г.о. Химки, г.о. Щелково, г.о. Подольск. Возраст экспертов варьируется от 23 до 54 лет. По полу количество экспертов поделилось практически поровну. Стаж работы экспертов в ОМСУ составил от 3 до 10 лет и более. Анкета содержала, закрытые и полузакрытые варианты ответов на вопросы.

Целью настоящей работы является выявление и анализ мнения экспертов относительно влияния 33-ФЗ на модернизацию местного самоуправления в РФ.

Результаты и обсуждения

Далее перейдем к ответам экспертов на вопросы анкеты.

Первый вопрос анкеты носил общий характер и был задан для того, чтобы понять считают ли эксперты необходимой модернизацию местного самоуправления в РФ. Далее представим распределение ответов на него:

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, необходима ли модернизация системы местного самоуправления в РФ?».

Fig. 1. Distribution of responses to the question: "Do you think the modernization of the local self-government system in the Russian Federation is necessary?"

Из диаграммы, расположенной на рис. 1, мы можем увидеть, что большинство (88,2 %) экспертов считает модернизацию МСУ в РФ необходимой. Под модернизацией в данном случае понимается приведение состояния системы в соответствие с новыми требованиями. То есть, по их мнению, деятельность органов местного самоуправления пока что отстает от современных требований: общества, законодательства, техники, что в некотором роде соответствует мнению ряда исследователей [10; с. 65; 11, с. 240].

Второй вопрос касался одного из направлений модернизации МСУ, а именно приведение его в соответствии с трендами городов федерального значения, где ОМСУ фактически реализуют именно представительную функцию, при этом большая часть их полномочий передана управам районов (органам государственной власти на местах). Распределение ответов экспертов представлено на рис. 2.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Целесообразно ли внедрение практики организации местного самоуправления, как в городах федерального значения (создание управ районов – территориальных органов государственной власти), на всей территории РФ?».

Fig. 2. Distribution of responses to the question: "Is it advisable to implement the local self-government model used in federal cities (establishing district administrations – territorial bodies of state authority) across the entire territory of the Russian Federation?"

На рис. 2 видно, что подавляющее большинство экспертов (88,2 %) придерживается этикетических взглядов и продвигают идею централизации власти на местах, передачи большинства полномочий так называемым управам, которые от имени государства будут выполнять задачи ОМСУ, полностью беря ответственность на себя, будучи подотчётными вышестоящим органам власти, что явно и значительно повысит уровень централизации власти.

Следующий вопрос касался тех изменений, которые вводятся 33-ФЗ, а именно того, насколько они существенны по мнению экспертов. Его результаты представлены на рис. 3.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, какие изменения, вводимые 33-ФЗ наиболее существенны?» (можно было дать несколько вариантов ответа).

Fig. 3. Distribution of responses to the question: "In your opinion, which changes introduced by Federal Law No. 33-FZ are the most significant?" (multiple answers were permitted).

Большинство экспертов считают наиболее существенными такие изменения в законодательстве, как: интеграция ОМСУ в единую систему публичной власти и сокращение вариаций муниципальных образований (теперь их всего две: городские округа и муниципальные округа). Эти варианты ответов выбрали 58,8 % экспертов. Менее существенными, но все-таки важными, по мнению экспертов, также являются следующие изменения: замена понятия «Вопросы местного значения» на «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения», а также новый статус главы муниципального образования (47 % экспертов выбрали данные варианты ответов), который заключается в появлении нового способа избрания путем представления кандидатов на выборы высшим должностным лицом субъекта РФ. При этом главы муниципальных образований стали одновременно замещать государственную должность субъекта РФ и муниципальную должность, что позволяет главе субъекта РФ применять к главам муниципальных образований различные меры взыскания.

Вводимые 33-ФЗ изменения должны отразиться в первую очередь на работе муниципальных служащих коими являются эксперты, принявшие участие в опросе. Такими образом они сами являются участниками проводимых изменений и судят о них по себе. Ответы на вопрос о влиянии изменений в законодательстве на муниципальных служащих представлены далее на рис. 4.

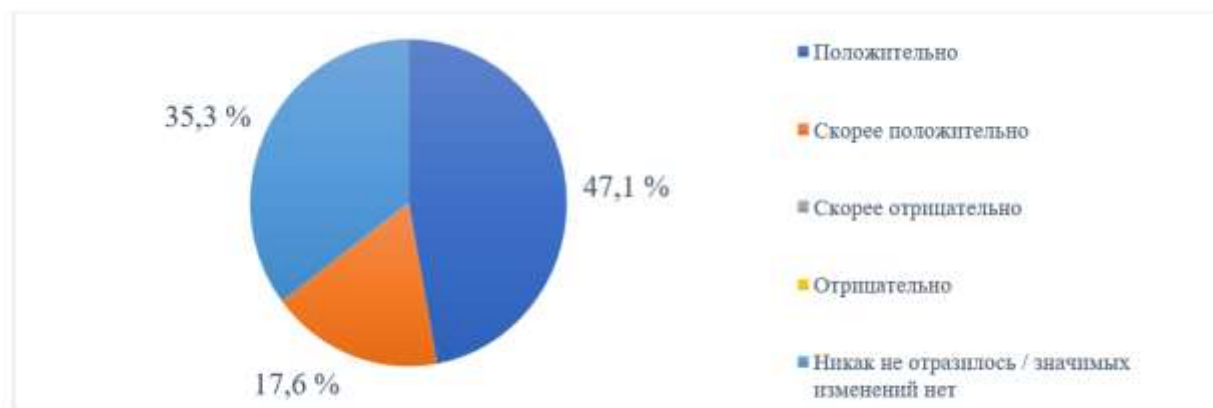

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Как отразятся изменения в законодательстве на муниципальных служащих муниципальных образований?».

Fig. 4. Distribution of responses to the question: "How will legislative changes affect municipal employees of municipalities?".

Большинство экспертов (64,7 %) считают, что изменения в законодательстве отразятся на муниципальных служащих положительно, что связано с предполагаемым повышением уровня участия субъектов в решении муниципальных вопросов ввиду общей системы публичной власти. Также 35,3% опрошенных экспертов считают, что изменения ни коем образом не повлияют на работу муниципальных служащих. Все же общий тренд намечается положительным, мнение экспертов говорит о том, что условия работы муниципальных служащих с вступлением в действие данного закона будут сопоставимо лучше, чем были ранее.

Следующий вопрос касался глав муниципальных образований, а именно усиления контроля за их работой со стороны правительств регионов. Распределение ответов на него представлено на рис. 5.

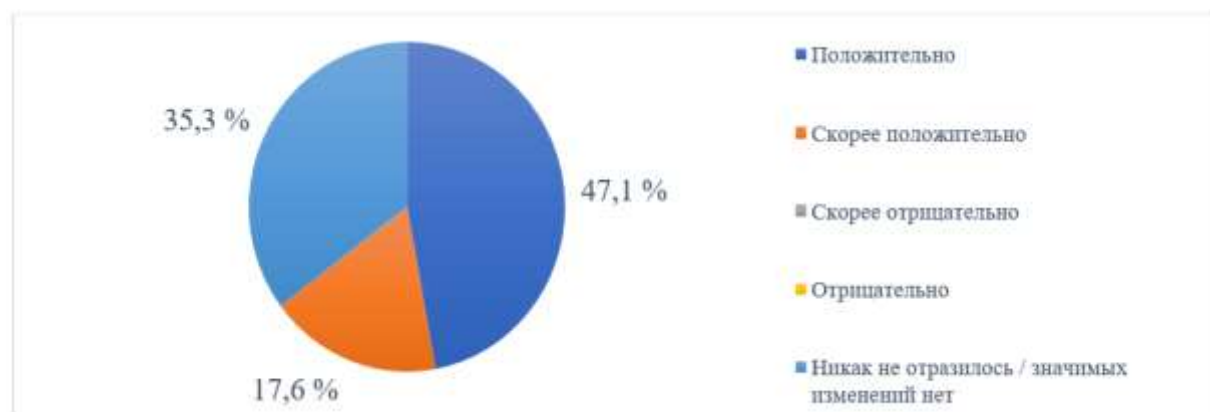

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, усиление механизма контроля и подчиненности глав муниципальных образований правительству региона повысит эффективность работы глав?».

Fig. 5. Distribution of responses to the question: “Do you think that strengthening the mechanism of control over heads of municipalities and their subordination to the regional government will improve the effectiveness of their work?”.

Большинство экспертов (70,6 %) придерживаются мнения о том, что изменения в законодательстве, добавляющие ОМСУ в единую вертикаль власти, а соответственно и расширяющего полномочия и ответственность правительств регионов по контролю за деятельностью глав на местах, скажется положительным образом на их эффективности. Если раньше ОМСУ были подотчетны органам власти субъектов только по отдельным государственным полномочиям, передаваемым им государством, а также по тем вопросам, которые касались отдельных государственных программ реализуемых на местном уровне с использованием государственных средств, то сейчас глава несет ответственность за все свои действия, без исключения.

Следующим экспертам был задан вопрос о том, как отразятся изменения вносимые в законодательство 33-ФЗ на жителях муниципальных образований. Распределение ответов на который представлено на рис. 6.

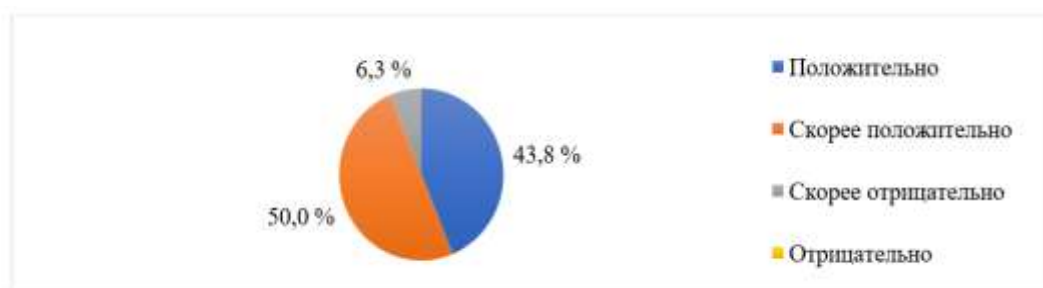

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Как отразятся изменения в законодательстве на жителях муниципальных образований?».

Fig. 6. Distribution of responses to the question: “How will the legislative changes affect the residents of municipalities?”.

Из диаграммы, расположенной на рис. 6, мы можем увидеть, что подавляющее большинство экспертов (93,8 %) считают, что вводимые изменения в законодательстве, которые были оговорены нами ранее, положительно скажутся на жителях муниципальных образований.

Далее экспертам был задан вопрос о централизации власти заложенной как обновленной Конституцией РФ, так и приведённым в соответствии с ней законодательством о деятельности ОМСУ в РФ. Результаты ответов на соответствующий вопрос представлены на рис. 7.

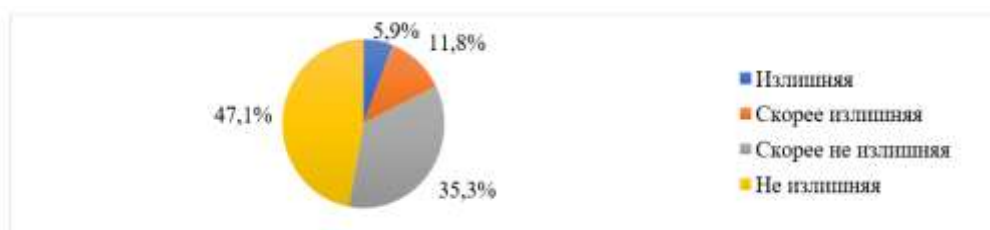

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Не излишняя ли централизация власти заложена в 33-ФЗ?».
Fig. 7. Distribution of responses to the question: "Does Federal Law No. 33-FZ entail excessive centralization of power?".

Тренд, заложенный предыдущими ответами на вопросы о введении в действие 33-ФЗ, сохраняется. Эксперты подавляющим большинством ответили, что централизация власти, заложенная в законодательстве – не излишняя (82,4 %).

Для того чтобы уточнить какие направления развития органов управления муниципальными образованиями более предпочтительны, экспертам был задан следующий вопрос, результаты ответов на который представлен на рис. 8.

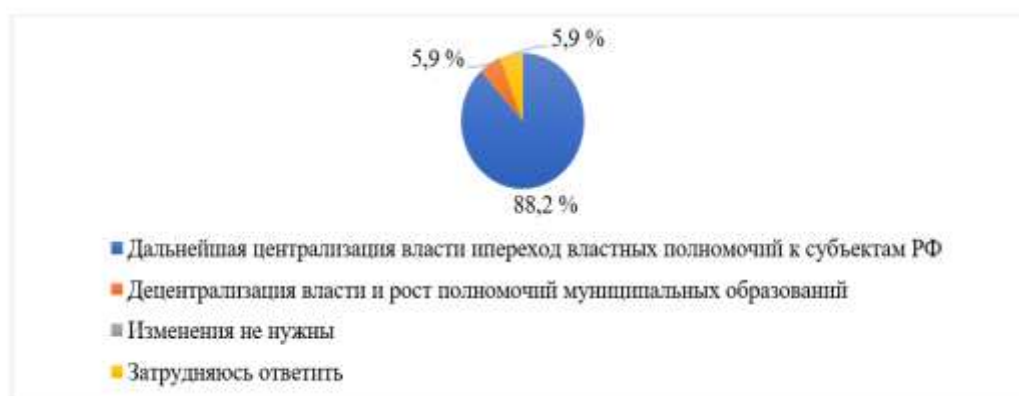

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, какое направление развития ОМСУ наиболее целесообразно?».
Fig. 8. Distribution of responses to the question: "In your opinion, which direction of local self-government development is the most appropriate?".

Практически все эксперты (88,2 %) солидарны во мнении, органы МСУ нуждаются в дальнейшей централизации.

Как мы можем увидеть, эксперты придерживаются во мнении, что ОМСУ нуждаются, как это заложено Конституцией и 33-ФЗ, в централизации. И все что с ней связано имеет положительный отклик. Так дела обстоят и со следующим вопросом, касающемся полномочий глав субъектов по отношению к муниципальным образованиям. Ответы на данный вопрос представлены на рис. 9.

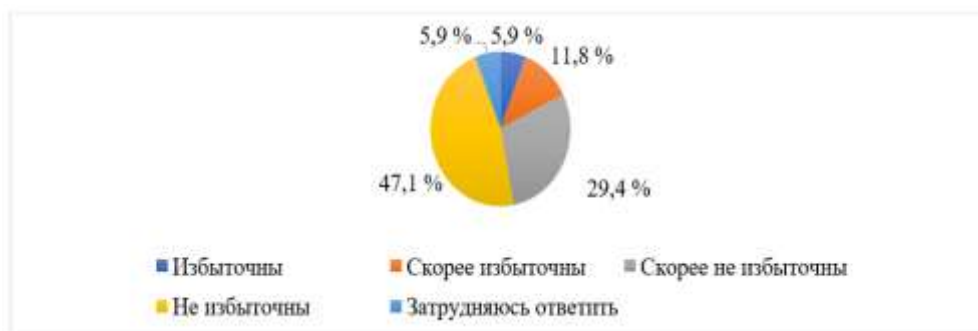

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос: «Не избыточны ли оказались полномочия глав субъектов РФ по отношению к муниципальным образованиям?».

Fig. 9. Distribution of responses to the question: "Have the powers of the heads of Russian Federation constituent entities vis-à-vis municipalities turned out to be excessive?".

Большинство экспертов (76,5 %) поддержали расширение полномочий глав субъектов по отношению к муниципальным образованиям, а именно ОМСУ.

Наблюдая максимальную централизацию управления МО, возникает назревший вопрос, а не ликвидируется сам институт МСУ, который подразумевает решение «вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения», самостоятельно и под свою ответственность, либо через органы власти, избираемые населением, с учетом исторических и иных местных традиций.

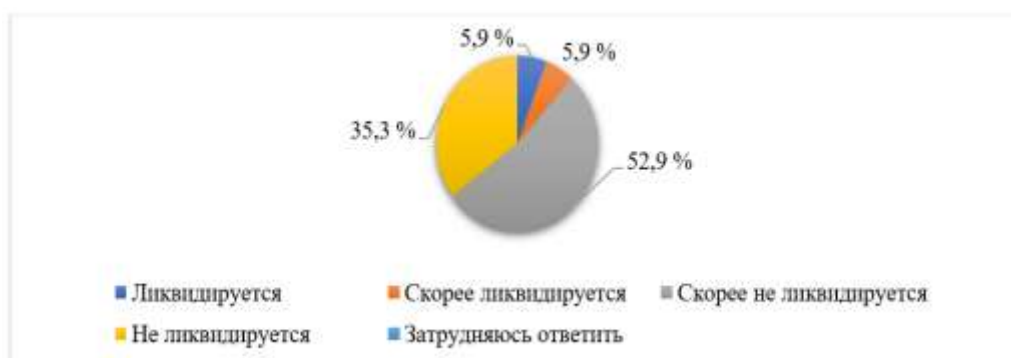

Рис. 10. Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, не ликвидируется ли сам институт МСУ (по своему существу) с принятием нового закона, ставящего ОМСУ в единую систему публичной власти?».

Fig. 10. Distribution of responses to the question: "Do you think the institution of local self-government itself (in its essence) will be abolished by the adoption of the new law that integrates local self-government bodies into a unified system of public authority?".

Не смотря на тренд, состоящий в централизации власти, прогноз экспертов в отношении сохранения МСУ как института, остается положительным, так считает 88,2 % экспертов.

Далее рассмотрим ответы экспертов на вопрос по поводу нового положения об избрании глав муниципальных образований, которое состоит в том, что главы теперь могут избираться советом депутатов из кандидатур представленных губернаторами областей, без уточнения количества таких кандидатов. Речь в этом случае идет о потенциальном влиянии этого положения на жителей муниципальных образований.

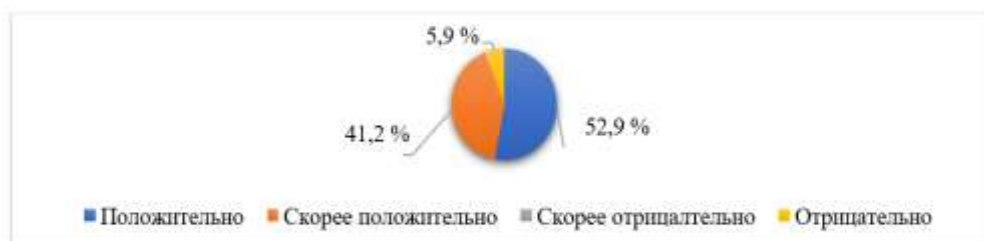

Рис. 11. Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, положительно или отрицательно для населения муниципалитетов принятие нового положения об избрании глав муниципальных образований?».

Fig. 11. Distribution of responses to the question: "Do you consider the adoption of the new regulation on the election of heads of municipalities to be positive or negative for the population of the municipalities?".

Так, большинство экспертов солидаризировалось вокруг точки зрения о том, что принятие нового положения отразится позитивно на жителях муниципальных образований, таковых 94,1 % экспертов.

Новое положение об избрании / назначении глав муниципальных образований, скорее всего приведет к тому, что оно будет применяться в подавляющем большинстве случаев. При этом авторы исследования уверены, что и на момент до внедрения 33-ФЗ, кандидатуры глав муниципальных образований, избираемых путем голосования Совета депутатов и работы конкурсной комиссии, так или иначе согласовывались с регионами. Но при этом, интересно узнать, как к этому относятся эксперты: к возможности установления только варианта выборов главы муниципального образования населением. Ответы на этот вопрос представлены на рис. 12.

Рис. 12. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете должен ли глава муниципального образования избираться исключительно путем выборов населением».

Fig. 12. Distribution of responses to the question: "Do you think the head of a municipality should be elected exclusively by the population?".

Результаты получились неожиданными. Несмотря на то, что большинство экспертов выступает за централизацию и повышение роли органов государственной власти в жизни МО, преобладающая часть экспертов (76,5 %) считают, что именно у населения должно быть право выбора глав муниципальных образований без представительства в данном вопросе Советами депутатов.

Далее отразим ответы экспертов на вопрос о механизмах независимости муниципальных образований. Результаты ответов на этот вопрос представлены далее на рис. 13.

Рис. 13. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, как обеспечить независимость ОМСУ?».
Fig. 13. Distribution of responses to the question: "How do you think the independence of local self-government bodies can be ensured?".

Большинство экспертов выбрали такие варианты ответов, как «Проводить публичные слушания не формально, учитывать мнение граждан», «Установить четкие критерии для наделения статусом городского или муниципального округа», «Проводить выборы глав МО посредством прямых выборов (решить это на референдуме)». Эксперты считают, что введение в практику таких положений, позволит ОМСУ сохранить свою независимость.

Также эксперты считают, что нужно внедрение новых форм участия населения в муниципальном управлении, это может быть, например, электронный или цифровой референдум, или внедрение обязательного согласования с населением ключевых задач администрации путем онлайн голосования на год или инициативного бюджетирования.

Эксперты также выражают такую точку зрения: «Относительно назначения глав губернатором, это уже имело место, но не было оформлено в документах, кандидатуры так или иначе рассматривались субъектом. Закон оцениваю положительно, давно назрел переход к прямой системе подчиненности субъекта, ввиду отсутствия реальных механизмов общественного контроля и, нужно или полностью централизовать или усиливать общественный контроль».

Выводы

В качестве выводов по настоящей статье отразим ряд авторских тезисов:

Во-первых, проведенный экспертный опрос муниципальных служащих позволяет авторам статьи констатировать, что модернизация ОМСУ в РФ все еще является актуальной и необходимой. При этом дискуссии о направлениях развития путем централизации или наоборот децентрализации власти и роли муниципалитетов в данной системе, проходят, как и в научном сообществе, так и среди служащих муниципальных образований. Результаты опроса свидетельствует о том, что муниципальные служащие считают, что развитие муниципальных образований связано именно с централизацией власти, в общем и целом, при трансформации механизма избрания глав муниципальных образований.

Во-вторых, не смотря на некоторые централистические тенденции, эксперты считают, что институт местного самоуправления все же сохраняется. Авторы исследования в целом согласны с данной позицией, которая по большей части подтверждается примером города Москвы, когда на одном уровне функционируют и муниципальные и государственные органы власти, обеспечивая сравнительно высокий уровень жизни населения.

В-третьих, реформа местного самоуправления оценивается экспертами в целом положительно, при этом с сохранением некоторых противоречий между централизацией власти и некоторым запросом населения на сохранение демократических механизмов. Данный факт актуализирует проведение дальнейшей корректировки и модернизации законодательства РФ в области местного самоуправления и системы публичной власти в целом.

Список источников

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 16.07.2026)
2. Европейская хартия местного самоуправления [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901042> (дата обращения: 16.07.2026)
3. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Введение в предметное поле муниципальной публичной политики // Социально-политические исследования. 2019. № 4 (5). С. 36 – 53.
4. Митрошин И.В. Отдельные финансовые показатели уровня жизни населения Москвы и Московской области: анализ и сравнение // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. 2023. № 2 (36). С. 84 – 97.
5. Абрамова П.Е., Кузнецов С.П. Реформа местного самоуправления в связи с принятием Федерального Закона № 33-ФЗ от 2025 года // Проблемы права. 2025. № 4 (100). С. 31 – 37.
6. Корякко В.А., Цыс Е.А. Сравнительный анализ системы организации местного самоуправления: федеральные законы № 131-ФЗ и № 33-ФЗ // Российская государственность: история и современность: Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, Абакан, 24 октября 2025 года. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2025. С. 40 – 41.
7. Степанова А.О. Независимость местного самоуправления в РФ: миф или реальность? // Наука. Образование. Культура. Актуальные проблемы и практика решения: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году защитника Отечества, Прокопьевск, 20 ноября 2025 года. Прокопьевск: Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, 2025. С. 669 – 673.
8. Рябов М.А., Гиззатуллин Р.Х. Актуальные вопросы взаимодействия органов местного самоуправления и субъектов хозяйственной деятельности как результат модернизации правовой системы РФ // Роль местного самоуправления в развитии государства на современном этапе: Сборник научных статей по итогам IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню местного самоуправления, Стерлитамак, 30 ноября 2021 года. Том Вып. IV. Стерлитамак: Башкирский государственный университет, 2021. С. 73 – 78.
9. Волкова Е.И., Хапсирокова Е.А. Модернизация модели местного самоуправления в РФ: проблемы и перспективы // 30 лет Конституции Российской Федерации: Сборник научных статей Всероссийского круглого стола, Москва, 12 декабря 2023 года. Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Российский государственный университет правосудия", 2024. С. 28 – 33.
10. Баженова О.И. Муниципальный округ: новое решение старой проблемы или новая проблема организации местного самоуправления в России? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 58 – 66.
11. Мусалов М.А. Проблемы поиска и решений экономических и социальных проблем местного самоуправления и межмуниципальное сотрудничество // Управление регионом: тенденции, закономерности, проблемы: материалы III Международной научно-практической конференции, посвящённой Десятилетию науки и технологий в Российской Федерации: в 2-х ч. / Горно-Алтайский государственный университет, 20-21 июня 2024 года. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2024. С. 238 – 244.
12. Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026) "Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти" [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/?ysclid=mu5f1ot1vv495112763 (дата обращения: 16.07.2026)

References

1. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of accessed: 16.07.2026)
2. European Charter of Local Self-Government [Electronic resource]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901042> (date of accessed: 16.07.2026)
3. Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. Introduction to the Subject Field of Municipal Public Policy. Socio-Political Studies. 2019. No. 4 (5). P. 36 – 53.
4. Mitroshin I.V. Selected Financial Indicators of the Standard of Living of the Population of Moscow and the Moscow Region: Analysis and Comparison. Bulletin of MGPU. Series: Economics. 2023. No. 2 (36). P. 84 – 97.
5. Abramova P.E., Kuznetsov S.P. Local Self-Government Reform in Light of the Adoption of Federal Law No. 33-FZ of 2025. Problems of Law. 2025. No. 4 (100). P. 31 – 37.
6. Koryavko V.A., Tsys E.A. Comparative Analysis of the Local Self-Government Organization System: Federal Laws No. 131-FZ and No. 33-FZ. Russian Statehood: History and Modernity: Proceedings of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference, Abakan, October 24, 2025. Abakan: N.F. Katanov Khakass State University, 2025. P. 40 – 41.
7. Stepanova A.O. Independence of Local Self-Government in the Russian Federation: Myth or Reality? Science. Education. Culture. Current Issues and Practical Solutions: Proceedings of the 18th All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the Year of the Defender of the Fatherland, Prokopyevsk, November 20, 2025. Prokopyevsk: T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, 2025. P. 669 – 673.
8. Ryabov M.A., Gizzatullin R.Kh. Current Issues Regarding Interaction Between Local Self-Government Bodies and Economic Entities as a Result of the Modernization of the Russian Federation's Legal System. The Role of Local Self-Government in State Development at the Present Stage: Collection of Scientific Articles Based on the Results of the 4th All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to Local Self-Government Day, Sterlitamak, November 30, 2021. Vol. IV. Sterlitamak: Bashkir State University, 2021. P. 73 – 78.
9. Volkova E.I., Khapsirokova E.A. Modernization of the Local Self-Government Model in the Russian Federation: Challenges and Prospects. 30 Years of the Constitution of the Russian Federation: Collection of Scientific Articles from the All-Russian Roundtable, Moscow, December 12, 2023. Moscow: Russian State University of Justice, 2024. P. 28 – 33.
10. Bazhenova O.I. The Municipal District: A New Solution to an Old Problem or a New Problem in the Organization of Local Self-Government in Russia? Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 1. P. 58 – 66.
11. Musalov M.A. Challenges in Identifying and Resolving Economic and Social Issues of Local Self-Government and Inter-Municipal Cooperation. Regional Management: Trends, Patterns, and Challenges: Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Decade of Science and Technology in the Russian Federation: in 2 parts. Gorno-Altai State University, June 20-21, 2024. Gorno-Altai State University, 2024. P. 238 – 244.
12. Federal Law No. 33-FZ dated March 20, 2025 (as amended on April 9, 2026) "On General Principles of the Organization of Local Self-Government within the Unified System of Public Authority" [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/?ysclid=mu5f1ot1vv495112763 (date of accessed: 16.07.2026)

Информация об авторах

Лябах А.Ю., Академия гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика

Ножка С.М., Академия гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика

© Лябах А.Ю., Ножка С.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 341.64

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-48-54

Проблемы юрисдикции Международного уголовного суда в контексте современных международных отношений

¹ Серeda С.П.,

¹ Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Аннотация: в настоящей статье проводится комплексный анализ проблем юрисдикции Международного уголовного суда (МУС) в контексте трансформации современной системы международных отношений. Цель исследования заключается в выявлении концептуальных дефектов юрисдикционной модели МУС, оценке практики её применения и определении политико-правовых последствий для архитектуры международной безопасности. Задачи исследования включают: анализ нормативной основы юрисдикции МУС, изучение практики распространения юрисдикции на государства-неучастники Римского статута, исследование проблемы иммунитетов высших должностных лиц, а также оценку перспектив реформирования системы международного уголовного правосудия. Методологическую основу составляют системный, сравнительно-правовой и историко-правовой методы. Научная новизна работы заключается в соединении юридического анализа юрисдикционных проблем МУС с политологическим осмыслением их влияния на современные международные отношения. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов для разработки позиции Российской Федерации на международных площадках, а также в учебном процессе при подготовке специалистов в области международных отношений и международного права. Автор приходит к выводу о системном кризисе юрисдикционной модели МУС, требующем переосмысления подходов к международному уголовному правосудию.

Ключевые слова: международный уголовный суд, юрисдикция, Римский статут, иммунитеты глав государств, международное правосудие, государственный суверенитет, международные отношения, агрессия, ООН

Для цитирования: Серeda С.П. Проблемы юрисдикции Международного уголовного суда в контексте современных международных отношений // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 5. С. 48 – 54. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-48-54

Поступила в редакцию: 6 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 14 октября 2026 г.

Problems of jurisdiction of the International Criminal Court in the context of modern international relations

¹ Sereda S.P.,

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

Abstract: this article provides a comprehensive analysis of the problems of jurisdiction of the International Criminal Court (hereinafter referred to as the ICC) in the context of the transformation of the modern system of international relations. The purpose of the study is to identify conceptual defects in the ICC's jurisdictional model, assess its application practices, and determine the political and legal implications for the international security ar-

chitecture. The objectives of the study include: an analysis of the regulatory framework of the ICC jurisdiction, a study of the practice of extending jurisdiction to States not parties to the Rome Statute, a study of the problem of immunities of senior officials, as well as an assessment of the prospects for reforming the international criminal justice system. The methodological basis consists of systematic, comparative-legal and historical-legal methods. The scientific novelty of the work lies in combining a legal analysis of the ICC's jurisdictional problems with a political science understanding of their impact on modern international relations. The practical significance of the research lies in the possibility of using its results to develop the position of the Russian Federation on international platforms, as well as in the educational process when training specialists in the field of international relations and international law. The author comes to the conclusion about the systemic crisis of the ICC's jurisdictional model, which requires a rethink of approaches to international criminal justice.

Keywords: International Criminal Court, jurisdiction, Rome Statute, immunities of heads of state, international justice, state sovereignty, international relations, aggression, UN

For citation: Sereda S.P. Problems of jurisdiction of the International Criminal Court in the context of modern international relations. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (5). P. 48 – 54. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-48-54

The article was submitted: August 6, 2026; Approved after reviewing: September 3, 2026; Accepted for publication: October 14, 2026.

Введение

Современная система международных отношений характеризуется перераспределением центров силы и эрозией универсальных институтов, что актуализирует вопрос о легитимности международных судебных органов. Международный уголовный суд (МУС), созданный в 1998 году на основе Римского статута, позиционировался как первый постоянный орган международной уголовной юстиции [3, с. 169]. Однако за более чем двадцатилетний период его функционирования накоплен значительный объём критических замечаний, ставящих под сомнение концепцию универсального международного правосудия. Как отмечает Н. Н. Кириловская, практика суда показывает, что решения МУС часто неоднозначны, а его участие в урегулировании конфликтов бесперспективно и вредит самому этому международному органу [3, с. 176]. Особую остроту приобретает проблема юрисдикции МУС, в которой проявляются противоречия между целями правосудия и политическими интересами государств.

Центральной проблемой статьи является вопрос о правомерности распространения юрисдикции МУС на государства, не являющиеся участниками Римского статута, и о соответствии юрисдикционных решений суда фундаментальным принципам международного права. Актуальность темы усилилась после выдачи МУС в марте 2023 года ордеров на арест Президента РФ В. В. Путина и М.А. Львовой-Беловой [1, с. 11; 10, с. 163].

Цель настоящего исследования – комплексный анализ проблем юрисдикции МУС, выявление дефектов юрисдикционной модели и определение политико-правовых последствий для архитектуры международной безопасности.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу составили научные публикации российских авторов, материалы международных организаций и нормативные документы (Римский статут, Устав ООН, решения Международного суда ООН). Значительный вклад в осмысление проблем МУС внесли работы Д.А. Медведева [1], А.С. Исполнинова [2], Н.Н. Кириловской [3], Э.Ю. Муратовой [9; 11], А.П. Козлова [12], С.В. Харченко и А.А. Пальцева [10], Е.А. Копыловой [8], А.А. Данельяна [4]. Отдельные аспекты деятельности суда рассматриваются в работах П.А. Скобликова [5], А.М. Зариной и Т.С. Бессоновой [6], Н.А. Ронжиной и И.А. Серякова-Анисифорова [7].

Методологически исследование опирается на принципы объективности и системности. Формально-юридический метод использован для анализа норм Римского статута, сравнительно-правовой – для сопоставления с практикой других судов, историко-правовой – для анализа эволюции юрисдикционной модели, системный – для рассмотрения проблем в контексте трансформации международных отношений.

Результаты и обсуждения

Анализ нормативной основы юрисдикции МУС выявляет концептуальные дефекты. Д.А. Медведев указывает, что Римский статут закрепил особую иерархию источников международного права: по ст. 21 Суд прежде всего применяет сам Статут и Правила процедуры и доказывания, а лишь затем – международные договоры, принципы и нормы международного права [1, с. 6]. Таким образом, общепризнанные принципы, закреплённые в Уставе ООН, могут применяться МУС лишь после его собственных документов.

Это противоречит статье 103 Устава ООН, предусматривающей преимущественную силу его положений. Неприемлемо и то, что МУС претендует на самостоятельную квалификацию агрессии в обход прерогатив Совета Безопасности ООН (статья 24 Устава ООН) [1, с. 14].

Согласно статье 34 Венской конвенции 1969 года, «договор не создаёт обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия». Отказавшись в 2016 г. присоединиться к Римскому статуту 1998 г., Россия не является его участником, поэтому он не создаёт для неё обязательств [1, с. 18]. Данный принцип подтверждён решением Международного суда ООН по делу «Об ордере на арест от 11 апреля 2000 года» (ДРК против Бельгии), признавшим иммунитет высокопоставленных должностных лиц [12, с. 25]. Согласно А.П. Козлову, утверждение МУС об отсутствии международно-правового обычая, наделяющего глав государств иммунитетом от юрисдикции международных судов, прямо противоречит решению Международного суда ООН от 14.02.2002 [12].

Таким образом, нормативная основа юрисдикции МУС содержит дефекты: собственная иерархия источников права, противоречащая статье 103 Устава ООН; претензия на квалификацию агрессии в обход Совета Безопасности; распространение юрисдикции на государства-неучастники в нарушение принципа *pari passu*; игнорирование иммунитетов высших должностных лиц.

Наиболее показательным примером является выдача МУС ордеров на арест В.В. Путина и М.А. Львов-ой-Беловой в марте 2023 года. Как справедливо отмечает Д.А. Медведев, этот шаг является юридически несостоятельным, поскольку Запад формально использует определение агрессии из резолюции ГА ООН 1974 г., игнорируя факт инспирированного Вашингтоном переворота в Киеве 2014 г., нарушившего п. 7 ст. 2 Устава ООН [1, с. 14].

Согласно ст. 98 Римского статута, Суд обязан уважать иммунитеты должностных лиц третьих государств, пока не получит согласие на их отказ; по мнению А.С. Исполинова, Статут отдаёт таким иммунитетам приоритет над интересами правосудия [2, с. 45]. Однако МУС отошёл от этого принципа: в деле аль-Башира Апелляционная палата заявила об отсутствии обычая об иммунитете глав государств, что А. С. Исполинов расценил как искажение воли государств – участников Статута и узурпацию их полномочий Судом [2, с. 52].

Показателен пример Филиппин: выйдя из Римского статута в 2019 г., они всё равно стали объектом расследования МУС, начатого по запросу Прокурора в 2021 г.; по мнению А.П. Козлова, это фактически обесценивает суверенное право на выход из договора, закреплённое в ст. 127 Статута [12, с. 25]. Сходно в деле Бангладеш и Мьянмы МУС распространил юрисдикцию на не участвующую в Статуте Мьянму, квалифицировав депортацию рохинджа как «трансграничное преступление», что противоречит принципу обязательности договора только для его сторон [12, с. 26].

Относительно ситуации на Украине Э. Ю. Муратова отмечает, что украинские представители требуют расследовать только деяния российских должностных лиц и руководителей ДНР/ЛНР, необоснованно игнорируя преступления украинских властей, что свидетельствует об избирательном подходе, подрывающем равенство перед законом [9, с. 46].

Современное международное право традиционно исходит из абсолютного иммунитета глав государств, глав правительств и министров иностранных дел от уголовной и гражданской юрисдикции национальных судов других государств. Международный суд ООН в решении 2002 г. по делу об ордере на арест подтвердил: при отсутствии договорных норм иммунитеты таких лиц регулируются международным обычаем и без исключений действуют в уголовной и гражданской юрисдикции других стран, пока лицо занимает должность [2].

При этом п. 2 ст. 27 Римского статута не допускает, чтобы должностные иммунитеты и особые процессуальные нормы препятствовали юрисдикции МУС, что, по А.С. Исполинову, означает добровольный отказ ратифицировавших Статут государств от иммунитетов своих должностных лиц в делах Суда [2, с. 44], тогда как ст. 98 отдаёт приоритет международным иммунитетам должностных лиц государств-неучастников.

МУС на практике отступил от этого принципа: по делу аль-Башира Апелляционная палата сочла иммунитеты неприменимыми, так как Суд представляет всё международное сообщество, что А.С. Исполинов

назвал опасным, неумным и сознательным искажением международного права [2, с. 52, 51]. При этом 6 июля 2017 г. Палата предварительного производства по делу об отказе ЮАР арестовать аль-Башира не нашла международного обычая, исключающего иммунитет главы государства при ордере другого государства или запросе международного суда, включая МУС [2, с. 47].

Незаконная выдача ордеров на арест В.В. Путина и М.А. Львовой-Беловой обострила проблему: Д.А. Медведев справедливо считает посягательство Гаагского суда на суверенитет постоянного члена СБ ООН (требование ареста главы государства и препятствование его должностным функциям) преступлением против международного права, а по ст. 98 Римского статута выдача такого ордера и просьба об аресте лица с иммунитетом государства-неучастника без сотрудничества с ним противоречат Статуту [1].

Таким образом, проблема иммунитетов высших должностных лиц в контексте решений МУС представляет собой одну из наиболее острых проблем современного международного права. Практика МУС характеризуется отходом от основополагающих принципов, подтверждённых практикой Международного суда ООН, и создаёт опасный прецедент.

Юрисдикционная экспансия МУС имеет серьёзные последствия: подрыв доверия к международным институтам; обострение геополитических противоречий; эрозия основополагающих принципов международного права. Как отмечает Д.А. Медведев, Гаагский суд нарушает принцип *pacis tertius nec nocent nec prosunt*, закреплённый в обычном международном праве и ст. 34 Венской конвенции 1969 г. [1, с. 18], создавая опасный прецедент: присваивает не предусмотренные учредительным документом полномочия и навязывает юрисдикцию суверенным государствам вопреки их воле.

Политико-правовые последствия - подрыв доверия к международному правосудию: по Э.Ю. Муратовой, чрезмерная дискреция прокурора ведёт к политизированному отбору дел и селективному применению норм, подрывая равенство и создавая видимость двойных стандартов [9, с. 50], что ведёт к отказу государств от сотрудничества с МУС. Н.Н. Кириловская отмечает, что африканские страны усматривают в территориальной ограниченности работы МУС дискриминацию по государственному признаку [3, с. 174]: в 2016 г. Гамбия и ЮАР уведомили о выходе, но позже отозвали уведомления, а Бурунди сохранила решение и с 2017 г. вышла из Римского статута [3, с. 174].

Юрисдикционная экспансия МУС обостряет геополитические противоречия: Е.А. Копылова связывает углубление кризиса легитимности Суда с заочным приговором Мосгорсуда от 12.12.2025, которым прокурор К. Хан и восемь судей признаны виновными в незаконном преследовании граждан РФ и приговорены к 3,5–15 годам [8, с. 46]. По А.П. Козлову, вопреки ожиданиям, МУС нередко осложняет мирное урегулирование [12, с. 27]: преследование действующего президента Судана аль-Башира подорвало посредничество по Дарфуру, а ЛАГ сочла это опасным прецедентом для региональной стабильности [12].

По мнению Д.А. Медведева, юрисдикционная экспансия размывает суверенное равенство и невмешательство: суверенное равенство членов ООН - основа её Устава, а главы государств по международному обычаю обладают иммунитетом от гражданской и уголовной юрисдикции других стран, поэтому его нарушение Гаагским судом – противоправное деяние [1, с. 13].

Таким образом, политико-правовые последствия юрисдикционной экспансии МУС для архитектуры международной безопасности крайне серьёзны: подрыв доверия к системе международного правосудия; обострение геополитических противоречий; создание препятствий для мирного урегулирования; эрозия основополагающих принципов международного права.

Сложившаяся ситуация требует поиска путей реформирования. В научной литературе обсуждаются три группы подходов: реформирование МУС изнутри; создание альтернативных международных судебных органов; развитие национальных механизмов и гибридных трибуналов.

Первый подход предполагает реформирование МУС путём внесения изменений в Римский статут. А.П. Козлов считает необходимым: неукоснительно соблюдать принцип *pacis tertius nec nocent nec prosunt*; пересмотреть подход МУС к иммунитетам должностных лиц; усилить судебный контроль над Прокурором; ограничить добровольные взносы заинтересованных государств; выработать единообразную практику Суда по ключевым вопросам [12, с. 27]. Однако реалистичность этого подхода сомнительна. Как отмечает Е.А. Копылова, из-за глубоких расхождений между Россией и Глобальным Югом, с одной стороны, и коллективным Западом – с другой, создание подлинно универсального международного уголовного суда в обозримом будущем нереально [8, с. 45].

Второй подход – создание альтернативных судебных органов: А.А. Данельян предлагает орган БРИКС с инвестиционным арбитражем и уголовным судопроизводством [4, с. 80], а Е.А. Копылова – три варианта реформы: превращение МУС в органически постоянный суд, замену его модернизированными трибунала-

ми ad hoc либо включение уголовного правосудия в структуру Международного суда ООН через спецпалату [8, с. 51].

Третий подход - развитие национальных механизмов и гибридных трибуналов: по А.А. Данельяну, они могут полностью заменить МУС в преследовании за международные преступления, лучше отвечают задачам переходного правосудия, легитимнее за счёт сочетания международных и национальных судей, дешевле для государств и ближе к местам преступлений, что даёт демонстрационный эффект и снимает необходимость перевозки жертв и свидетелей за границу [4, с. 80].

Перспективным считается развитие идеи «позитивной комплементарности», при которой МУС оказывает национальным судебным системам активную помощь в расследовании международных преступлений [12, с. 27]. Это согласуется с принципом преамбулы Римского статута: Суд должен дополнять национальные органы юстиции, а не подменять их.

Таким образом, перспективы реформирования связаны с поиском баланса между универсалистскими устремлениями и реалиями современной системы международных отношений. Наиболее реалистичен комплексный подход, сочетающий корректировку юрисдикционной политики МУС, создание региональных и гибридных механизмов правосудия, развитие национальных судебных систем. Ключевое условие успешности реформ - соблюдение основополагающих принципов международного права.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, нормативная основа юрисдикции МУС содержит концептуальные дефекты: установление собственной иерархии источников права, противоречащей статье 103 Устава ООН; претензия на самостоятельную квалификацию актов агрессии в обход прерогатив Совета Безопасности; распространение юрисдикции на государства-неучастники в нарушение принципов международного права; игнорирование иммунитетов высших должностных лиц, подтверждённых практикой Международного суда ООН.

Во-вторых, практика распространения юрисдикции МУС на государства-неучастники демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию полномочий, что противоречит основополагающим принципам международного права. Наиболее проблемные аспекты: игнорирование принципа *pacta tertiis*; отход от требований статьи 98 Римского статута; избирательный подход, при котором игнорируются преступления, совершённые представителями государств, поддерживающих МУС.

В-третьих, проблема иммунитетов высших должностных лиц в контексте решений МУС представляет собой одну из наиболее острых проблем современного международного права. Практика МУС характеризуется отходом от основополагающих принципов, подтверждённых практикой Международного суда ООН, и создаёт опасный прецедент.

В-четвёртых, политико-правовые последствия юрисдикционной экспансии МУС для архитектуры международной безопасности крайне серьёзны: подрыв доверия к системе международного правосудия; обострение геополитических противоречий; создание препятствий для мирного урегулирования; эрозия основополагающих принципов международного права.

В-пятых, перспективы реформирования юрисдикционной модели МУС связаны с поиском баланса между универсалистскими устремлениями и реалиями современной системы международных отношений. Наиболее реалистичен комплексный подход, сочетающий корректировку юрисдикционной политики МУС, создание региональных и гибридных механизмов правосудия, развитие национальных судебных систем. Ключевое условие успешности реформ - соблюдение основополагающих принципов международного права.

Практические рекомендации: активизировать работу по разъяснению международно-правовой позиции Российской Федерации в отношении юрисдикционных решений МУС на всех площадках; проработать концепцию создания альтернативного международного судебного органа в рамках БРИКС; продолжать развитие национальных механизмов правосудия.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов для разработки позиции Российской Федерации на международных площадках, а также в учебном процессе. Дальнейшие исследования могут быть посвящены анализу конкретных юрисдикционных решений МУС, изучению опыта региональных судебных органов, разработке теоретических основ альтернативной модели международного уголовного правосудия.

Список источников

1. Медведев Д.А. Утраченные иллюзии, или Как Международный уголовный суд стал юридическим ничтожеством // Правоведение. 2025. Т. 69. № 1. С. 3 – 23.
2. Исполинов А.С. Примеряя Кольцо Всевластия: Международный уголовный суд и иммунитеты глав государств // Российский юридический журнал. 2023. № 2 (149). С. 37 – 58. DOI 10.34076/20713797_2023_2_37
3. Кириловская Н.Н. Международный уголовный суд: история и современность // *Ius publicum et privatum*. 2024. № 3 (27). С. 169 – 177.
4. Данельян А.А. Международный уголовный суд: конец эпохи и возможные альтернативы // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2025. № 5 (30). С. 77 – 81.
5. Скобликов П.А. Уголовная ответственность за оказание содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 4 (161). С. 129 – 141.
6. Зарина А.М., Бессонова Т.С. Деятельность международного уголовного суда в современном мире // Криминологический журнал. 2024. № 4. С. 62 – 64.
7. Ронжина Н.А., Серяков-Анисифоров И.А. Деформация современного международного права на примере деятельности Международного уголовного суда // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2024. № 11(99). С. 76 – 82.
8. Копылова Е.А. Архитектура международного уголовного правосудия в условиях кризиса: предпосылки, проблематика и перспективы реформирования // Право и политика. 2026. № 2. С. 44 – 57.
9. Муратова Э.Ю. Международный уголовный суд: от идеи универсального суда до краха надежд // Публичное и частное право. 2025. № 1 (47). С. 44 – 52.
10. Харченко С.В., Пальцев А.А. Международная юстиция в современных условиях // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2025. № 1 (47). С. 159 – 165.
11. Муратова Э. Ю. Проблемы назначения наказания в Международном уголовном суде как факторы его делегитимации // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2025. № 4 (28). С. 209 – 217.
12. Козлов А.П. Особенности функционирования международного уголовного суда // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2025. № 4 (69). С. 23 – 28.

References

1. Medvedev D.A. Lost Illusions, or How the International Criminal Court Became a Legal Nullity. *Pravovedenie*. 2025. Vol. 69. No. 1. P. 3 – 23.
2. Ispolinov A.S. Trying on the One Ring: The International Criminal Court and Heads of State Immunities. *Russian Juridical Journal*. 2023. No. 2 (149). P. 37 – 58. DOI 10.34076/20713797_2023_2_37
3. Kirilovskaya N.N. The International Criminal Court: History and Modernity. *Ius publicum et privatum*. 2024. No. 3 (27). P. 169 – 177.
4. Danelyan A.A. The International Criminal Court: End of an Era and Possible Alternatives. Electronic Online Publication "International Legal Courier". 2025. No. 5 (30). P. 77 – 81.
5. Skoblikov P.A. Criminal Liability for Assisting in the Implementation of Decisions by International Organizations in Which the Russian Federation Does Not Participate. *Actual Problems of Russian Law*. 2024. Vol. 19, No. 4 (161). P. 129 – 141.
6. Zarina A.M., Bessonova T.S. Activities of the International Criminal Court in the Modern World. *Criminological Journal*. 2024. No. 4. P. 62 – 64.
7. Ronzhina N.A., Seryakov-Anisiforov I.A. The Deformation of Modern International Law: The Case of the International Criminal Court. *Skif. Issues of Student Science*. 2024. No. 11(99). P. 76 – 82.
8. Kopylova E.A. The Architecture of International Criminal Justice in a Time of Crisis: Prerequisites, Issues, and Reform Prospects. *Law and Politics*. 2026. No. 2. P. 44 – 57.
9. Muratova E.Yu. The International Criminal Court: From the Idea of a Universal Court to the Collapse of Hopes. *Public and Private Law*. 2025. No. 1 (47). P. 44 – 52.
10. Kharchenko S.V., Paltsev A.A. International Justice in Modern Conditions. *Crime Investigation: Problems and Solutions*. 2025. No. 1 (47). P. 159 – 165.

11. Muratova E.Yu. Sentencing Issues at the International Criminal Court as Factors of Its Delegitimization. Bulletin of the Institute of Law, Bashkir State University. 2025. No. 4 (28). P. 209 – 217.

12. Kozlov A.P. Specifics of the International Criminal Court's Functioning. Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2025. No. 4 (69). P. 23 – 28.

Информация об авторе

Середа С.П., доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, sta-sereda2006@yandex.ru

© Середа С.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 343:327:35:342.4(470)

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-55-62

Геополитическое положение России и ее национальные интересы в сфере противодействия преступности

¹ Нагорных Р.В.,

¹ Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России

Аннотация: в статье исследуется взаимосвязь геополитического положения Российской Федерации и формирования её национальных интересов в области борьбы с преступностью. Автор анализирует, как стратегическое расположение страны, её роль в евразийском пространстве и текущие международные факторы, включая геополитическую напряжённость и санкционное давление, порождают специфические вызовы и угрозы в криминальной сфере. В работе обосновывается вывод о том, что противодействие преступности в современных условиях перестаёт быть функцией исключительно отдельных правоохранительных ведомств и становится комплексной задачей государственного управления, где геополитические решения напрямую определяют конфигурацию всей правоохранительной системы. Утверждается, что укрепление позиций России на международной арене, формирование многополярного мира и защита традиционных ценностей являются не только политическими, но и сугубо криминологическими императивами, поскольку именно они лишают транснациональную организованную преступность и экстремизм их внешней питательной среды и геополитического прикрытия.

Результаты исследования могут быть использованы при подготовке проектов нормативных правовых актов, а также в учебном процессе образовательных учреждений высшего профессионального образования.

Ключевые слова: геополитическое положение, национальные интересы, противодействие преступности, транснациональная преступность, национальная безопасность, криминологическая политика, правовое регулирование, трансграничное сотрудничество

Для цитирования: Нагорных Р.В. Геополитическое положение России и ее национальные интересы в сфере противодействия преступности // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 5. С. 55 – 62. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-55-62

Поступила в редакцию: 7 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 14 октября 2026 г.

Russia's geopolitical situation and its national interests in countering crime

¹ Nagornykh R.V.,

¹ Vologda Institute of Law and Economics, Federal Penitentiary Service of Russia

Abstract: this article examines the relationship between the geopolitical position of the Russian Federation and the formation of its national interests in combating crime. The author analyzes how the country's strategic location, its role in the Eurasian region, and current international factors, including geopolitical tensions and sanctions pressure, create specific challenges and threats in the criminal sphere. The paper substantiates the conclusion that combating crime in modern conditions is no longer the sole responsibility of individual law enforcement agencies but is

becoming a comprehensive task of public administration, where geopolitical decisions directly determine the configuration of the entire law enforcement system. It is argued that strengthening Russia's position on the international stage, the formation of a multipolar world, and the protection of traditional values are not only political but also purely criminological imperatives, as they deprive transnational organized crime and extremism of their external fertile ground and geopolitical cover.

Keywords: geopolitical position, national interests, combating crime, transnational crime, national security, criminological policy, legal regulation, cross-border cooperation

For citation: Nagornykh R.V. Russia's geopolitical situation and its national interests in countering crime. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (5). P. 55 – 62. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-55-62

The article was submitted: August 7, 2026; Approved after reviewing: September 4, 2026; Accepted for publication: October 14, 2026.

Введение

В условиях стремительной трансформации глобального миропорядка геополитическое положение России приобретает особую значимость. Страна, занимающая уникальное пространственное положение на стыке Европы и Азии, располагает колоссальными ресурсами и протяжёнными границами, что одновременно определяет её стратегические преимущества и создаёт серьёзные вызовы в сфере безопасности. Транснациональная преступность, терроризм, киберпреступность, незаконный оборот наркотиков и оружия - эти угрозы всё чаще носят трансграничный характер и напрямую затрагивают национальные интересы государства. В связи с этим научное осмысление взаимосвязи между геополитическим положением страны и её национальными интересами в сфере противодействия преступности представляется весьма актуальным.

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена и тем обстоятельством, что традиционные подходы к обеспечению правопорядка, сложившиеся в относительно стабильных геополитических условиях, сегодня нуждаются в пересмотре. Санкционное давление, информационные войны, дестабилизация сопредельных регионов формируют качественно новую криминогенную обстановку, требующую адекватных ответов со стороны государства.

Вместе с тем в теории и практике правового обеспечения противодействия преступности сохраняется ряд нерешённых проблем. К ним относятся недостаточная разработанность понятийного аппарата, описывающего взаимосвязь геополитики и криминологической политики; фрагментарность правового регулирования трансграничного сотрудничества в борьбе с преступностью; слабая интеграция научных исследований в практическую деятельность правоохранительных органов. Кроме того, недостаточно изучены вопросы адаптации национальной системы противодействия преступности к динамично меняющейся геополитической конъюнктуре.

Цель настоящего исследования состоит в комплексном анализе влияния геополитического положения России на формирование и реализацию её национальных интересов в сфере противодействия преступности, а также в разработке научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию правовых и организационных основ соответствующей деятельности государства.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу составили общенаучные и частнонаучные методы: системный анализ для оценки взаимосвязи геополитических факторов и криминогенной обстановки; сравнительно-правовой метод при изучении зарубежного опыта противодействия транснациональной преступности; статистический анализ для оценки динамики преступности. Применялись методы анализа и синтеза при обработке эмпирических данных.

Материалами послужили Конституция Российской Федерации, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, международные акты и иные нормативные правовые акты в сфере национальной безопасности, аналитические материалы органов публичной власти, а также научные труды отечественных и зарубежных авторов по геополитике, теории государства и права, криминологии и государственному управлению.

Результаты и обсуждения

Геополитическое положение России напрямую детерминирует характер и масштаб криминогенных угроз, с которыми сталкивается государство. Конституция Российской Федерации закрепляет фундаментальные принципы, образующие правовой каркас противодействия преступности. Статья 2 устанавливает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанность государства. Часть 1 статьи 55 допускает ограничение прав и свобод федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Статья 13 запрещает создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя, подрыв безопасности государства, создание вооружённых формирований, разжигание розни. Тем самым Конституция формирует исходные правовые координаты, в которых реализуется уголовная политика и криминологическая стратегия государства.

Стратегия национальной безопасности фиксирует, что стремление изолировать Россию и использование двойных стандартов в международной политике препятствуют эффективному многостороннему сотрудничеству в борьбе с терроризмом, экстремизмом, наркобизнесом и организованной преступностью (п. 18). В разделе «Государственная и общественная безопасность» прямо отмечается рост числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, дестабилизирующее влияние экстремистских проявлений и активность деструктивных сил за рубежом, пытающихся использовать социально-экономические трудности для стимулирования конфликтов и манипулирования в информационной сфере (п. 42, 44). Среди задач государственной политики Стратегия называет недопущение вмешательства во внутренние дела РФ, пресечение деятельности иностранных специальных служб, снижение уровня криминализации общественных отношений, развитие единой государственной системы профилактики правонарушений, предупреждение преступлений с использованием IT-технологий, а также снижение доли теневого и криминального секторов экономики (п. 47).

Обеспечение национальных интересов в области безопасности и противодействия преступности является одной из главных задач современного российского государства. В Послании Федеральному Собранию 2024 года Президент Российской Федерации В.В. Путин определил защиту суверенитета и безопасности границ как безусловный приоритет. При этом в контексте противодействия преступности глава государства акцентировал внимание на том, что воинствующий радикализм представляет прямую угрозу суверенитету, а правоохранительные органы обязаны учитывать все угрозы, возникающие в условиях геополитического конфликта [15].

В выступлении Президента Российской Федерации В. В. Путина на пленарной сессии XXII Ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба "Валдай" проблемы национальной безопасности были подняты по главу повестки. В его выступлении было подчеркнуто, что «в многополярном мироустройстве должны учитываться интересы всех участников международного общения. И, как мы много раз говорили, это основной, основополагающий принцип: безопасность одних не может быть достигнута за счёт безопасности других. Вот это один из краеугольных камней, который, как нам кажется, должен лечь в основу будущего миропорядка» [1, с. 1].

Правовую основу обеспечения национальной безопасности и защиты государственного суверенитета в условиях трансформации миропорядка составляет Конституция Российской Федерации. Согласно части 3 статьи 4, Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории, что в современных условиях требует бескомпромиссной борьбы с сепаратизмом и инспирированным извне экстремизмом. Часть 2 статьи 13 запрещает создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации. Статья 45 гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, реализация которой невозможна без эффективного функционирования правоохранительной системы, способной противостоять транснациональным криминальным угрозам.

Международно-правовую базу взаимодействия России в правоохранительной сфере формируют решения Совета глав государств СНГ. В рамках Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на 2024-2028 годы, утвержденной Решением от 13 октября 2023 года, определены векторы противодействия трансграничной преступности, включая незаконный оборот оружия, торговлю людьми, киберпреступность и легализацию доходов, полученных преступным путем. Данный документ базируется на общепризнанных принципах международного права, однако его реализация осложняется спецификой двусторонних отношений внутри Содружества, что подтверждается наличием особых мнений Азербайджан-

ской и Армянской сторон, ограничивающих применение положений Программы в условиях неурегулированных территориальных споров.

Ключевым доктринальным документом, конкретизирующим национальные интересы в правоохранительной сфере, является Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации (далее – Стратегия противодействия экстремизму). Документ развивает положения Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ и Концепции внешней политики. В пункте 11 Стратегии фиксируется использование экстремистских и террористических организаций некоторыми государствами в качестве средства для ведения гибридных войн и достижения геополитических целей за счет вмешательства во внутренние дела других стран. Пункт 13 прямо указывает на распространение угроз с территории Украины, где фиксируется укрепление связей неонацистских формирований с транснациональными организованными преступными группами. Пункт 26 Стратегии выделяет в качестве самостоятельного фактора риска противоправную деятельность мигрантов, нарушающую национальный и религиозный баланс, что требует интеграции миграционного контроля в общую систему обеспечения общественной безопасности.

Анализ Стратегии противодействия экстремизму, позволяет констатировать качественное изменение характера угроз. Преступность окончательно утратила статус социально-бытового явления и трансформировалась в инструмент геополитической дестабилизации. Внешний контур угроз, зафиксированный в пункте 11 Стратегии, включает использование террористических группировок в качестве прокси-сил, финансирование радикальных ячеек из-за рубежа и попытки инспирирования «цветных революций» через провоцирование массовых беспорядков. Внутренний контур, описанный в пунктах 26 и 27, связан с рисками радикализации миграционных потоков и проникновением деструктивных идеологий в молодежную и спортивную среду. Динамика регистрируемых преступлений в 2025 году, показавшая общее снижение на 7,3% при одновременном росте ущерба от высокотехнологичных преступлений до 200 млрд рублей, свидетельствует о смещении вектора криминальной активности в цифровую сферу, где анонимность и трансграничность затрудняют традиционное реагирование.

В этой связи российская криминологическая и политологическая школа совершенно справедливо рассматривает противодействие преступности в качестве неотъемлемого компонента геополитического противостояния. В работах отечественных исследователей, анализирующих современную Стратегию национальной безопасности и иные акты в этой области, подчеркивается, что преступность в России перестала быть сугубо внутренней проблемой. Транснациональные криминальные сети выступают инструментом внешнего давления, направленного на подрыв экономической стабильности и деморализацию государственного аппарата. Особое внимание уделяется концепции «контролируемого хаоса», где организованная преступность используется для создания зон нестабильности по периметру российских границ. При этом экономические санкции напрямую коррелируют с ростом высокотехнологичной преступности, направленной на хищение бюджетных средств и дестабилизацию финансового сектора [2, с. 12].

В частности, С.С. Босхолов обращает внимание на противоречия, заложенные в ряде конституционных положений с позиций современной геополитической обстановки, и указывает на необходимость «национализации Конституции России» посредством приведения её отдельных норм в соответствие с национальными интересами, закреплёнными в Стратегии национальной безопасности [3, с. 110]. Он отмечает, что либеральные правовые конструкции, заимствованные в 1990-е годы, создали уязвимости, которые используются внешними силами для подрыва суверенитета. Кроме того, С. С. Босхолов аргументирует, что криминологическая безопасность оформилась в частную криминологическую теорию и важную составную часть национальной безопасности, а её стратегические цели направлены на защиту национальных интересов от криминальных угроз [4, с. 23].

В свою очередь Г.В. Зазулин в концепции «геополитической криминологии» обосновывает тезис о том, что проблему преступности в России решит не столько полиция, сколько государственная политика, реализующая положения Стратегии национальной безопасности. По его мнению, основой государственной политики должны стать национальные интересы и традиционные ценности, закреплённые в стратегических документах [5, с. 45]. Он ввёл в научный оборот термин «геополитическое убийство», подчёркивая необходимость криминологического осмысления преступных действий, направленных на устранение лидеров государств, противостоящих гегемонии Запада [6, с. 44].

В своей фундаментальной работе «Преступность XX века» (2005) и последующих трудах [7, с. 137-141, 582-586] В.В. Лунеев раскрыл проблему транснационализации преступности в условиях глобализации. Он отмечает, что глобализация создаёт новые возможности для транснациональной организованной преступности, а существенное ограничение власти национальных правительств и превращение их в «марионетки

глобального бизнеса» приведёт к хаосу и безграничной преступности. В.В. Лунеев подчёркивает необходимость ювелирного баланса между эффективностью правоохранительной деятельности и соблюдением прав человека, между свободой и безопасностью [7, с. 840-842].

Академик В.Н. Кудрявцев рассматривал политическую преступность как порождаемую политической мотивацией, а именно несогласием с существующим общественным и государственным строем, а также с проводимой центральными властями политикой [8, с. 66]. Совместно с В.Е. Эминовым он подчёркивал, что политическая нестабильность обостряет экономическую и социальную ситуацию, приводит к массовым убийствам, активизации вооружённых банд, агрессии на почве национализма [9, с. 65].

Профессор Д.А. Шестаков, основатель российской политической криминологии, ещё в 1992 году предложил рассматривать преступность не только как уголовно-правовой, но и как политико-правовой феномен [10, с. 12]. Согласно его семантической концепции, политическая преступность проявляется в виде преступлений населения против государства и преступлений самой власти по отношению к народу. Он ввёл понятие «глобальная олигархическая преступность» и обосновал необходимость криминологической оценки вмешательства олигархических кланов в деятельность суверенных государств [11, с. 10].

Зарубежная академическая и экспертная мысль предлагает иной взгляд на указанные проблемы. В трудах западных аналитиков (например, в докладах исследовательских центров, специализирующихся на евразийской безопасности 2026 года [12, с. 14]) российская правоохранительная политика часто интерпретируется через призму «секьюритизации» внутренней политики. Наиболее реакционные антироссийские утверждения сводятся к тому, что расширение определений экстремизма и ужесточение контроля над информационным пространством являются не столько ответом на реальные геополитические угрозы, сколько механизмом подавления политической оппозиции и консолидации власти [13, с. 2]. Зарубежные авторы склонны рассматривать транснациональную преступность, выходящую из евразийского пространства, как следствие институциональной слабости и коррупции, а не как результат целенаправленной геополитической стратегии третьих стран. В отличие от российского подхода, где первичным признаётся внешний контур угрозы (гибридная война, русофобия, неонацизм), западная школа ставит во главу угла внутренние системные проблемы, предлагая в качестве решения механизмы внешнего мониторинга и интернационализацию следственных процедур, что вступает в прямое противоречие с принципом государственного суверенитета, закреплённым в Конституции Российской Федерации.

Соотношение этих позиций выявляет фундаментальный эпистемологический разрыв. Российская точка зрения исходит из примата государства как главного субъекта безопасности, где противодействие преступности является формой защиты цивилизационной идентичности и территориальной целостности в условиях открытого геополитического давления. Преступность рассматривается как экзистенциальная угроза, сращенная с инструментами гибридной войны. Зарубежный подход базируется на либеральной парадигме, где государство само может выступать источником угрозы правам человека, а транснациональная преступность представляет собой глобальный рыночный и управленческий вызов, требующий наднационального регулирования.

В практическом преломлении этот разрыв проявляется в оценке киберугроз. Российская доктрина квалифицирует атаки на критическую информационную инфраструктуру как акт агрессии, требующий жесткого государственного ответа и технологического суверенитета. Зарубежные исследователи зачастую рассматривают российские сегменты сети как источник вредоносной активности. При этом российские киберпреступники оцениваются как наиболее профессиональные и технически квалифицированные в мире, с наибольшим влиянием их преступлений на глобальную безопасность, что, по мнению западных экспертов, требует коллективного санкционного сдерживания [14, с. 15]. Аналогичное расхождение наблюдается в оценке киберпреступности: для России это вызов национальной безопасности, требующий консолидации спецслужб, в свою очередь, для западного экспертного сообщества это проблема правоприменения и необходимости универсальной юрисдикции.

Национальные интересы России в данной сфере на современном этапе заключаются в следующем.

Во-первых, в обеспечении криминологического суверенитета, подразумевающего полную независимость правоохранительной и пенитенциарной систем от внешнего влияния, недопущение экстрадиции граждан по политически мотивированным запросам и защиту отечественных экономических агентов от правового империализма.

Во-вторых, в купировании угроз, исходящих от сращивания этнорелигиозного радикализма с организованной преступностью, что требует жесткой фильтрации миграционных потоков и пресечения деятельности этнических анклавов, не интегрированных в правовое поле.

В-третьих, в формировании альтернативных международных правовых площадок (БРИКС, ШОС), где подходы к противодействию преступности не будут подчинены логике экстерриториального применения права отдельных государств, а будут основываться на равноправном диалоге и невмешательстве во внутренние дела.

В-четвертых, в защите финансово-экономического контура, что подтверждается требованиями Президента о бескомпромиссной борьбе с коррупцией в гособоронзаказе и нацпроектах, рассматриваемых как хребет обороноспособности страны в условиях геополитической турбулентности.

Выводы

Геополитическое положение России в 2025-2026 годах характеризуется переходом от конкуренции в рамках международного права к открытому системному противостоянию, в котором криминальные факторы глубоко интегрированы в инструменты гибридного противоборства. Национальные интересы в сфере противодействия преступности детерминированы необходимостью сохранения государственного суверенитета, закрепленного в статьях 4 и 13 Конституции РФ, и защиты цивилизационной идентичности в условиях беспрецедентного внешнего давления.

Российская политико-правовая мысль рассматривает данную трансформацию как закономерный результат кризиса однополярной модели мироустройства. В отличие от западной парадигмы, трактующей усиление правоохранительной функции государства как «секьюритизацию» и подавление свобод, отечественная наука и практика государственного управления исходят из концепции «криминологического суверенитета». Суть данного подхода заключается в признании того факта, что в условиях гибридной войны традиционные механизмы защиты прав человека, имплементированные в период доминирования западных институтов, могут быть использованы для легализации подрывной деятельности. Следовательно, национальные интересы требуют адаптации законодательства к реалиям конфликта, что выражается в расширении составов преступлений экстремистской направленности, введении ответственности за дискредитацию использования Вооруженных Сил и создании специализированных механизмов защиты финансового контура государства.

Соотношение точек зрения выявляет непримиримое противоречие в определении субъекта угрозы. Для России первоисточником криминальной опасности выступает консолидированный Запад, использующий сетевые структуры, НКО и частные военные компании для расшатывания внутренней стабильности. В свою очередь зарубежные авторы источником нестабильности называют внутренние дисфункции российской государственности. Этот разрыв делает невозможным выработку единых международных стандартов противодействия преступности в рамках дискредитировавших себя универсалистских структур. Практическим следствием становится переориентация международного сотрудничества на форматы СНГ, ШОС и БРИКС, где Межгосударственная программа на 2024-2028 годы служит каркасом для прагматичного взаимодействия без идеологической предвзятости.

Синтез конституционных норм, директивных установок главы государства и положений обновленной Стратегия противодействия экстремизму формирует целостную систему защиты национальных интересов. Она базируется на триаде: технологическая независимость (включая пресечение ущерба от киберпреступности), демографическая безопасность (через жесткий контроль миграции и предотвращение формирования замкнутых радикальных анклавов) и финансово-экономическая устойчивость (через декриминализацию стратегических отраслей и гособоронзаказа).

В среднесрочной перспективе эффективность реализации национальных интересов будет зависеть от способности государства перейти от реактивной модели борьбы с последствиями преступлений к проактивной модели устранения их геополитических причин. Это требует совершенствования уголовного и административно-деликтного законодательства, а также формирования собственного суверенного информационного пространства, способного нейтрализовать внешнее информационно-психологическое воздействие на молодежь. Кроме того, критически важным становится развитие отечественных технологий искусственного интеллекта для мониторинга киберпространства, что позволит купировать угрозы в цифровой среде, где ущерб исчисляется сотнями миллиардов рублей.

Список источников

1. Безопасность не может быть обеспечена за счет других стран, заявил Путин – РИА Новости, 02.10.2025. URL: <https://ria.ru/20251002/putin-2045965480.html>
2. Росфинмониторинг_годовой отчет_2025.pdf. URL: https://www.fedsfm.ru/content/files/росфинмониторинг_годовойотчет_2025.pdf

3. Босхолов С.С. Вызовы и угрозы основам конституционного строя и российской государственности: политико-правовой и криминологический аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 2. С. 109 – 121.
4. Босхолов С.С. Роль криминологии в обеспечении национальной безопасности // Пролог: журнал о праве. 2016. № 2 (10). С. 17 – 23.
5. Зазулин Г.В. Государственная политика на основе Стратегии национальной безопасности РФ и преступностиведение // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 3 (42). С. 44 – 51.
6. Зазулин Г.В. Криминологическое мышление в контексте истории, геополитики, философии, конфликтологии и права // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 3 (54). С. 42 – 46.
7. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции: монография. 2-е, изд. перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 868 с.
8. Кудрявцев В.Н. Популярная криминология / репр. изд. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. 166 с.
9. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. (ред.) Криминология: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 800 с.
10. Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 561 с.
11. Беляев Н.А., Волгарева И.В., Кропачев Н.М. и др. Криминология. Общая часть: учебник для вузов по специальности «Правоведение» / Санкт-Петербургский университет; под ред. В.В. Орехова. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1992. 216 с.
12. Тренин Д.В., Попадьева Т.И. и др. Концепция евразийской безопасности: возможности реализации в Балканском регионе: доклад № 116 / 2026 / под ред. С.М. Гавриловой, М.С. Лазовича, Д.О. Растегаева; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2026. 42 с.
13. [PDF] Explaining Russia's Increasingly Aggressive Responses to Popular Revolutions: From the Coloured Revolutions to the Crises in Ukraine and Syria: An Instrumental Constructivist Approach. URL: https://www.academia.edu/33861268/Explaining_Russia_s_Increasingly_Aggressive_Responses_to_Popular_Revolutions_From_the_Coloured_Revolutions_to_the_Crises_in_Ukraine_and_Syria_An_Instrumental_Constructivist_Approach
14. (PDF) Mapping the global geography of cybercrime with the World Cybercrime Index. URL: https://www.researchgate.net/publication/379729675_Mapping_the_global_geography_of_cybercrime_with_the_World_Cybercrime_Index
15. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 «Послание Президента Федеральному Собранию» // "Российская газета", № 46, 01.03.2024.

References

1. Security cannot be ensured at the expense of other countries, Putin stated – RIA Novosti, October 2, 2025. URL: <https://ria.ru/20251002/putin-2045965480.html>
2. Rosfinmonitoring_Annual Report_2025.pdf. URL: https://www.fedsfm.ru/content/files/росфинмониторинг_годовойотчет_2025.pdf
3. Boskholov S.S. Challenges and threats to the foundations of the constitutional order and Russian statehood: political-legal and criminological aspects. All-Russian Criminological Journal. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 109 – 121.
4. Boskholov S.S. The role of criminology in ensuring national security. Prologue: Law Journal. 2016. No. 2 (10). P. 17 – 23.
5. Zazulin G.V. State policy based on the National Security Strategy of the Russian Federation and the study of crime. Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. 2016. No. 3 (42). P. 44 – 51.
6. Zazulin G.V. Criminological thinking in the context of history, geopolitics, philosophy, conflict studies, and law. Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. 2019. No. 3 (54). P. 42 – 46.
7. Luneev V.V. Crime in the 20th Century: Global, Regional, and Russian Trends: Monograph. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Wolters Kluwer, 2005. 868 p.
8. Kudryavtsev V.N. Popular Criminology. reprint ed. Moscow: Norma: INFRA-M, 2026. 166 p.
9. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. (eds.) Criminology: Textbook. 5th ed., revised and supplemented. Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. 800 p.

10. Shestakov D.A. Criminology: New Approaches to Crime and Criminality. Criminogenic Laws and Criminological Legislation. Countering Crime in a Changing World: Textbook. 2nd ed., revised and supplemented. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press, 2006. 561 p.

11. Belyaev N.A., Volgareva I.V., Kropachev N.M., et al. Criminology. General Part: Textbook for Higher Education Institutions (Specialty: Jurisprudence). St. Petersburg University; ed. by V.V. Orekhov. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 1992. 216 p.

12. Trenin D.V., Popadyeva T.I., et al. The Concept of Eurasian Security: Implementation Prospects in the Balkan Region: Report No. 116 / 2026. ed. by S.M. Gavrilova, M.S. Lazovich, D.O. Rastegaev; Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: NP RIAC, 2026. 42 p. 13. [PDF] Explaining Russia's Increasingly Aggressive Responses to Popular Revolutions: From the Coloured Revolutions to the Crises in Ukraine and Syria: An Instrumental Constructivist Approach. URL: https://www.academia.edu/33861268/Explaining_Russia_s_Increasingly_Aggressive_Responses_to_Popular_Revolutions_From_the_Coloured_Revolutions_to_the_Crises_in_Ukraine_and_Syria_An_Instrumental_Constructivist_Approach

14. (PDF) Mapping the global geography of cybercrime with the World Cybercrime Index. URL: https://www.researchgate.net/publication/379729675_Mapping_the_global_geography_of_cybercrime_with_the_World_Cybercrime_Index

15. Address by the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated February 29, 2024, "Address by the President to the Federal Assembly". " Rossiyskaya Gazeta", No. 46, March 1, 2024.

Информация об авторе

Нагорных Р.В., доктор юридических наук, профессор, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России, nagornikh-vipe@mail.ru

© Нагорных Р.В., 2026

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 343.81

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-63-70

Правовые основы организации деятельности правоохранительных органов по предотвращению неповиновения лиц, отбывавших наказание в местах лишения свободы НКВД-МВД СССР в послевоенные годы

¹Перлик М.И.,

¹Краснодарский университет МВД России

Аннотация: в статье исследуются правовые основы организации деятельности правоохранительных органов по предотвращению неповиновения лиц, отбывавших наказание в местах лишения свободы НКВД – МВД СССР в послевоенные годы. Анализ случаев неповиновения заключенных помогает понять границы полномочий администрации и специфику режима. Этот исторический опыт важен для оценки эволюции уголовно-исполнительного права и формирования современных подходов к порядку в исправительно-трудовых учреждениях. В связи с этим цель исследования заключается в том, чтобы на основе анализа случаев неповиновения заключенных определить границы полномочий администрации и выявить специфику лагерного режима. Помимо этого рассматриваются нормативные, ведомственные и организационно-управленческие механизмы поддержания режима в исправительно-трудовых лагерях, колониях и тюрьмах. Особое внимание уделяется соотношению уголовно-правовых, исправительно-трудовых, дисциплинарных и оперативно-режимных средств предупреждения индивидуального и коллективного неповиновения заключенных. Исследование фокусируется на историко-правовых последствиях трансформации НКВД в МВД СССР, специфике структуры послевоенного лагерного контингента, а также на институтах надзора, оперативной профилактики, принудительного труда и прокурорского контроля. На основе архивных материалов доказано, что пресечение лагерного саботажа выступало не локальным дисциплинарным вопросом, а ключевым вектором государственной политики по удержанию контроля над местами заключения. Резюмируется дуалистический характер советского нормативного регулирования. Обеспечивая высокую организационную стабильность пенитенциарной системы, данные механизмы одновременно опирались на широкое ведомственное усмотрение, что размывало рамки правовой определенности для самого спецконтингента.

Ключевые слова: послевоенный период, НКВД-МВД СССР, спецконтингент, пенитенциарная система, предупреждение коллективного неповиновения, режим содержания осужденных, оперативно-профилактическая деятельность, правовая определенность

Для цитирования: Перлик М.И. Правовые основы организации деятельности правоохранительных органов по предотвращению неповиновения лиц, отбывавших наказание в местах лишения свободы НКВД-МВД СССР в послевоенные годы // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 5. С. 63 – 70. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-63-70

Поступила в редакцию: 26 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 24 августа 2025 г.; Принята к публикации: 14 октября 2026 г.

Legal foundations of law enforcement activities to prevent insubordination among individuals released from NKVD-MVD USSR penal institutions in the post-war period

¹ Perlik M.I.,

¹ Krasnodar University of the Russian Interior Ministry

Abstract: the article examines the legal basis of the organization of law enforcement agencies' activities to prevent disobedience of persons serving sentences in NKVD detention facilities of the USSR Ministry of Internal Affairs in the post-war years. The analysis of prisoner insubordination helps to understand the limits of the administration's authority and the specifics of the regime. This historical experience is important for assessing the evolution of penal enforcement law and shaping modern approaches to order in correctional institutions. In this regard, the aim of the study is to determine the limits of the administration's powers and identify the specificities of the camp regime based on the analysis of cases of insubordination of prisoners. In addition, the normative, departmental and organizational-management mechanisms for maintaining the regime in labour camps, colonies and prisons are considered. Special attention is paid to the balance of criminal law, corrective labour, disciplinary and operational-regime means for preventing individual and collective disobedience of prisoners. The study focuses on the historical and legal consequences of the transformation of the NKVD into the Ministry of Internal Affairs of the USSR, the specific structure of the post-war camp contingent, as well as on institutions of supervision, operational prevention, forced labor and prosecutorial control. Based on archival materials, it is proven that the suppression of camp sabotage was not a local disciplinary issue, but a key vector of state policy to maintain control over places of detention. The dualistic nature of Soviet regulatory regulation is summarized. While ensuring the high organizational stability of the penitentiary system, these mechanisms simultaneously relied on broad departmental discretion, which eroded the legal certainty framework for the special contingent itself.

Keywords: post-war period, NKVD-MUP of the USSR, special contingent, penitentiary system, prevention of collective disobedience, regime of detention of convicts, operative and preventive activity, legal certainty

For citation: Perlik M.I. Legal foundations of law enforcement activities to prevent insubordination among individuals released from NKVD-MVD USSR penal institutions in the post-war period. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (5). P. 63 – 70. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-63-70

The article was submitted: July 26, 2026; Approved after reviewing: August 24, 2025; Accepted for publication: October 14, 2026.

Введение

Послевоенный период стал одним из наиболее критических этапов в эволюции советской пенитенциарной системы. Окончание Великой Отечественной войны не привело к автоматическому свертыванию прежней пенитенциарной политики государства. Скорее напротив, рубеж 1940-х – 1950-х гг. отмечился консервацией масштабной лагерной сети. В эти годы некоторые из структур ужесточили надзор за социально опасными категориями граждан, мобилизовали ресурсы спецконтингента для восстановления разрушенного хозяйства, существенно расширили рамки ведомственной регламентации лагерного режима. Такой вектор развития перевел акцент противодействия лагерному неповиновению из исключительно исполнительной плоскости в область фундаментальных интересов государственного управления. Любые акты дезорганизации порядка в тюрьмах, колониях советский аппарат расценивал как непосредственную угрозу плановому производству, а также подрыв трудовой дисциплины и деструктивное посягательство на основы изоляции. Немалую опасность для органов правопорядка представлял политический контекст подобных проявлений, способных быстро трансформироваться в открытое коллективное сопротивление власти. Поэтому деятельность органов НКВД-МВД СССР по предупреждению таких инцидентов строилась на сочетании правовых норм, ведомственных инструкций, оперативного наблюдения, дисциплинарной практики, трудовой организации и политико-воспитательного воздействия.

Под органами правопорядка, правоохранительными органами применительно к рассматриваемому периоду следует понимать прежде всего органы внутренних дел, в ведении которых находились исправительно-трудовые лагеря, колонии и тюрьмы, а также связанные с ними структуры охраны, надзора, оперативно-го обслуживания и следствия. Наряду с ними значение имели органы прокуратуры, осуществлявшие надзор за законностью, и судебные органы, применявшие уголовно-правовые меры к лицам, чьи действия выходи-

ли за пределы дисциплинарного проступка. Обращение к данной проблематике обусловлено комплексом теоретических и практических факторов. Прежде всего, исследование послевоенной пенитенциарной системы открывает возможность реконструировать реальные механизмы действия советского права непосредственно внутри закрытых режимных учреждений. Наряду с этим, сквозь призму открытого или скрытого неповиновения заключенных отчетливо прослеживаются фактические пределы административного усмотрения органов правопорядка, а также специфика реализации юридической ответственности в изоляции от общества. В конечном итоге, подобный историко-правовой анализ необходим для объективного понимания общей эволюции отечественного уголовно-исполнительного права, что позволяет глубже оценить и современные подходы к обеспечению режима в местах лишения свободы.

Материалы и методы исследований

В процессе настоящего исследования применялись методы научного познания, в том числе поиск, историко-правовой и логический анализ, системный подход. Сочетание системного анализа с формально-юридическим и сравнительным методами позволило комплексно оценить советские правовые механизмы профилактики и оперативного реагирования на неповиновение заключенных в контексте послевоенной эпохи. С целью исследования проблемных вопросов проанализирован ряд законодательных и подзаконных нормативных правовых актов в области регулирования режима содержания спецконтингента и основы, регламентирующие организацию деятельности правоохранительных органов по охране и изоляции осужденных. Значительная часть этих сведений была получена и взята из научных публикаций. Были изучены работы отечественных ученых по разбираемым вопросам, которые выступили теоретической основой данного исследования. Отдельные аспекты нормативно-правового регулирования режима содержания и пресечения лагерного саботажа рассматривались в трудах Деткова М.Г. [1], Портного А.Б. [2], Кузьмина С.И. [3] и Чекулаева С.Ю. [4]. Были активно использованы нормативно-правовые и архивные материалы второй половины 1940-х – начала 1950-х гг., характеризующие и отражающие процессы, методы и практические результаты предотвращения групповых эксцессов, лагерного саботажа и актов коллективного неповиновения лиц, отбывавших наказание в местах лишения свободы НКВД-МВД СССР.

Результаты и обсуждения

К окончанию Великой Отечественной войны советская система мест лишения свободы представляла собой сложный административно-правовой комплекс, включавший исправительно-трудовые лагеря, исправительно-трудовые колонии, тюрьмы, пересыльные пункты, специальные лагеря и иные режимные учреждения. Главным регулирующим звеном этой системы стали органы внутренних дел, в первую очередь, Главное управление лагерей, сокращенно ГУЛАГ. В 1946 г. в марте месяце в стране была проведена масштабная реорганизация: бывшие народные комиссариаты были сформированы как министерства. В результате НКВД СССР стал Министерством внутренних дел СССР. Структурная перестройка ведомства определила новые институциональные рамки пенитенциарной системы, но не повлекла мгновенной трансформации самой природы исполнения уголовных наказаний. Государственный аппарат сохранил жесткую вертикаль централизации, лагерную модель экономики, масштабную эксплуатацию спецконтингента на производстве и изолированный статус мест заключения как закрытых зон.

Повышенная угроза групповых инцидентов в этот период определялась предельной концентрацией и глубокой социальной полярностью лагерного населения. Внутри одной системы одновременно находились осужденные по политическим статьям, вчерашние фронтовики и представители профессионального криминалитета. Ограниченное бытовое снабжение, изнурительное производство и жесткие изоляционные требования лишь усугубляли внутреннее противостояние. В подобной обстановке лагерный уклад мог нарушить любой локальный конфликт, невыход на рабочие объекты или попытка противостоять криминальному насилию. В условиях колоссальных задач по восстановлению разрушенной инфраструктуры страны мобилизационный потенциал пенитенциарной системы выступал важнейшим ресурсом государственного значения. Небольшие нарушения трудовой дисциплины и дезорганизация производственного процесса в исправительно-трудовых учреждениях рассматривались руководством ведомства сквозь призму обеспечения национальной безопасности. Можно сказать, что характерный для рубежа 1940-х и 1950-х годов повышенный контроль государства над общественными институтами усилил внутреннее напряжение в системе. После 1953 года это привело к известным выступлениям спецконтингента в Норильске, Воркуте и Кенгире.

В целом же, профилактика неповиновений являлась для НКВД-МВД СССР одной из центральных задач управления местами лишения свободы. Она предполагала не только наказание за уже допущенные правонарушения, но и создание такой системы режима, надзора, информации, дисциплины и труда, которая ми-

нимизировала бы возможность открытого сопротивления. Разветвленную структуру имели правовые основы деятельности органов НКВД-МВД СССР по предотвращению неповиновения заключённых. В этом проявлялась специфика советской правовой системы, в которой общие законодательные положения дополнялись многочисленными ведомственными актами, непосредственно определявшими практику исполнения наказаний.

Верхний уровень составляли акты общегосударственного значения: Конституция СССР, уголовное законодательство союзных республик, уголовно-процессуальные нормы, постановления высших органов государственной власти и управления. Несмотря на то что, Конституция СССР 1936 г. провозглашала основные права и обязанности граждан, положение лиц, отбывавших наказание, определялось прежде всего специальным уголовным и исправительно-трудовым регулированием. Уголовное законодательство имело значение в тех случаях, когда неповиновение заключённого приобретало признаки преступления. В послевоенный период ключевую нормативную основу для поддержания дисциплины в местах заключения по-прежнему составлял Уголовный кодекс РСФСР 1926 года одновременно с уголовным законодательством остальных союзных республик. Данные правовые акты прочно закрепляли институты ответственности за посягательства на порядок управления, бандитизм, побег, хулиганство, а также за любые насильственные действия или угрозы в адрес представителей органов власти. При этом уголовно-правовая доктрина того времени не выделяла «неповиновение» в качестве обособленного изолированного состава преступления. Квалификация подобных проявлений определялась конкретной оперативной обстановкой: то есть учитывался масштаб инцидента (индивидуальный, групповой), факты физического сопротивления, сопряженность с саботажем процесса производства, подстрекательством других осужденных, побегом.

Вместе с тем, уровень нормативного регулирования обеспечивало исправительно-трудовое законодательство, центральное место в нем занимал Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 года. Формируя общую легитимную рамку пенитенциарной политики, данный кодекс называл лишение свободы комплексным процессом, который соединяет изоляцию с трудовым воздействием и строгим внутренним распорядком.

В период масштабного послевоенного строительства закреплённый в законе принцип исправления через труд получил первостепенное государственное значение. И здесь задачи экономического возрождения страны напрямую связывались с обеспечением бесперебойного функционирования лагерных производств. А поэтому любые нарушения трудовой дисциплины, факты невыхода на объекты ведомство справедливо определяло как угрозу стабильности исправительно-трудовых учреждений. Администрация этих учреждений решала задачу слияния правовых, хозяйственных и воспитательных функций. А режим содержания выступал главным инструментом государственной воли, гарантировал надежную изоляцию, оперативный надзор, высокую производительность и профилактику любых правонарушений.

В связи с этим важное значение составляли ведомственные акты органов правопорядка: приказы, инструкции, положения, правила внутреннего распорядка, циркуляры, наставления по охране и надзору, указания по оперативной работе. Они определяли повседневный порядок жизни заключённых, действия сотрудников. Ведомственные акты среди прочего регулировали: порядок подъёма, построения, передвижения и возвращения заключённых; организацию вывода на работу; учёт заключённых; размещение по баракам, отрядам и зонам; порядок применения дисциплинарных взысканий; правила усиленного надзора; действия администрации при отказе от работы; проведение обысков и проверок; порядок реагирования на групповые выступления; взаимодействие лагерной администрации, охраны, оперативных подразделений и прокуратуры. С момента окончания войны еще продолжала действовать Временная инструкция о режиме содержания заключённых в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР от 2 августа 1939 года [5, с. 456-473] и Инструкция о режиме содержания и охране заключённых в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР в военное время, в соответствии с которой оперативно-служебные наряды охраны наделялись, в ряде случаев, правом применять оружие без предупреждения (при побеге и преследовании заключённых, при нападении на администрацию и конвой) [6, с. 152]. Затем вступила в силу Инструкция по режиму содержания заключённых в ИТЛ и ИТК от 27 марта 1947 г. В ней в отличие от предшествовавшей Инструкции 1939 года указывается задача «перевоспитания заключённых на основе общественно-полезного труда», эта мысль подчеркивается несколько раз, в том числе в разделе о культурно-воспитательной работе с заключёнными: «одной из задач культурно-воспитательной работы с заключёнными является перевоспитание заключённых на основе высокопроизводительного труда» [7, с. 226]. Воспитательные формы воздействия включали в себя лекции, стенгазеты, политинформации, культурно-массовые мероприятия, производственные собрания, индивидуальные беседы и т.д. В числе приоритетных задач стояли формирование дисципли-

нированного отношения к труду, признания авторитета администрации, отказа от криминальных традиций и политически нежелательных настроений.

Если касаться ведомственного регулирования, то здесь оно имело двойственную природу. Взять с одной стороны, позволяло оперативно управлять огромной системой мест лишения свободы и учитывать особенности конкретных учреждений. А с другой стороны, расширяло административное усмотрение. Случалось что заключённый сталкивался не столько с абстрактной нормой закона, сколько с распоряжением начальника лагеря, инструкцией, локальным порядком, устной командой представителя надзора. Так, предупреждение неповиновения фактически зависело от того, как именно администрация толковала режимные требования.

Существенной частью правового фундамента исправительно-трудовой системы являлись институты прокурорского надзора и судебного реагирования. Органы Прокуратуры СССР проверяли соблюдение порядка исполнения наказаний, пресекали должностные злоупотребления и координировали следственные органы. Судебный механизм включался при перерастании актов неповиновения в общественно опасные деяния (это могли быть побеги, нападения на охрану, организация массовых беспорядков или саботаж производства). Так реализовывался превентивный потенциал права через неотвратимость уголовной ответственности.

Центральным государственным инструментом предупреждения групповых правонарушений в системе НКВД-МВД СССР становился режим содержания, который материализовывал государственную волю через изоляцию, охрану, дисциплинарное воздействие и строгий хронологический учет.

Можно сказать, что профилактическая ценность режима опиралась на две составляющих. Первой выступало пространственное разграничение. Она же территориальная сегрегация (жилые и производственные зоны, сектора, штрафные изоляторы) которая исключала неконтролируемые контакты, минимизировала риски побегов и координации внезапных выступлений. Второй являлся непреклонный временной контроль. Жестко фиксированный распорядок дня обеспечивал постоянную организацию поведения осужденных, блокировал процессы криминальной самоорганизации в самих местах заключения.

Кроме того, большое значение непосредственно в деятельности пенитенциарных учреждений имела информационная функция. Непрерывный учет лиц, осужденных к лишению свободы, постоянные проверки численности, наблюдение и оперативные донесения сотрудников надзора позволяли администрации на ранних этапах находить потенциальных правонарушителей. Довольно качественная эффективная профилактика инцидентов, в том числе групповых, напрямую зависела от полноты сведений о тех связях и настроениях которые преобладали в лагерной среде. Механизм неразрывно сочетался с трудовой организацией. Вывод осужденных на производственные объекты, выполнение плановых заданий становились основной частью повседневного распорядка.

Вместе с тем режим нес дисциплинарно-правовую нагрузку. Формировался превентивный эффект через четкое осознание осужденными неотвратимости наказания за нарушение порядка. Такие институты дисциплинарного воздействия как перевод в штрафные помещения, установление усиленного надзора или инициирование уголовного преследования, ограничение свиданий, посылки служили правовым барьером против дезорганизации уклада. Результативность данных мер опиралась на принципы законности, соразмерности и строгого соблюдения ведомственных регламентов со стороны администрации, поскольку любые отступления от нормативных требований снижали управляемость мест заключения и подрывали основы дисциплины.

В то же время действовали поощрения за добросовестный труд и соблюдение режима – свидания, посылки, улучшенные условия, ходатайства о досрочном освобождении. В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР № 1065-376сс от 13 марта 1950 г. «О повышении производительности труда и более рациональном использовании труда заключенных исправительно-трудовых лагерей и колоний Министерства внутренних дел СССР» [8, с. 304-306] для повышения производительности и трудовой активности лиц, осужденных к лишению свободы, внедрялась оплата труда (кроме особых лагерей) по тарифным ставкам (в том числе сдельно-прогрессивная и премиальная), оплата простоев, дополнительные стимулы в виде улучшенных коммунально-бытовых условий и организации торговых сетей, сетей общественного питания. То есть государство пыталось снизить саботаж не только карательными мерами, но и через систему стимулов. Это показывает двойственность подхода: одновременно строгие запреты и здесь же попытка создать материальный интерес к труду.

Стоит добавить и то, что режим обеспечивал «разделение контингента». Администрация стремилась учитывать категории заключённых, характер совершённого преступления, срок наказания, склонность к побегу, поведение, трудовую дисциплину, политическую характеристику, принадлежность к криминаль-

ным группам. Разделение заключённых использовалось как способ предотвращения группового неповиновения и снижения влияния активных нарушителей.

Кроме того, согласно приказу МВД, МГБ и Генерального Прокурора СССР № 00279/00108/72сс от 16 марта 1948 года «Об организации особых лагерей и тюрем МВД для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении последних по отбытии наказания в ссылку на поселение под надзор органов МГБ» [9, л. 2-5] для отбора заключённых, подлежащих переводу образовывались комиссии, выносившие заключение по переводу в особые лагеря или тюрьмы, также об оставлении по месту прежнего содержания из-за тяжёлой болезни или окончанием срока наказания в 1948 году и об оставлении части из них в общих исправительно-трудовых лагерях и тюрьмах, как не подпадающих под действие приказа. Как видим, нормативные акты задавали общие правила и категории, а оперативный контроль обеспечивал их адресное применение к конкретным заключённым. Спустя несколько лет была выпущена Временная инструкция о режиме содержания заключённых в особых лагерях МВД СССР от 1 января 1949 года. Согласно документу устанавливался запрет на перемещения между бараками в свободное от работы время, ограничение права на переписку, оборудовались штрафные бараки с общими камерами и карцер с одиночными для особо злостных нарушителей режима. По режимным требованиям осуждённых запрещалось использовать в качестве телефонистов, делопроизводителей, надзирателей и т.д. [10, с. 121-122].

Режим содержания в послевоенной системе НКВД – МВД СССР сочетал в себе строгую законодательную форму с гибким оперативным регулированием. Законодательные рамки дополнялись массивом ведомственных нормативных актов, что обуславливало специфику профилактики лагерных инцидентов: ключевой акцент смещался со статического судебного контроля в плоскость непрерывного административно-режимного управления.

Центральная роль в пресечении деструктивных проявлений принадлежала руководству исправительно-трудовых учреждений. Начальник лагеря, колонии или тюрьмы нес персональную ответственность за поддержание правопорядка, выполнение производственных планов, состояние военизированной охраны и дисциплину спецконтингента. Среди обязанностей руководителя – координация деятельности подразделений надзора, оперативного состава, воспитательных и производственно-технических структур. А это принятие основных превентивных решений: изолирование дезорганизаторов уклада, перевод осуждённых между секторами, инициирование усиления конвойной службы, установление усиленного надзора, санкционирование режимных проверок. Подразделения охраны и надзора в рамках своей деятельности гарантировали непосредственное выполнение режимных требований, пресекали попытки побегов, контролировали внутренние перемещения и обеспечивали безопасность на рабочих объектах.

Роль охраны с профилактической стороны состояла не только в применении силы, но также и в постоянном видимом присутствии власти. Посты, караулы, многочисленные проверки, конвой, установка запретных зон и сигнализаций создавали условия, при которых открытое неповиновение было бы рискованным для заключённого.

Особое значение имела оперативная работа. Её задачей было выявление настроений заключённых, контроль связей, предупреждение побегов, раскрытие подготовки групповых выступлений, наблюдение за криминальными лидерами, политически активными заключёнными, лицами, склонными к насилию или саботажу. Оперативная профилактика была направлена на то, чтобы обнаружить неповиновение до его открытого проявления. Угрозу видели в агитации, согласованном невыполнении норм, формировании групп, отказе от еды и изготовлении оружия. В условиях закрытой лагерной среды оперативная информация имела для администрации важнейшее значение. Она позволяла заранее изолировать предполагаемых организаторов, изменить состав бригад, усилить охрану, провести обыски, пресечь распространение запрещённых предметов или документов.

Реализация указанных превентивных мер требовала четкого разграничения полномочий между заинтересованными силовыми ведомствами. Издание Приказа МГБ СССР № 00784 от 18 сентября 1952 г. [11, с. 677] нормативно закрепило переход функций следствия и негласного надзора в особые лагерях от МВД к органам госбезопасности. Этот шаг завершил реструктуризацию системы предупреждения массовых беспорядков среди осуждённых. Деятельность обособленных лагерных отделов МГБ концентрировалась на пресечении протестной активности на ранних этапах. В дальнейшем реализация таких задач обеспечивалась за счет расширения внутрикамерной агентурной сети, контроля коммуникаций и превентивной изоляции лидеров уголовно-политической среды с целью недопущения дестабилизации лагерного сектора.

Участвовали в профилактике неповиновения и производственные руководители, поскольку труд был центральным элементом исправительно-трудовой системы. Невыполнение норм, отказ выйти на работу, порча инструментов, конфликт в бригаде или демонстративный саботаж могли быть первыми признаками

нарушения режима и производственная администрация передавала сведения о таких фактах режимным и оперативным подразделениям. Если неповиновение приобретало признаки преступления, подключались следственные и судебные органы. Их деятельность имела не только карательный, но и превентивный характер: привлечение организаторов сопротивления к уголовной ответственности должно было предупредить повторение подобных действий.

Для администраций исправительно-трудовых учреждений наиболее опасной формой нарушения режима являлось групповое неповиновение – оно подрывало контроль над учреждением. В послевоенные годы риск коллективных выступлений возрастал из-за большой численности заключённых, тяжёлых условий, межгрупповых конфликтов и ожиданий перемен. Проявлениями группового неповиновения служили коллективные отказы от работы, голодовки, захват помещений, нападения на администрацию, попытки массового побега и т.д. В документах их обозначали терминами вроде «волынка», «беспорядки», «массовое неповиновение». И в этих случаях меры профилактики включали в себя несколько направлений: выявление организаторов через оперативные сведения и анализ настроений, разобщение потенциальных участников (переводы, изоляция активистов), усиление режима (дополнительные посты, обыски, контроль предметов), разъяснительные действия (беседы, собрания, обещания проверки жалоб) и уголовное преследование инициаторов после подавления выступления.

Выводы

Нормативно-правовые основания для мер по пресечению деструктивных проявлений в исправительно-трудовых учреждениях сочетали в себе общегосударственные законодательные нормы и разветвленную систему ведомственных предписаний. Секретные инструкции, приказы и циркуляры конкретизировали порядок реализации режима, формируя практический инструментарий для руководства мест заключения. Эта модель позволяла обеспечить организацию деятельности целостной системы лагерного правопорядка. Так, режимные регламенты четко очерчивали границы дозволенного, дисциплинарные институты предоставляли гарантии своевременного реагирования на различные происшествия, оперативный аппарат позволял обеспечить упреждающее выявление и нейтрализацию скрытых угроз. В свою очередь уголовно-правовые санкции становились высшей мерой защиты для ликвидации открытого группового сопротивления.

Если говорить об особенностях правоприменительной деятельности, то здесь необходимо безусловно отметить то, что она диктовалась государственными приоритетами послевоенного времени, в числе которых – мобилизация трудовых ресурсов, организованных для осуществления важнейших народно-хозяйственных проектов. В таких условиях административный аппарат оценивал различные случаи, распределял меры воздействия, директивные предписания, которые необходимо было применить на основе оперативных данных. Подобные действия позволяли заблаговременно ликвидировать латентные угрозы и сохранять управляемость пенитенциарной системы. В свою очередь институты прокурорского надзора действовали как неотъемлемый элемент контроля за законностью, адаптируя свои механизмы к специфике закрытых объектов и стратегическим оборонно-экономическим задачам ведомства.

В конечном итоге вся правовая конструкция противодействия неповиновению содержала в себе нормативную основу с возможностью оперативного и гибкого реагирования. Её главная цель состояла в сохранении порядка и предотвращении деструктивных явлений в местах заключения. Особенность этой правовой модели была обусловлена спецификой исторического периода и масштабностью задач, которые стояли перед государством в послевоенное время.

Список источников

1. Детков М.Г. Научное и организационно-правовое обеспечение исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в Российском государстве: исторический аспект и современность (К 200-летию МВД России): монография / Министерство внутренних дел Российской Федерации, Всероссийский научно-исследовательский институт. Москва: ВНИИ МВД России, 1998. 294 с.
2. Портной Н.Б. Труд заключенных в исправительно-трудовых лагерях СССР: организация и правовое регулирование: 1929-1956 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 174 с.
3. Кузьмин С.И. Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917-1953 гг.): монография / Академия МВД СССР. Москва: Тип. Академии МВД СССР, 1991. 130 с.
4. Чекулаев С.Ю. Режим содержания заключенных в ИТЛ и ИТК: организационные и правовые основы: 1929-1956 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2010. 177 с.
5. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960 / под ред. А.Н. Яковлева ; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. Москва: МФД, 2002. 888 с.

6. Гребенщикова И.В. Правовое регулирование обеспечения охраны заключенных в пенитенциарных учреждениях НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 2. С. 150 – 155.

7. Упоров И.В. ГУЛАГ в послевоенное время: особенности функционирования и причины массовых неповиновений заключенных // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. Т. 15. № 2 (119). С. 225 – 232.

8. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: сб. документов: в 7 т. / отв. ред. В.А. Козлов. Т. 3: Карательная система: структура и кадры. Москва: РОССПЭН, 2004. 434 с.

9. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 318. Л. 2–5.

10. Упоров И.В. Инструкция 1951 г. о содержании заключенных в особых лагерях МВД СССР: политико-правовая характеристика // Символ науки. 2017. № 04-3. С. 120 – 124.

11. Лубянка. Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917-1991: сб. документов / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. Москва: МФД, 2003. 768 с.

References

1. Detkov M.G. Scientific and organizational-legal support for the execution of criminal penalties in the form of imprisonment in the Russian state: historical aspect and modernity (On the 200th anniversary of the Ministry of Internal Affairs of Russia): monograph. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, All-Russian Research Institute. Moscow: VNII MVD of Russia, 1998. 294 p.

2. Portnoy N.B. Labor of prisoners in corrective labor camps of the USSR: organization and legal regulation: 1929-1956: diss. ... Cand. of Law. Vladimir, 2008. 174 p.

3. Kuzmin S.I. Correctional labor institutions in the USSR (1917-1953): monograph. Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Moscow: Type. Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1991. 130 p.

4. Chekulaev S.Yu. The regime of detention of prisoners in corrective labor camps and correctional labor colonies: organizational and legal foundations: 1929-1956: Cand. Sci. (Law) diss. Vladimir, 2010. 177 p.

5. GULAG: Main Administration of the Camps. 1918-1960. edited by A.N. Yakovlev; compiled by A.I. Kokurin, N.V. Petrov. Moscow: MFD, 2002. 888 p.

6. Grebenshchikova I.V. Legal regulation of the protection of prisoners in penitentiary institutions of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War (1941-1945). Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2. P. 150 – 155.

7. Uporov I.V. The Gulag in the Post-War Period: Features of Functioning and Causes of Mass Disobedience of Prisoners. Issues of National and Federal Relations. 2025. Vol. 15. No. 2 (119). P. 225 – 232.

8. History of Stalin's Gulag. Late 1920s – First Half of the 1950s: Collection of Documents: in 7 volumes. Ed. V.A. Kozlov. Vol. 3: The Punitive System: Structure and Personnel. Moscow: ROSSPEN, 2004. 434 p.

9. State Archives of the Russian Federation (GA RF). F. R-9401. Op. 12. D. 318. L. 2–5. 10. Uporov I.V. Instruction of 1951 on the maintenance of prisoners in special camps of the USSR Ministry of Internal Affairs: political and legal characteristics. Symbol of Science. 2017. No. 04-3. P. 120 – 124.

11. Lubyanka. Bodies of the Cheka–OGPU–NKVD–NKGB–MGB–MVD–KGB. 1917-1991: collection of documents. compiled by A.I. Kokurin, N.V. Petrov. Moscow: MFD, 2003. 768 p.

Информация об авторе

Перлик М.И., Краснодарский университет МВД России, maxkrd2021@mail.ru

© Перлик М.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 347.6

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-71-79

Правовые акты, регулирующие вопросы финансовой грамотности населения России: анализ и правоприменение

¹ Елисова А.С., ¹ Фофанова А.Ю.,

¹ Мурманский арктический университет

Аннотация: актуальность исследования обусловлена повышенной заинтересованностью государства в вопросах формирования и поддержания устойчивой социально-экономической структуры страны, в частности обеспечения необходимых для этого методов и инструментов. Цель исследования – проанализировать особенности основных правовых актов в сфере финансовой грамотности в порядке их принятия. Проведенный анализ законодательной базы России, активно развивающейся с 2006 года по настоящее время, сравнение с зарубежным опытом позволили выделить положительные направления развития в рассматриваемой сфере и наиболее эффективные методы осуществления государственной политики по повышению уровня финансовой грамотности населения.

Ключевые слова: финансовая грамотность, актуальность, законодательство, развитие, приоритеты, государственная политика, образование, программы, финансовый рынок, эффективность

Для цитирования: Елисова А.С., Фофанова А.Ю. Правовые акты, регулирующие вопросы финансовой грамотности населения России: анализ и правоприменение // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 5. С. 71 – 79. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-71-79

Поступила в редакцию: 30 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 28 августа 2026 г.; Принята к публикации: 14 октября 2026 г.

Legal acts that regulate financial literacy issues in Russia: analysis and law enforcement

¹ Elisova A.S., ¹ Fofanova A.Yu.,

¹ Murmansk Arctic University

Abstract: the relevance of the study is due to the state's increased interest in the formation of a sustainable socio-economic structure of the country, particularly in ensuring the necessary methods and tools for such formation. The purpose of the study is to analyze the features of the main legal acts in the field of financial literacy in the order of their adoption. The analysis of Russia's legislative framework, which has been actively developing since 2006, and its comparison with foreign experience have allowed us to identify positive trends in the field and the most effective methods for implementing government policies to improve financial literacy among the population.

Keywords: financial literacy, relevance, legislation, development, priorities, public policy, education, programs, financial market, efficiency

For citation: Elisova A.S., Fofanova A.Yu. Legal acts that regulate financial literacy issues in Russia: analysis and law enforcement. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (5). P. 71 – 79. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-71-79

The article was submitted: July 30, 2026; Approved after reviewing: August 28, 2025; Accepted for publication: October 14, 2026.

Введение

Согласно позиции, изложенной В.Е. Демкиной, Е.А. Климашиным, А.М. Соловьевым А.М. [11], переход России на новый путь экономического развития связан с преобразованиями государства в последнее десятилетие XX в. Он стал для населения страны основанием для переосмысления своего социального поведения. При этом последствия социально-экономического переустройства носили двойственный характер, имели как положительные, так и отрицательные результаты [16].

Новое время способствовало формированию личности, в арсенале которой появились такие понятия как «финансовая грамотность» и «финансовая ответственность». Особенностью такого типа личности, по нашему мнению, является мотивированное временем и развитием финансового законодательства желание овладеть финансово-правовыми и экономическими знаниями [13].

Считаем это желание закономерным этапом развития гражданина, так как в реалиях современного мира остро встает вопрос не только о закрытии основных потребностей, но и об обеспечении себя всеми возможными благами.

Либеральные реформы 1992 г. явились базой свободного развития финансовых инструментов для организаций разных форм собственности – негосударственных и коммерческих, использовавших, порой, в своих интересах низкий уровень финансовых знаний общества и отдельных граждан. Подобная ситуация тормозила развитие общества и требовала принятия неотложных решений со стороны государства.

Так, приоритетными государственными задачами в сфере повышения финансовой грамотности населения стали: внедрение основ финансовой грамотности; создание правовой базы, способствующей повышению уровня финансовой грамотности граждан; изменение системы образования; создание образовательных ресурсов.

Важность повышения уровня финансовой грамотности, подчеркивалась Президентом России В.В. Путиным при выступлении на заседании Госсовета РФ в 2006 г, где он указывал, что «...фактором формирования более современного и жизнеспособного общества является развитие финансового просвещения населения».

Тогда же, 21 июля 2006 г., Президент РФ на заседании Госсовета России поручил разработать Концепцию долгосрочного социально-экономического развития страны до 2020 г., которая была утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. Ее целью стало закрепление путей и способов, обеспечивающих в продолжительном периоде (2008-2020 гг.) устойчивый рост благосостояния граждан страны, ее нацбезопасности и развития экономики, усиление положения России в мире.

Распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2008 г. № 2043-р была утверждена Стратегия развития финансового рынка РФ на период до 2020 г. (далее – Стратегия 2008 г.) Она закрепляла приоритетные направления работы государственных органов по управлению финансовым рынком.

Достижение ускоренного экономического развития страны – цель Стратегии 2008 г., которая основывалась на подъеме конкурентоспособности финансового рынка и создании самостоятельного финансового центра. Таким образом, до 2020 г. необходимо было решить ряд задач, а именно: рост емкости и прозрачности финансового рынка; формирование эффективности рыночной инфраструктуры; создание и поддержание благоприятного налогового климата; развитие правового регулирования на финансовом рынке.

Поставленные Стратегией 2008 года задачи явились правовой и организационной базой для создания и последующего успешного функционирования финансового рынка России, способного положительно влиять на рост уровня финансовой грамотности населения.

Позднее, приказом Федеральной службы по финансовым рынкам России от 24 сентября 2009 г. № 09-237/пз «Об основных направлениях деятельности, направленной на повышение уровня финансовой грамотности населения» (далее – Приказ № 09-237/пз), было закреплено, что финансовая грамотность населения – это умение населения: эффективно управлять своими финансами; вести расходы и доходы домохозяйства, проводить финансовое планирование на разные сроки; учитывать соотношение сбережений и потребления; выбирать наиболее удачные финансовые продукты и услуги, обоснованно принимать решения по финансовым продуктам и отвечать за них; осуществлять личные накопления к пенсии.

Более того, в Приказе № 09-237/пз среди основных задач, требующих разрешения, были определены, в т.ч.: необходимость обращения внимания граждан страны на проблемы финансовой грамотности; способствование росту экономической безопасности домохозяйств и культуры принятия ими ответственных эко-

номических и финансовых решений, поддержка всеобщего роста экономической активности граждан, предпринимательства.

Для эффективной реализации мер избранной государственной политики предлагалось применение следующих принципов и подходов:

- комплексность финансового просвещения;
- не оставление без внимания реальных проблем домохозяйств при реализации образовательных мероприятий;
- четкий адресный характер реализуемых программ в зависимости от целевой аудитории населения;
- формирование личного осознания гражданами значимости, необходимости, роста своей финансовой грамотности;
- достижение эффективности образовательных программ путем взаимодополняемости экономической и юридической грамотности и пр.

Считаем указанные меры наиболее четко сформулированной позицией государства относительно осуществления госполитики в указанной сфере, и как следствие, на сегодняшний день социально-экономическая политика в сфере финансовой грамотности населения в большинстве своем следует по указанному в Приказе № 09-237/пз вектору.

Приказ № 09-237/пз определил перечень целевой аудитории, где на первое место ставится молодежь – школьники, студенты и др., с чем нельзя не согласиться, ведь именно молодежь в перспективе является основным социально-экономическим потенциалом страны.

Концепция, утвержденная Приказом № 09-237/пз, характеризовалась модульным подходом. Так, при реализации общих принципов и задач формировалась новая система, по мере готовности которой, начали развиваться программы более узкого назначения финансового сегмента. Благодаря такому подходу Нацпрограмма стала гибкой, всеобъемлющей, способной к постоянному совершенствованию.

В Концепции не остался без внимания и положительный опыт таких стран как – США, Великобритания, Австралия, Бразилия, Индия и др. [14]

Правительство РФ своим распоряжением от 12 февраля 2011 г. № 180-р «О подписании Соглашения между РФ и Международным банком реконструкции и развития о займе для финансирования проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в РФ», дало старт новому проекту, направленному на повышение уровня финансовой грамотности населения, в особенности школьников и студентов.

Наряду с этим необходимо было решить ряд задач, в т.ч.: формирование и выполнение среднесрочной национальной Стратегии повышения финансовой грамотности населения – по оценке уровня ее и результативности пилотных программ; развитие устойчивых институциональных механизмов внедрения программ роста финансовой грамотности на уровнях – федеральном и региональном с участием органов исполнительной власти, учебных заведений и пр. организаций; организация кадрового потенциала, выполняющего программы повышения финансовой грамотности.

Осуществлялся Проект совместно Минфином РФ и Мировым банком, а потом его выполнение закрепились «Стратегией повышения финансовой грамотности в РФ на 2017-2023 гг.»

На момент утверждения указанной Стратегии на международной арене уже имелся положительный опыт принятия и реализации таких правовых актов. Так, Нидерланды начали реализовывать первую национальную стратегию по финансовому образованию – «Money Wise Action Plan» в 2008 г. А в Австралии в 2011 г. была принята Нацстратегия по развитию финансового образования и повышению финансовой грамотности [12].

Вопрос роста финансовой грамотности детей и молодежи поднимался в опубликованной в октябре 2015 г. стратегии финансовой грамотности Великобритании. Она объединяла разные проекты стратегий для Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, учитывая их национальные особенности, с расчетом на десятилетний период, с учетом возрастных особенностей разных групп населения [6].

Материалы и методы исследований

Наиболее релевантным для нас считаем опыт Бразилии и Китая. В Бразилии главенствующую роль в формировании политики в сфере финансовой грамотности населения занимает государство. Там же действует Нацстратегия повышения качества финансового образования. При разработке программы были учтены статистические данные, согласно которым около 82% граждан страны не смогли четко указать процентную ставку по своим кредитам, а 87% не имели сбережений или сбережения были недостаточными. Программа включила в себя меры по повышению финансовой грамотности школьников, среди которых:

подготовка учителей на основе материалов и учебных планов, разработанных Центральным банком Бразилии; разработка мультимедийных программ. Отметим, что схожий подход используется правительством России, не только в отношении школьников, но и взрослых.

Так, например, во исполнение программ повышения уровня финансовой грамотности Мурманский арктический университет проводит различные семинары, курсы и лекции для школьников, студентов и взрослых.

В Китае же, как и в Бразилии, признается главенствующая роль государства, однако в отличие от Бразилии отсутствует единая госпрограмма, нацеленная на повышение финансовой грамотности граждан. Однако вместо привычной нам единой системы здесь разработана, например, программа повышения финансовой грамотности среди учащихся, подготовленная Минобразования и Министерством финансов Китая [15].

Возвращаясь к хронологии развития нормативно-правовой базы России, считаем необходимым акцентировать внимание на одном из основных вопросов, касающихся прав граждан в финансовой сфере, а именно, – права потребителя. Так, 16 января 2012 г. в Саранске на заседании Президиума Госсовета РФ под председательством Президента РФ Д.А. Медведева, рассматривался вопрос об усилении госгарантий защиты прав потребителей.

Обсуждение данного вопроса было не случайным, ведь в 2012 году исполнилось 20 лет Закону РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» и 50 лет с момента мирового признания потребительских прав граждан посредством их законодательного закрепления государствами.

Необходимо отметить, что проблема защиты прав потребителя приобрела международное значение, когда Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 09 апреля 1985 г. № 39/248 были приняты «Руководящие принципы для защиты прав потребителей».

Так, решение Президиума Госсовета РФ, от 16 января 2012 г., подчеркивало необходимость принятия допмер с целью защиты прав потребителей финансовых услуг, а также актуальность проведения в последующем мер по повышению финансовой грамотности граждан страны.

В 2013 г. в школах пяти регионов страны (Калининградская, Вологодская области и др.) по инициативе Минфина России в образовательный процесс был внедрен новый блок – «Финансовая грамотность», изучение которого предусматривалось школьниками всех возрастов – с 1-го по 11-й класс [2].

В 1-9-х классах преподавание основ финансовой грамотности стало обязательным с начала 2022/23 учебного года. В начальной школе дети могут получить знания в сфере обращения с деньгами в рамках таких предметов, как математика и окружающий мир. В 5-9 классах – элементы финансовой грамотности включены в обществознание, математику и географию.

На заседании Президиума Госсовета «О развитии системы социальной защиты граждан пожилого возраста» в Воронеже, 05 августа 2014 г., В.В. Путин отметил важность повышения уровня финансовой грамотности, так как «Пенсионеры – активные клиенты кредитных организаций, однако уверенными пользователями различных банковских продуктов их назвать пока нельзя» [7].

На основании изложенного можно сделать вывод, что повышение финансовой грамотности было и будет актуальной политикой государства, требующей постоянного внимания и развития [3].

С 2014 г. постоянно реализуются всероссийские информационно просветительские мероприятия в рамках Проекта Минфина РФ «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования»: «Неделя сбережений для взрослого населения» осенью; «Неделя финансовой грамотности для детей и молодежи» весной.

Такие мероприятия привлекают и повышают интерес населения к вопросам финансовой грамотности. В рамках таких мероприятий реализуются комплексные информационно-просветительские кампании. На октябрь 2019 года в вышеуказанных мероприятиях участвовали свыше 10 млн граждан [1].

В сравнительном исследовании Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) финансовой грамотности 30 стран, инициированном Минфином РФ в рамках Проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в РФ» и опубликованном в 2016 г., средняя оценка финансовой грамотности по всем странам определялась в 13,2 баллов, а максимальная – 21. Среди стран – участниц ОЭСР средний показатель – 13,7 баллов. Так, Россия (оператор в России – Аналитический центр НАФИ) получила 12,2 балла, т.е. 25-е место [17].

Распоряжением Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. № 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в РФ на 2017-2023 гг.» (далее – Стратегия № 2039-р) были определены приоритеты, задачи, цели, способы их эффективного достижения, создания структуры финансового образования и информирования в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг в России на среднесрочный период.

В Стратегии № 2039-р получили развитие вопросы финансового рынка, национальной платежной системы, инновационного, страхового и пенсионного развития России до 2020 г. Более того Стратегия № 2039-р характерна тем, что в ней: были определены понятия: «финансовая грамотность», «финансовое образование», «основы финансово грамотного поведения»; установлены основы становления финансово грамотного поведения населения и др.

Результатом выполнения положений Стратегии № 2039-р стало то, что Россия заняла 9-е место среди стран G20 («большой двадцатки»).

Затем, 31 октября 2019 г. стартовала Всероссийская неделя сбережений, в рамках которой реализовывались мероприятия для взрослой аудитории во всех регионах страны. Осуществлялись мероприятия с участием членов семей, семинары в формате родительских собраний [8].

Представитель Минпросвещения РФ на конференции «Участие регионов в реализации стратегии повышения финансовой грамотности в РФ» 21 ноября 2019 г. внес предложение о введении финансовой грамотности в требования ФГОС всех ступеней школьного образования.

Также было отмечено, что за период осуществления Проекта разработано 50 масштабных образовательных программ по повышению финансовой грамотности; обучено более 50 тысяч специалистов из 55 регионов страны и, до конца 2020 года, было в России запланировано осуществление 14 тысяч образовательно-просветительских мероприятий.

Результаты и обсуждения

На базе методических центров (при филиалах РАНХиГС с февраля 2020 г.) началась реализация программы повышения квалификации по финансовой грамотности педработников дошкольных образовательных организаций.

Доклад о реализации Стратегии повышения финансовой грамотности в РФ на 2017-2023 годы (по итогам 2023 г.) своим содержанием указал на положительную динамику в вопросе повышения уровня финансовой грамотности населения и реализуемых государством мер.

В 2021 году Минфин РФ и Банк России начали работу по формированию «Стратегии развития финансового рынка до 2030 г.», учитывая развитие общества, приоритетом в работе по финансовой грамотности в России становилась цифровизация образовательных продуктов и защита населения от мошеннических схем [5].

Распоряжение Правительства РФ от 24 октября 2023 г. № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 г.» (далее – Стратегия № 2958-р) предусматривает, что: школьники и студенты колледжей всей страны к 2030 г. должны получить базовые знания по финансовой грамотности; главная задача развития государственной политики – от финансовой грамотности, как набора знаний и компетенций населения, к формированию финансовой культуры, объединяющей в себе совокупность ценностей и установок, определяющих финансовое поведение человека [9]; документ не нарушает преемственности развития системы финансового образования и просвещения, обеспечения прав и интересов потребителей финансовых услуг с предыдущей стратегией, реализуемой до 2024 г.; в Стратегии № 2958-р получили усиление вопросы финансовой кибербезопасности, выполнение ее устанавливает 8 основных направлений. Например, информационно-просветительская и образовательная деятельность, взаимосвязь с бизнесом и пр.

План мероприятий («дорожная карта») по реализации Стратегии № 2958-р утвержден Банком России № ПМ-01-59/228, Минфином России 12-12-11/ВН-61421 22.12.2023 г.

В связи с осуществлением Стратегии № 2958-р на уровне местного самоуправления Правительство Мурманской области постановило утвердить приложение к региональной программе «Повышение финансовой грамотности населения и формирование финансовой культуры населения Мурманской области до 2030 г.», действующей с 1 января 2024 г.

Примером реализации федерального и регионального законодательства стало проведение на образовательной платформе «Учи.ру» в апреле 2025 г. 5-й Всероссийской онлайн-олимпиады по финансовой грамотности и предпринимательству для школьников 1-11 классов. Предлагаемые задания отражали интересы молодежи, к примеру, организация вечеринок, противодействие мошенникам, вовлечение в дропперство и др.

Олимпиада привлекла к участию свыше 2,4 млн российских школьников, из них 10 тысяч школьников Мурманской области [4].

Наиболее высокие результаты школьники показали на задании «Праздник с умом», для выполнения которого нужно было составить план мероприятия, учесть в нем все возможные расходы и правильно распределить бюджет. Это удалось сделать 59 % участников олимпиады.

Наиболее сложным оказался блок «Финансовый лабиринт». Участники, в формате игры-платформера, применяли на практике основные финансовые понятия: деньги, экономия, заработок.

Взаимодействуя с Минфином РФ, программы осуществляются ЦБ РФ – путем целенаправленной работы по выработке и реализации образовательных моделей финансового образования, выделением наилучших частных и общественных инициатив. Также Министерством науки и высшего образования РФ, Минпросвещения РФ по Указу Президента России от 11 мая 2024 г. № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти», создаются образовательные программы, учебные пособия, проводятся программы повышения квалификации преподавателей, подготавливаются тьюторы по финансовому образованию с участием Роспотребнадзора.

Считаем, что анализ формирования и развития правовой базы, регулирующей госполитику по повышению финансовой грамотности населения России, и ее правоприменительная практика приводят к ряду выводов, а именно: общественные потребности (в связи с развитием использования населением постоянно растущих финансовых услуг) диктуют необходимость совершенствования законодательной базы на всех уровнях; правовое регулирование обеспечивает государству формирование и применение институциональной базы и методических ресурсов по актуализации и использованию элементов финансовой грамотности населения. В сети Интернет также доступны сайты в поддержку педабработников и иных лиц, разработку и обновление которых ведет Банк РФ. Так, сайты «Вашифинансы», «Финансовая культура» представляют информационные материалы Минфина РФ, а образовательные организации формируют «методические копилки» [10].

Безусловно, реализуемая государством политика по повышению финансовой грамотности разновозрастного населения является актуальной и соответствует интересам всего общества.

Так, среди студентов юридического факультета Мурманского арктического университета было проведено анкетирование (весной 2026 г.) по вопросам реализации госполитики по вопросам повышения уровня финансовой грамотности населения, согласно которому:

1. Актуальность работы государства по финансовой грамотности населения отметили 100% респондентов.

2. Число посещаемых в год мероприятий: наименьшее – 3, наибольшее – 6, что доказывает интерес к получению финансовых знаний.

3. Наиболее полезными для повышения личной финансовой грамотности обучающие признали изучение действующего законодательства и правоприменительной практики, а именно лекции с практическими занятиями – 88,9%, а затем; индивидуальные консультации в финансовых организациях – 88,9%; тренинги – 77,8 %; Интернет – сайт, портал о финансовых услугах – 66,7%; тесты, квесты, буклеты и прочее – 55,6 %.

Необходимо обратить внимание, что студенты понимают значимость информации, полученной от специалистов финансовых организаций.

4. Респондентами дана высокая оценка деятельности государства в сфере повышения финансовой грамотности населения: оценку в 5 баллов выставили – 66,7 %; оценку в 4 балла – 33,3 %; оценку в 3 балла – 0 %.

Так, средний балл составил - 4,7.

5. По мнению 100% респондентов, государство должно продолжать работу по повышению уровня финансовой грамотности населения.

Считаем, что на основании полученных итогов анкетирования можно сделать несколько значимых для исследования выводов:

1. Молодое поколение понимает и осознает значимость знаний и умений в сфере финансовой грамотности.

2. Молодые люди понимают актуальность рассматриваемого вопроса, считает, что вопрос финансовой грамотности населения является насущным и одним из первостепенных для государства.

3. Молодежь видит результат работы, проводимой государством для повышения уровня финансовой грамотности населения.

Выводы

Подводя итог, отметим следующее. Российский индекс финансовой грамотности (РИФГ) в 2024 г. повысился до 55 баллов из 100 возможных, что является наивысшим результатом из ранее достигнутых. При этом доля респондентов с высоким и выше среднего уровнями финансовой грамотности увеличилась с 34% до 43%, число респондентов со средним уровнем снизилось с 32% до 26%, а с уровнем ниже среднего с 34% до 32%.

Так, в ходе проведенного исследования удалось установить следующее:

стратегии России и зарубежных стран объединяет продолжительное комплексное планирование реализации, с четким адресным характером, вниманием к разным группам населения;

правовая база России развивается с учетом выявляемых реальных проблем в финансовых правоотношениях, происходит увеличение финансовых услуг; государство не стоит на месте в данном вопросе, анализирует и внедряет новые механизмы по повышению уровня финансовой грамотности;

интересен зарубежный опыт по реализации специальных программ семинаров и курсов, нацеленных на рост уровня финансовой грамотности военных, учителей и других государственных служащих, которая позволяет приобретать новые знания в области финансов на своем рабочем месте. Считаем, что подобный опыт позволяет охватить значительное число граждан, в том числе и молодежи;

важно, чтобы реально развивалось взаимодействие государственных органов на всех уровнях в сфере реализации финансовой грамотности;

реализация государственной политики по повышению финансовой грамотности населения России была и будет связана с совершенствованием действующего финансового законодательства, как правовой основы.

В заключение отметим, что в реалиях меняющегося практически ежедневно, мира, считаем важным, чтобы граждане умели быстро перестраиваться и учиться мыслить по-новому. В этом их главной опорой, на наш взгляд, становится государство, которое посредством утверждения и реализации государственной политики направляет граждан и указывает верные и наиболее понятные векторы в той или иной сфере.

Список источников

1. VI Всероссийская неделя сбережений стартовала 31 октября 2019 г. Официальный сайт Роспотребнадзора Бурятии. URL: <https://03.rospotrebnadzor.ru/content/374/11455/> (дата обращения: 21.06.2026)

2. Блискавка Е.А., Демидов Д.Н., Зеленцова А.В. Повышение финансовой грамотности населения. Международный опыт и российская практика. Москва: ЦИПСИР, 2012. URL: <https://www.litres.ru/book/anna-zelencova/povyshenie-finansovoy-gramotnosti-naseleniya-mezhdunarodnyy-5020427/chitat-onlayn/> (дата обращения: 18.06.2026)

3. Богомолова О.В., Мамедова Р.И., Скотников А.Э., Часовников С.Н. Финансовая грамотность как фактор повышения благосостояния населения // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1-3. С. 380 – 383. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8516> (дата обращения: 11.06.2026)

4. В олимпиаде по финансовой грамотности и предпринимательству приняли участие 10 тыс. школьников Мурманской области. Официальный сайт Министерства финансов Мурманской области. Пресс-центр. 22.04.2025. URL: <https://minfin.gov-murman.ru/news/545531/> (дата обращения: 07.07.2026)

5. Вендина А.А., Чечулина М.А. Практико-ориентированный подход в обучении решению финансовых задач // European Research. 2016. № 2 (13). С. 88 – 91. Библиотека Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktiko-orientirovannyy-podhod-v-obuchenii-resheniyu-finansovyh-zadach/viewer> (дата обращения: 04.07.2026)

6. Винникова И.С., Кузнецова Е.А., Потапова А.Д. Методы оценки уровня финансовой грамотности в школе // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 49 – 51. Библиотека Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-otsenki-urovnya-finansovoy-gramotnosti-v-shkole/viewer> (дата обращения: 20.06.2026)

7. Винникова И.С., Кузнецова Е.А., Терехина А.Е. Зарубежный опыт повышения финансовой грамотности населения // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 2 (36). С. 20 – 25. Библиотека Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-povysheniya-finansovoy-gramotnosti-naseleniya-1/viewer> (дата обращения: 17.06.2026)

8. Винникова И.С., Кузнецова Е.А., Шутова Ю.Г., Стародубова Д.С. Педагогические особенности формирования финансовой грамотности у студентов экономических направлений подготовки // Мир науки. 2016. Т. 4. № 6. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/39PDMN616.pdf> (дата обращения: 02.07.2026)

9. Власенко С.В., Чемоданова Г.И. Использование инновационных форм организации обучения в современном процессе системы повышения квалификации педагогов // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 2 (11). С. 37 – 41. Библиотека Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-innovatsionnyh-form-organizatsii-obucheniya-v-sovremennom-protseste-sistemy-povysheniya-kvalifikatsii-pedagogov/viewer> (дата обращения: 05.07.2026)
10. Зеер Э.Ф. Психология профессионального развития. Москва: Юрайт, 2025. 234 с. Образовательная платформа Юрайт. URL: <https://urait.ru/bcode/565212> (дата обращения: 10.06.2026)
11. Климашин Е.А., Демкина Е.В., Соловьев А.М. Исторические предпосылки возникновения финансовой грамотности как фундаментальной основы формирования ответственного финансового поведения у обучающихся средних образовательных учреждений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия Педагогика и психология. 2022. № 1 (293). Библиотека Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-predposylki-vozniknoveniya-finansovoy-gramotnosti-kak-fundamentalnoy-osnovy-formirovaniya-otvetstvennogo-finansovogo> (дата обращения: 13.06.2026)
12. Муфтахутдинова Е.Р., Грицук Н.В. Повышение финансовой грамотности населения как фактор обеспечения экономической безопасности // Вектор экономики. 2022. № 4 (70). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48704721_31374947.pdf (дата обращения: 04.06.2026)
13. Федотова М.В. Актуальные опросы подготовки педагогических работников к реализации программ финансовой грамотности // Нижегородское образование. 2020. № 1. Библиотека Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-podgotovki-pedagogicheskikh-rabotnikov-k-realizatsii-programm-finansovoy-gramotnosti> (дата обращения: 01.07.2026)
14. Шадрина Ю.А. Национальная программа повышения финансовой грамотности в России: долгосрочная перспектива // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2015. № 5. С. 74 – 81. Библиотека Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-programma-povysheniya-finansovoy-gramotnosti-v-rossii-dolgosrochnaya-perspektiva> (дата обращения: 11.07.2026)
15. Шибаев С.Р., Шадрина Ю.А. Зарубежный опыт повышения финансовой грамотности населения // Финансы и кредит. 2015. № 24 (648). С. 27 – 33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-povysheniya-finansovoy-gramotnosti-naseleniya> (дата обращения: 26.06.2026)
16. Явлинский Г.А., Брагинский С.В. Стимулы и институты. Переход к рыночной экономике в России: монография. Москва: ВШЭ, 2007. 398 с. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000236781-stimuly-i-instituty-perehod-k-rynochnoj-ekonomike-v-rossii-grigorij-yavlinskij> (дата обращения: 28.06.2026)
17. OECD financial literacy study finds many adults struggle with money matters. URL: <https://firstcentralcreditbureau.com/oecd-financial-literacy-study-finds-many-adults-struggle-with-money-matters/> (дата обращения: 03.07.2026)

References

1. The 6th All-Russian Savings Week kicked off on October 31, 2019. Official website of the Federal Service for Surveillance on Consumer Rights Protection and Human Wellbeing of Buryatia. URL: <https://03.rospotrebnadzor.ru/content/374/11455/> (date of access: 21.06.2026)
2. Bliskavka E.A., Demidov D.N., Zelentsova A.V. Improving the Financial Literacy of the Population. International Experience and Russian Practice. Moscow: TSIPSI, 2012. URL: <https://www.litres.ru/book/anna-zelencova/povyshenie-finansovoy-gramotnosti-naseleniya-mezhdunarodnyy-5020427/chitat-onlayn/> (date of access: 18.06.2026)
3. Bogomolova O.V., Mamedova R.I., Skotnikov A.E., Chasovnikov S.N. Financial literacy as a factor in improving the well-being of the population. International Journal of Applied and Fundamental Research. 2016. No. 1-3. Pp. 380–383. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8516> (date of access: 11.06.2026)
4. 10,000 schoolchildren from the Murmansk region took part in the Olympiad on financial literacy and entrepreneurship. Official website of the Ministry of Finance of the Murmansk region. Press center. URL: <https://minfin.gov-murman.ru/news/545531/> (date of access: 07.07.2026)
5. Vendina A.A., Chechulina M.A. Practice-oriented approach to teaching solving financial problems. European Research. 2016. No. 2 (13). P. 88 – 91. Cyberleninka Library. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktiko-orientirovannyi-podhod-v-obuchenii-resheniyu-finansovykh-zadach/viewer> (date of access: 04.07.2026)

6. Vinnikova I.S., Kuznetsova E.A., Potapova A.D. Methods for assessing the level of financial literacy in school. Karelian Scientific Journal. 2017. Vol. 6. No. 4 (21). P. 49 – 51. Cyberleninka Library. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-otsenki-urovnya-finansovoy-gramotnosti-v-shkole/viewer> (date of access: 20.06.2026)
7. Vinnikova I.S., Kuznetsova E.A., Terekhova A.E. Foreign experience in improving the financial literacy of the population. Innovative economy: prospects for development and improvement. 2019. No. 2 (36). P. 20 – 25. Cyberleninka Library. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-povysheniya-finansovoy-gramotnosti-naseleniya-1/viewer> (date of access: 17.06.2026)
8. Vinnikova I.S., Kuznetsova E.A., Shutova Yu.G., Starodubova D.S. Pedagogical features of developing financial literacy in students majoring in economics. World of Science. 2016. Vol. 4. No. 6. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/39PDMN616.pdf> (date of access: 02.07.2026)
9. Vlasenko S.V., Chemodanova G.I. Using Innovative Forms of Education Organization in the Modern Process of Teacher Professional Development. Baltic Journal of the Humanities. 2015. No. 2 (11). P. 37 – 41. Cyberleninka Library. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-innovatsionnyh-form-organizatsii-obucheniya-v-sovremennom-protsesse-sistemy-povysheniya-kvalifikatsii-pedagogov/viewer> (date of access: 05.07.2026)
10. Zeer E.F. Psychology of Professional Development. Moscow: Yurait, 2025. 234 p. Yurait educational platform. URL: <https://urait.ru/bcode/565212> (date of access: 10.06.2026)
11. Klimashin E.A., Demkina E.V., Soloviev A.M. Historical prerequisites for the emergence of financial literacy as a fundamental basis for the formation of responsible financial behavior in students of secondary educational institutions. Bulletin of Adyghe State University. Pedagogy and Psychology Series. 2022. No. 1 (293). Cyberleninka Library. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-predposylki-vozniknoveniya-finansovoy-gramotnosti-kak-fundamentalnoy-osnovy-formirovaniya-otvetstvennogo-finansovogo> (date of access: 13.06.2026)
12. Muftakhutdinova E.R., Gritsuk N.V. Increasing the financial literacy of the population as a factor in ensuring economic security. Vector of Economy. 2022. No. 4 (70). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48704721_31374947.pdf (date of access: 04.06.2026)
13. Fedotova M.V. Current surveys of the preparation of teaching staff for the implementation of financial literacy programs. Nizhny Novgorod education. 2020. No. 1. Cyberleninka Library. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-podgotovki-pedagogicheskikh-rabotnikov-k-realizatsii-programm-finansovoy-gramotnosti> (date of access: 01.07.2026)
14. Shadrina Yu.A. National Program for Improving Financial Literacy in Russia: Long-Term Perspective. Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. 2015. No. 5. P. 74 – 81. Cyberleninka Library. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-programma-povysheniya-finansovoy-gramotnosti-v-rossii-dolgosrochnaya-perspektiva> (date of access: 11.07.2026)
15. Shibaev S.R., Shadrina Yu.A. Foreign experience of increasing the financial literacy of the population. Finance and Credit. 2015. No. 24 (648). P. 27 – 33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-povysheniya-finansovoy-gramotnosti-naseleniya> (date of access: 26.07.2026)
16. Yavlinsky G.A., Braginsky S.V. Incentives and Institutions. The Transition to a Market Economy in Russia: A Monograph. Moscow: HSE, 2007. 398 p. Available at: <https://www.livelib.ru/book/1000236781-stimuly-i-instituty-perehod-k-rynochnoj-ekonomike-v-rossii-grigorij-yavlinskij> (date of access: 28.06.2026)
17. OECD Financial Literacy Study Finds Many Adults Struggle with Money Matters. Available at: <https://firstcentralcreditbureau.com/oecd-financial-literacy-study-finds-many-adults-struggle-with-money-matters/> (date of access: 03.07.2026)

Информация об авторах

Елисова А.С., Мурманский арктический университет

Фофанова А.Ю., кандидат экономических наук, доцент, Мурманский арктический университет, n.p.fofanova@mail.ru

© Елисова А.С., Фофанова А.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 340.1

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-80-85

Опыт рефлексии правового позитивизма в аналитическом дискурсе

¹ Горбунов М.Д.,

¹ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Аннотация: статья посвящена анализу критической реакции на правовой позитивизм в аналитической теории со стороны непозитивистских подходов в научной полемике XX–XXI веков. В работе не только определяется контекст критического восприятия, но также непосредственно рассматриваются пять ключевых линий контр-позитивистских аргументов и критики: философия Г. Радбруха, обосновавшей необходимую связь права и морали через отрицание претензии несправедливого закона на подчинение; теория внутренней морали права Л. Фуллера, выдвинувшей требования к позитивному правовому порядку; критика Р. Дворкина, показавшая напряжение между статусом и ролью правил и принципов права; теория Р. Алекси, обосновавшая двойственную природу права и его притязание на правильность; а также поздняя критика Д. Дайзенхауса, предложившая аргументы о связи позитивизма и оправдания тоталитарной власти. На основе анализа этих линий критики было показано, что научная рефлексия вокруг правового позитивизма не привела к его разрушению, но стимулировала его внутреннюю трансформацию. В заключении подчеркивается значение проведенного данного анализа для современной российской правовой теории, переживающей методологический дефицит и ищущей пути развития позитивистской догматики в контексте восполнения критического опыта конкурирующей доктрины для решения внутренних проблем отечественной догмы права.

Ключевые слова: правовой позитивизм, философия права, правопонимание, правовой дискурс, мораль права, нормативность права, принципы права, конституционные ценности

Для цитирования: Горбунов М.Д. Опыт рефлексии правового позитивизма в аналитическом дискурсе // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 5. С. 80 – 85. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-80-85

Поступила в редакцию: 31 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 29 августа 2026 г.; Принята к публикации: 14 октября 2026 г.

The experience of reflection on legal positivism in analytical discourse

¹ Gorbunov M.D.,

¹ Lobachevsky University of Nizny Novgorod

Abstract: the article is devoted to an analysis of the critical reaction to legal positivism in analytical theory on the part of non-positivist approaches in the scholarly polemics of the 20th–21st centuries. The work not only identifies the context of this critical reception but also directly examines five key lines of anti-positivist arguments and criticism: the philosophy of G. Radbruch, which substantiated the necessary connection between law and morality by denying the claim of an unjust law to obedience; L. Fuller’s theory of the inner morality of law, which advanced requirements for a positive legal order; R. Dworkin’s critique, which demonstrated the tension between the status and role of rules and principles of law; R. Alexy’s theory, which substantiated the dual nature of law and its claim to correctness; as well as the late critique of D. Dyzenhaus, which offered arguments concerning the connection

between positivism and the justification of totalitarian power. On the basis of the analysis of these lines of criticism, it is shown that scholarly reflection on legal positivism did not lead to its destruction but stimulated its internal transformation. In conclusion, the significance of this analysis for contemporary Russian legal theory is emphasized, as it experiences a methodological deficit and seeks ways to develop positivist dogmatics in the context of drawing upon the critical experience of a competing doctrine in order to solve the internal problems of the domestic dogma of law.

Keywords: legal positivism, philosophy of law, legal understanding, legal discourse, morality of law, normativity of law, principles of law, constitutional values

For citation: Gorbunov M.D. The experience of reflection on legal positivism in analytical discourse. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (5). P. 80 – 85. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-80-85

The article was submitted: July 31, 2026; Approved after reviewing: August 29, 2025; Accepted for publication: October 14, 2026.

Введение

Правовой позитивизм, оставаясь одной из наиболее влиятельных концепций правопонимания, на протяжении всей своей научной истории подвергался последовательной и разнообразной критике, которая значительно обострилась в XX веке. Вместе с тем, отечественная позитивистская доктрина, находясь в состоянии идеологической изоляции, практически избежала этой рефлексии, в результате чего оказалась вне поля мировой научной дискуссии и не испытала столь интенсивного эволюционного развития [1; 2]. В свою очередь, конкурирующая аналитическая традиция правового позитивизма непосредственно столкнулась с наиболее сильными контр-позитивистскими или антипозитивистскими аргументами.

Начиная со становления современной правовой философии «одно повторяющееся возражение против правового позитивизма заключалось в том, что он не может объяснить нормативность права в рамках своей собственной теории» [13, р. 14]. Более того, как отмечается в литературе, анализирующей аналитический позитивистский дискурс, «некоторые авторы выдвигали совершенно иные возражения либо против правового позитивизма, либо против позитивистских теорий права» [13, р. 15]. Значимая часть этой критики связана с возрожденной школой естественного права и обвинениями правового позитивизма в том, что он способствовал античеловеческим преступлениям, совершенным в годы Второй мировой войны. С того времени антипозитивистская рефлексия в мировом масштабе только усилилась, привлекая все новых и новых сторонников. Это же обстоятельство привело к тому, что аналитическая позитивистская теория испытала период небывалого роста и усиления своих собственных тезисов в условиях неостанавливающейся внешней критики.

В таком контексте вопрос восприятия опыта рефлексии правового позитивизма в аналитическом дискурсе отечественной теорией права, переживающей методологический дефицит и ищущей пути преодоления напряжения между позитивистской догматикой и юснатуралистскими ценностями, привнесенными отечественной Конституцией, на фоне увеличения числа интегративных направлений, представляет собой высокую актуальность. Представляется, что анализируемый опыт способен в значительной степени восполнить этот критический ресурс для развития направления правового позитивизма, а также понять генезис процессов, лежащих в основе формирования современного позитивистского правопонимания.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу проведенного в работе исследования составил целый ряд публикаций ключевых современных аналитических правоведов по заявленной проблематике исследования, включая таких авторов, как Г. Радбрух, Л. Фуллер, Р. Дворкин, Р. Алекси, Д. Дайзенхаус и ряд других. Методологическую базу исследования составил комплекс всеобщих, общенаучных и специальных методов познания, включая сравнительный и диалектический методы, общие логические приемы, а также специализированный аналитический метод концептуального анализа, необходимый для интерпретации взглядов на природу права в рамках соответствующего философско-правового дискурса.

Результаты и обсуждения

Как уже отмечалось выше, особое место в современной антипозитивистской критике занимает рефлексия аргументов в пользу связи позитивизма и преступлений нацистского режима, инициированная Г. Радбрухом. Аргументы правоведа стали катализатором послевоенной дискуссии о связи права и морали и

необходимости догматического и практического разграничения справедливого и несправедливого закона в контексте условий его юридической действительности. В актуальной литературе прямо подчеркивается, что «наиболее важная критика Радбрухом правового позитивизма содержится не в его явных работах о правовом позитивизме, а в его собственной правовой философии ... формула Радбруха влечет за собой отрицание тезиса о разделении права и морали с точки зрения критериев идентификации действительных правовых норм» [13, р. 31].

Г. Радбрух сформулировал базовый критерий того, что право должно служить справедливости и предложил две линии аргументов в защиту этого утверждения: формулы непереносимости и дезавуирования.

Первая формула непереносимости (*intolerability formula*) гласит: «позитивное право, обеспеченное законодательством и властью, имеет преимущество даже тогда, когда его содержание несправедливо и не служит народу, если только противоречие между статутом и справедливостью не достигает такой нестерпимой степени, что его статут, как дефектного права, должен уступить справедливости» [11, р. 7]. Так, право в определенной степени может быть несправедливым и при этом ему в целом будут подчиняться как юридически действительному, но до тех пор, пока искажения в нем не достигнут той степени, когда с ним нельзя будет мириться.

Вторая часть аргументов правоведа составляет формулу дезавуирования (*disavowal formula*) или отрицания равенства, которая определяет еще более радикальную позицию: «одну линию разграничения можно провести с предельной ясностью: там, где нет даже попытки достичь справедливости, где равенство, ядро справедливости, сознательно предается в издании позитивного права, там статут является не просто дефектным правом, он полностью лишается самой природы права» [11, р. 8]. Отсюда следует объективный вывод правоведа о том, что в случае «крайней дискриминации, экстремального нарушения равенства», когда закон объективно отрицает его, независимо от намерений законодателя, это делает закон недействительным, следовательно, позитивизм может игнорировать ценностное измерение [4, р. 633].

Л. Фуллер значительно развил аргументы в пользу связи права и морали через собственную концепцию внутренней морали не как систему внешних критериев, а как внутреннюю органическую характеристику права. Критика правоведа была «особенной в том смысле, что она фокусировалась на вопросах, лежащих под поверхностью обычных споров, и поэтому относилась лишь косвенно к тому, что такие позитивисты, как Кельзен и Харт, говорили эксплицитно, излагая свои взгляды» [13, р. 31]. Центральная идея Фуллера состояла в том, что право должно соответствовать определенным процедурным требованиям общности, публичности, непротиворечивости, стабильности, возможности исполнения и ряда других [9, р. 33-91]. Эти требования составляют то, что Л. Фуллер называет «внутренней моралью права», которая должна присутствовать, чтобы нормативная система могла считаться правовой.

Как отмечается в литературе: «в качестве прагматиста Фуллер в значительной степени избегал концептуальных или семантических вопросов, сосредоточившись вместо этого на вопросах методологии и управления, в частности на адекватности научного подхода к пониманию человеческого общества и роли, которую играют целеполагание и свобода воли в упорядочении гражданской жизни» [13, р. 31]. В этом контексте поощрение позитивистами жестких регулятивных государств кажется правоведу неоправданным [14, р. 651-674]. Для правоведа важны «заботы, которыми обладают юристы (и которых нет у других социальных ученых) и которые они приносят в создание той ... социальной архитектуры, которая лучше защищает человеческую свободу» [13, р. 31].

Р. Дворкин предложил, пожалуй, наиболее влиятельную версию критики правового позитивизма в аналитической традиции, которая касается гораздо более общих вопросов, затрагивающих претензии правовых позитивистов построить модель правовой системы, основанной на правилах. Как указывает Д. Паттерсон: «от первого эссе ... до последних дней Дворкин оставался настойчивым и непреклонным критиком всех форм правового позитивизма» [10, р. 675]. При этом критику Р. Дворкина можно условно разделить на два этапа.

Ранние аргументы правоведа базировались на радикальном утверждении о том, что правовая система, предлагаемая аналитическим правовым позитивизмом и любым позитивизмом вообще, основанная на происхождении системы правил от определенного источника, неспособна объяснить существование правовых принципов [5, р. 14-46]. В представлении Р. Дворкина такая интерпретация правовой системы как системы правил заставляет правоведов упускать важные роли тех стандартов, которые не являются правилами, поскольку они функционально и содержательно отличаются от них, но при этом выполняют важную роль в правовой системе. С точки зрения правоведа если правила действуют в режиме «все или ничего», то принципы, которые имеют «измерение веса или значимости», лучше всего подходят для объяснения практики

судебной деятельности и их интерпретации конструирующего право критерия, связанного с системой общества [6, р. 25-27].

Поздние аргументы Дворкина касаются неспособности правового позитивизма объяснить существование теоретического несогласия в праве по поводу критериев юридической действительности и, следовательно, невозможности поддержать тезис о существовании формализованной нормативной основы в виде общего разделяемого правила [7, р. 6]. Как указывает Д. Паттерсон: «Дворкин утверждает, что теоретическое несогласие – это фундаментальная характеристика правовой практики, которую позитивисты не могут объяснить» [10, р. 684]. Право по правоведу строго интерпретативно и динамично, а потому не требует и не может требовать жесткого формализма. С одной стороны, названные аргументы вызвали бурную реакцию со стороны позитивистов, а с другой «Дворкин в конечном счете не смог подорвать теорию ... хотя у правовых позитивистов нет продуманной теории правовой интерпретации, в теории правового позитивизма нет ничего, что мешало бы им разработать такую теорию» [13, р. 32].

Р. Алекси предложил наиболее систематическую философскую критику правового позитивизма в современной аналитической традиции, опираясь на утверждение о существовании необходимой связи между правом и моралью, которая делает бессмысленным тезис об их разделении [13, р. 32-33]. В поддержку своей позиции Р. Алекси выдвигает сразу три аргумента: аргумент от несправедливости (argument from injustice), аргумент от принципов (argument from principles) и аргумент от необходимого притязания права на правильность (argument from the necessary claim of law to correctness) [12, р. 720-721], которые в более поздней интерпретации были объединены в комплексное понимание двойственной природы права [13, р. 313].

Эта двойственная природа объясняется тем, что «индивидуальные правовые нормы и отдельные правовые решения, а также правовые системы в целом необходимо притязают на правильность» [3, р. 25-26]. Такое притязание на правильность, по мнению правоведа, является всегда морально обусловленным.

Существующие оценки влияния Р. Алекси показывают, что он «изменил фокус дебатов о правовом позитивизме с первичной озабоченности вопросами юридической действительности на более общую озабоченность вопросами природы права, подчеркнув, что в дополнение к обычным классифицирующим связям между моралью, с одной стороны, и правовыми системами, правовыми актами и правовыми нормами, с другой, существуют также квалифицирующие связи» [13, р. 33]. Тем самым Р. Алекси вывел аргументы Г. Радбруха о дефектности несправедливого права на новый уровень концептуального обоснования. С другой стороны, Я. Зикманн утверждает, что критика правоведа «может и не опровергла саму возможность правового позитивизма», но она сделала «ясным то, что для тех, кто интересуется правом как нормативной, направляющей действия системой, правовой позитивизм не является адекватной теорией права» [12, р. 739].

Наиболее радикальная и фактически финализирующая крайняя версия критики правового позитивизма в аналитическом дискурсе была предложена Д. Дайзенхаусом, критикующим позитивизм за то, что он способен поощрять тоталитаризм в государственном управлении [8, р. 764]. Правовед развивает этот аргумент, утверждая, что «хотя ... правовой позитивизм в форме тезиса о разделении способствует ясному мышлению и облегчает моральную критику закона, его неспособность последовательно проводить свои откровения об авторитете права приводит к теории права, которая имеет тоталитарные импликации, предполагаемые несколькими критиками позитивизма» [13, р. 34]. Взамен позитивизма Д. Дайзенхаус призывает «философию права вернуться к задаче, поставленной Радбрухом и другими, к задаче понять, как правовой порядок может подтвердить свое притязание быть порядком легитимной власти, задачей, которую вряд ли можно выполнить, пока правовые ученые придерживаются тезиса о разделении правового позитивизма» [13, р. 34].

Выводы

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует богатый и разнообразный фон критики и рефлексии правового позитивизма, в аналитической правовой традиции, в котором наиболее заметными являются следующие линии:

1. Критика Г. Радбруха показала невозможность игнорировать принцип справедливости в правовой практике и предостерегла от рисков того, что формальное следование закону без учета ценностей может привести к правовому произволу.
2. Критика Л. Фуллера категорично подчеркнула важность процедурных требований к праву как институциональных гарантий, обеспечивающих соответствие законов требованиям правового порядка.

3. Критика Р. Дворкина продемонстрировала роль принципов в правовой системе, которую не может игнорировать правовой позитивизм, если он хочет предложить адекватную модель правовой системы.

4. Критика Р. Алехи предложила обоснование утверждения, что право по своей природе претендует на правильность, которая не может быть объяснена без связи права с моралью и общего стремления права к справедливости через общие ориентирующие установки.

5. Критика Д. Дайзенхауса предостерегает от опасности тенденции позитивизма к связи с идеологической позицией оправдания любой принудительной власти, независимо от ее содержания, что обуславливает важную задачу поддержания дистанции правовой теории от политизации правовой системы.

В итоге общим ядром антипозитивистской критики стало утверждение, что правовой позитивизм как актуальное направление в правопонимании для сохранения собственной жизнеспособности должен признавать границы позитивного закона и интегрировать базовые аксиологические критерии в свое содержание, в первую очередь во избежание нового повода для сокрушительной критики, какая возникла в середине XX века. Для российской правовой теории, остававшейся до недавнего времени за пределами этой критики, восприятие ее опыта позволяет подтвердить зреющие аргументы в пользу примирения позитивистской догмы права и непозитивистских концепций, в том числе на интегративных началах.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-78-00004, <https://rscf.ru/project/26-78-00004/>

Список источников

1. Денисенко В.В., Сухинин А.Ю. Советский нормативизм как теоретико-правовая парадигма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2017. № 3 (21). С. 380 – 395.
2. Пищулин А.В. Проблема определения современных подходов к понятию «Юридический позитивизм» // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2009. № 3. С. 89 – 99.
3. Alexy R., Paulson S.L., Paulson B.L. The Argument from Injustice: A Reply to Legal Positivism. Oxford: Oxford University Press, 2002. 142 p.
4. Borowski M., Spaak T., Mindus P. Gustav Radbruch's Critique of Legal Positivism // The Cambridge Companion to Legal Positivism. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 627 – 650.
5. Dworkin R. The Model of Rules I // University of Chicago Law Review. 1967. Vol. 35 (1). P. 14 – 46.
6. Dworkin R. Taking Rights Seriously. Cambridge: Harvard University Press, 1979. 563 p.
7. Dworkin R. Law's Empire. Cambridge: Harvard University Press, 1986. 484 p.
8. Dyzenhaus D., Spaak T., Mindus P. Positivism and Totalitarianism // The Cambridge Companion to Legal Positivism. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 764 – 786.
9. Fuller L.L. The Morality of Law. Revised ed. New Haven, 1969. 262 p.
10. Patterson D., Spaak T., Mindus P. Dworkin's Critique of Hart's Positivism // The Cambridge Companion to Legal Positivism. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 675 – 694.
11. Radbruch G., Paulson B.L., Paulson S.L. Statutory Lawlessness and Supra-Statutory Law. Oxford Journal of Legal Studies. 2006. Vol. 26. P. 1 – 11.
12. Sieckmann J., Spaak T., Mindus P. Alexy's Critique of Legal Positivism // The Cambridge Companion to Legal Positivism. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 720 – 741.
13. Spaak T., Mindus P. Introduction // The Cambridge Companion to Legal Positivism. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 1 – 36.
14. Winston K., Mindus P. Good Order and Workable Arrangements: Lon Fuller's Critique of Legal Positivism // The Cambridge Companion to Legal Positivism. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 651 – 674.

References

1. Denisenko V.V., Sukhinin A.Yu. Soviet Normativism as a Theoretical-Legal Paradigm. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2017. No. 3 (21). P. 380 – 395.
2. Pishchulin A.V. The Problem of Defining Modern Approaches to the Concept of "Legal Positivism". Bulletin of Moscow University. Series 11, Law. 2009. No. 3. P. 89 – 99.
3. Alexy R., Paulson S.L., Paulson B.L. The Argument from Injustice: A Reply to Legal Positivism. Oxford: Oxford University Press, 2002. 142 p.
4. Borowski M., Spaak T., Mindus P. Gustav Radbruch's Critique of Legal Positivism. The Cambridge Companion to Legal Positivism. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 627 – 650.

5. Dworkin R. The Model of Rules I. *University of Chicago Law Review*. 1967. Vol. 35 (1). P. 14 – 46.
6. Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. Cambridge: Harvard University Press, 1979. 563 p.
7. Dworkin R. *Law's Empire*. Cambridge: Harvard University Press, 1986. 484 p.
8. Dyzenhaus D., Spaak T., Mindus P. eds. *Positivism and Totalitarianism. The Cambridge Companion to Legal Positivism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 764 – 786.
9. Fuller L.L. *The Morality of Law*. Revised ed. New Haven, 1969. 262 p.
10. Patterson D., Spaak T., Mindus P. Dworkin's Critique of Hart's Positivism. *The Cambridge Companion to Legal Positivism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. pp. 675 – 694.
11. Radbruch G., Paulson B.L., Paulson S.L. Statutory Lawlessness and Supra-Statutory Law. *Oxford Journal of Legal Studies*. 2006. Vol. 26. P. 1 – 11.
12. Sieckmann J., Spaak T., Mindus P. Alexy's Critique of Legal Positivism. *The Cambridge Companion to Legal Positivism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 720 – 741.
13. Spaak T., Mindus P. Introduction. *The Cambridge Companion to Legal Positivism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 1 – 36.
14. Winston K., Mindus P. Good Order and Workable Arrangements: Lon Fuller's Critique of Legal Positivism. *The Cambridge Companion to Legal Positivism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 651 – 674.

Информация об авторе

Горбунов М.Д., кандидат юридических наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, maхandgor@gmail.com

© Горбунов М.Д., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 34:004.8

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-86-91

Перспективы участия искусственного интеллекта в законотворчестве и государственном регулировании в России: проблемы внедрения

¹ Омельченко В.О.,

¹ Частное образовательное учреждение высшего образования
Юридический институт, г. Санкт-Петербург

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы внедрения технологий искусственного интеллекта в законотворческий процесс и систему государственного регулирования Российской Федерации. Цель работы – выявить комплекс правовых, технических, организационных и этических барьеров, которые мешают эффективной интеграции ИИ-инструментов в нормотворческую деятельность, и предложить практические направления их преодоления. Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и институциональный подходы. Особое внимание уделяется теоретико-правовым аспектам субъектности ИИ в правотворчестве, совместимости алгоритмических решений с российской правовой традицией, вопросам нормативного регулирования и кадрового обеспечения. Учитывается опыт утверждённой в сентябре 2026 г. Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации. На основе проведённого анализа предлагается трёхфазная модель поэтапного внедрения ИИ в законотворчество. Делается вывод, что преодоление выявленных барьеров возможно при сочетании правовой определённости, технологического суверенитета, подготовки юридических кадров нового типа и общественного диалога.

Ключевые слова: искусственный интеллект, законотворчество, правотворчество, цифровизация в государственно-правовой сфере, правосубъектность, алгоритмический суверенитет, нормативное регулирование, цифровая трансформация, государственное управление, правовые барьеры, LegalTech, правовая традиция, этика права, Концепция Верховного Суда РФ

Для цитирования: Омельченко В.О. Перспективы участия искусственного интеллекта в законотворчестве и государственном регулировании в России: проблемы внедрения // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 5. С. 86 – 91. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-86-91

Поступила в редакцию: 2 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 14 октября 2026 г.

Prospects for the participation of artificial intelligence in lawmaking and government regulation in Russia: implementation problems

¹ Omelchenko V.O.,

¹ Private Educational Institution of Higher Education Law Institute, Saint Petersburg

Abstract: the article examines problems of implementing artificial intelligence technologies into the legislative process and the system of state regulation of the Russian Federation. The purpose of the study is to identify a set of legal, technical, organizational and ethical barriers hindering the effective integration of AI tools into rule-making activities and to propose practical ways to overcome them. The methodological basis includes formal legal, com-

parative legal, systemic and institutional approaches. Special attention is paid to theoretical and legal aspects of AI subjectivity in lawmaking, the compatibility of algorithmic solutions with the Russian legal tradition, issues of regulation and staffing. The experience of the Concept for the Implementation of Artificial Intelligence Technologies in Judicial Proceedings of the Russian Federation, approved in September 2026, is considered. Based on the analysis, a three-phase model of gradual AI implementation in lawmaking is proposed. The author concludes that overcoming the identified barriers is possible through a combination of legal certainty, technological sovereignty, training of a new generation of legal professionals and public dialogue.

Keywords: artificial intelligence, lawmaking, legal drafting, digitalization in the state and legal sphere, legal personality, algorithmic sovereignty, regulatory regulation, digital transformation, public administration, legal barriers, LegalTech, legal tradition, legal ethics, the Concept of the Supreme Court of the Russian Federation

For citation: Omelchenko V.O. Prospects for the participation of artificial intelligence in lawmaking and government regulation in Russia: implementation problems. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (5). P. 86 – 91. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-86-91

The article was submitted: August 2, 2026; Approved after reviewing: September 1, 2026; Accepted for publication: October 14, 2026.

Введение

Россия давно говорит о цифровизации государственного управления. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года [2], программа «Цифровая экономика» и другие документы обозначают курс на технологическую модернизацию. Но одно дело – заявления, и совсем другое – реальная практика. В законотворчестве ИИ пока не приживается, и причин тому много: правовая неопределённость, технические ограничения, сопротивление аппарата, нехватка кадров, этические сомнения. Все они связаны между собой, и разбирать их нужно в комплексе.

Следует оговориться, что настоящая работа выполнена в рамках теоретико-правового исследования. Вопросы внедрения ИИ в правотворчество рассматриваются прежде всего с точки зрения теории государства и права – через призму таких категорий, как субъект правотворчества, правосубъектность, источники права, правовая традиция. Именно на этом уровне обнаруживаются наиболее глубокие противоречия, которые не сводятся к сугубо техническим или организационным аспектам.

Цель статьи – выявить проблемы внедрения технологий искусственного интеллекта в законотворческий процесс и государственное регулирование России, а также предложить практические решения для их преодоления. Новизна работы состоит в том, что барьеры впервые сгруппированы в единую систему, а также обоснована трёхфазная модель внедрения ИИ в нормотворчество.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и институциональный методы. Формально-юридический метод позволяет проанализировать действующие нормативные акты и выявить правовые пробелы в регулировании ИИ. Сравнительно-правовой метод используется для сопоставления российского и европейского подходов к регулированию искусственного интеллекта. Системный и институциональный методы помогают рассмотреть внедрение ИИ как часть более широкой трансформации государственного управления.

Нормативную базу исследования образуют: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в ред. Указа Президента РФ от 15.02.2024 № 124); Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года; Приказ Верховного Суда РФ от 3 сентября 2026 г. № 59-П «Об утверждении Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации»; White Paper on Artificial Intelligence Европейской комиссии; Regulation (EU) 2024/1689 (Artificial Intelligence Act).

Теоретическую основу составили работы Р.В. Амелина и С.Е. Чаннова, С.В. Никитенко, Э.В. Талапиной, Т.Я. Хабриевой, Ю.С. Харитоновой, Н.Н. Черногора, А.Е. Емельянцева, N. Rangone и L. Megale.

Результаты и обсуждения

Первое, с чем приходится иметь дело, – правовая неопределённость. Чёткого регулирования использования ИИ в государственном управлении в России сегодня нет. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в редакции Указа Президента РФ от

15.02.2024 № 124) [1] и Национальная стратегия до 2030 года [2] во многом носят декларативный характер: конкретных механизмов реализации в них не заложено. Для законотворчества это оборачивается тремя нерешёнными вопросами. Что считать искусственным интеллектом в правовом смысле? Каков статус решений, принятых с его помощью? Кто отвечает за алгоритмические ошибки? Пока ясных ответов нет, любые попытки внедрить ИИ в нормотворчество будут наталкиваться на юридические препятствия.

За этими вопросами – проблема более глубокого порядка. Правотворчество есть функция публичной власти, легитимированной народным суверенитетом, и на это указывает Н.Н. Черногор [11]. Если ИИ выступает аналитиком, соавтором или генератором проектируемых норм, возникает вопрос об алгоритмическом суверенитете: кто в действительности формулирует волю законодателя, когда проект нормы создан алгоритмом? В теории правотворчества нет понятия «частичный нормотворец», поэтому участие ИИ заставляет всерьёз обсуждать гипотезу распределённой, или гибридной, субъектности правотворца. Ни доктрина, ни законодательство внятного ответа на это пока не дают.

Европейские подходы тоже не решают этой проблемы напрямую. В White Paper on Artificial Intelligence [13] Европейская комиссия сделала ставку на риск-ориентированное регулирование, но о субъектности алгоритмов в правотворчестве там речи не идёт. Э.В. Талапина [6] справедливо замечает, что регулирование ИИ должно быть гибким и одновременно определённым – без лишних административных барьеров. С этим трудно спорить. Главное, чтобы гибкость не подменяла собой содержательный ответ на вопрос о том, кто творит право.

Второе препятствие – конфликт между привычным порядком нормотворчества и новыми технологиями. Законотворческий процесс в России регламентирован жёстко: ответственные лица участвуют лично, проект проходит множество согласований, сроки заданы формально. ИИ в такую схему встраивается с трудом. Личная подпись плохо сочетается с алгоритмической рекомендацией. Многоступенчатое согласование – с автоматизированным анализом. Формальные сроки – с необходимостью дополнительно проверять то, что предложила машина. Поэтому сопротивление аппарата вполне объяснимо: дело не только в консерватизме, но и в том, что новые инструменты заставляют пересматривать привычные процедуры. Снять это противоречие можно, лишь меняя управленческую культуру. ИИ должен восприниматься не как замена человека, а как инструмент, который помогает принять решение, но не подменяет ответственность.

Третий барьер – качество данных. ИИ учится на том, что ему дают, а российское правовое пространство пока не готово предоставить ему надёжную основу. Правовые базы фрагментарны и плохо согласованы между собой, единых стандартов описания нормативных актов нет, структурированных данных о правоприменительной практике недостаточно. Долгое время сохранялась и зависимость от зарубежных платформ: многие системы обучения ИИ строились на иностранных разработках. Это грозило технологической зависимостью, и переносом чужого культурного кода в алгоритмы, которые принимают правовые решения. Санкционное давление подтолкнуло развитие отечественных решений, однако вопрос об их качестве и надёжности остаётся открытым. Чтобы исправить положение, не обойтись без единого национального корпуса правовых данных, открытых стандартов описания нормативных актов и тестовых полигонов для апробации ИИ-решений.

Четвёртый барьер – институциональная инерция. Аппаратный консерватизм и сопротивление нововведениям свойственны не только российской бюрократии, но и любой другой. Государственный аппарат не готов к переходу на новые методы работы, опасается утраты контроля и полномочий, не имеет мотивации осваивать цифровые инструменты; сказываются и межведомственные барьеры. Эта инерционность порождает дефицит компетенций. Специалистов, которые соединяли бы глубокие юридические знания с технической подготовкой в области ИИ, почти нет. В связи с этим целесообразно введение специализации «цифровое право» в юридических вузах и программ дополнительного профессионального образования для госслужащих.

Опыт судебной системы

Судебная власть эти вызовы уже осознала. 3 сентября 2026 г. Председатель Верховного Суда РФ утвердил Концепцию внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство (приказ № 59-П) [3]. Документ опирается на восемь принципов: защита прав и свобод человека, недопущение дискриминации; вспомогательный характер ИИ при ведущей роли судьи; законность применения нейросетей; прозрачность, объяснимость и контролируемость с фиксацией каждого взаимодействия; достоверность данных из официальных источников; конфиденциальность и защита персональных данных; технологическая независимость с приоритетом отечественных решений. К 2030 году предполагается, что более 95% судей будут постоянно пользоваться ИИ-сервисами, 30-50% проектов процессуальных документов станут готовиться с помощью ИИ, а сроки рассмотрения типовых дел сократятся на 20-30%. Риски в Концепции тоже названы прямо:

«галлюцинации» модели, снижение самостоятельности судьи, профайлинг по решениям. Против каждого предусмотрена мера – обязательная верификация результатов судьёй, фиксация взаимодействий с системой, обезличивание данных, запрет персонифицированного анализа. Координировать эту работу будет Центр судебных компетенций в сфере ИИ. Для законотворчества важен сам подход: внедрение ИИ в правовую сферу в целом возможно, но оно нуждается в организационных, этических и кадровых решениях – именно того, чего в нормотворческом процессе пока не хватает.

Этические и социальные риски

Отдельного разговора заслуживают этические и социальные риски. Сложность современных алгоритмов машинного обучения нередко делает их решения необъяснимыми для человека – это проблема «чёрного ящика» [5]. Если решение, принятое с помощью ИИ, невозможно аргументировать, его трудно обжаловать в суде, и это подрывает доверие к правовой системе в целом. Есть и более глубокая угроза – дегуманизация права. Право исторически опирается на ценностные суждения, принципы справедливости и учёт уникальных обстоятельств каждого случая. Как отмечается в доктрине, одним из самых проблемных остаётся вопрос о возможной правосубъектности искусственного интеллекта, о границах и рисках применения этой группы технологических решений в правотворческой деятельности [7]. Сведение сложных социальных вопросов к математическим моделям, игнорирование этических и моральных аспектов, потеря человеческого измерения в правотворчестве – эти риски заслуживают тщательного анализа и защитных механизмов. Одним из таких механизмов может стать требование обязательной объяснимости ИИ-рекомендаций. Ответственность при этом должна оставаться за человеком.

Наконец, цифровизация законотворчества упирается в деньги. Создание и поддержка ИИ-систем обходятся дорого, а окупаются они долго. Согласование и корректировка инициатив занимают годы. Когда нет ясного горизонта планирования и понятных методик оценки эффективности, инвестиции в LegalTech становятся малопривлекательными – и для государства, и для частных инвесторов.

Предложения

С учётом сказанного действовать нужно комплексно, а не точно. Первое – нормативная база. Нужен федеральный закон «Об искусственном интеллекте в государственном управлении», отраслевые стандарты применения ИИ в нормотворчестве, чёткие правила ответственности за алгоритмические решения и требование обязательной объяснимости ИИ-рекомендаций. Второе – цифровая инфраструктура. Не обойтись без единого национального корпуса правовых данных, открытых стандартов описания нормативных актов, поддержки отечественных LegalTech-платформ и тестовых полигонов, где ИИ-решения можно проверять в безопасном режиме. Третье – кадры и образование. Юридическим вузам стоит ввести специализацию «цифровое право», а для государственных служащих – организовать переподготовку.

Самостоятельный вопрос – теоретическое осмысление роли ИИ в правотворчестве. В рамках теории государства и права необходимо разработать концепцию гибридной субъектности правотворца. Она позволила бы юридически корректно описать участие алгоритмических систем в создании норм права. Без такой теоретической рамки любые законодательные решения в этой сфере рискуют остаться разрозненными и внутренне противоречивыми.

Полезно опереться и на модель, уже апробированную Верховным Судом РФ [3]. В частности, можно создать аналогичный Центр компетенций по ИИ при законодательном органе; закрепить обязательную верификацию ИИ-рекомендаций ответственным лицом; ввести декларирование использования ИИ при подготовке законопроектов; предусмотреть право заинтересованных сторон знать о применении ИИ и оспаривать его выводы.

Любое нововведение такого масштаба предполагает поэтапное внедрение. Логичнее всего выглядит трёхфазная модель. Первая, экспериментальная фаза (1-2 года) – пилотные проекты в отдельных ведомствах, чтобы отработать методики и выявить скрытые проблемы. Вторая, расширенная фаза (2-3 года) – интеграция удачных решений в ключевые законотворческие процессы. Третья, системная фаза (3-5 лет) – создание единой экосистемы цифрового нормотворчества, объединяющей все уровни государственного управления.

Выводы

Внедрение искусственного интеллекта в законотворчество и государственное регулирование России представляет собой клубок взаимосвязанных проблем. Но непреодолимыми они не выглядят. Нужен подход, в котором соединятся правовая определённость, технологический суверенитет, подготовка юристов нового типа, поэтапность внедрения и общественный диалог. Отдельного внимания требует теоретико-правовое осмысление субъектности ИИ в правотворчестве – без этого законодательные решения останутся

фрагментарными. Если барьеры удастся преодолеть, речь идёт не просто об ускорении работы: сам подход к созданию законов может стать более научно обоснованным, системным и ориентированным на результат. И тогда успешное внедрение ИИ в законотворчество способно дать толчок модернизации всей системы государственного управления России.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в ред. Указа Президента РФ от 15.02.2024 № 124) // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
2. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (в ред. от 15.02.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.07.2026)
3. Приказ Верховного Суда РФ от 3 сентября 2026 г. № 59-П «Об утверждении Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации» // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsrfl.ru> (дата обращения: 15.07.2026)
4. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М.: НОРМА, 2023. 278 с.
5. Никитенко С.В. Объяснимость как основное юридическое свойство искусственного интеллекта // XXXV Международная научно-практическая конференция «Международные Плехановские Чтения» (секция аспирантов и молодых ученых): тезисы докладов. М., 2022.
6. Талапина Э.В. Искусственный интеллект и правовые экспертизы в государственном управлении // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 12, вып. 4. С. 865 – 881. DOI: 10.21638/spbu14.2021.404
7. Хабриева Т.Я. Право в реалиях технологической революции. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2025. 168 с.
8. Харитонов Ю.С. Правовые подходы к регулированию искусственного интеллекта: уроки китайского права // Lex Russica. 2025. Т. 78. № 5. С. 130 – 138. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.130-138
9. Цифровизация как фактор демократизации правотворчества (теоретико-правовой аспект) // Государственная власть и местное самоуправление. 2026. № 1. С. 31 – 35. DOI: 10.18572/1813-1247-2026-1-31-35
10. Цифровая трансформация в государственном управлении / под ред. Е.М. Стырина, Н.Е. Дмитриевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 209 с.
11. Черногор Н.Н. Теоретические проблемы интеграции искусственного интеллекта в государственно-правовую сферу // Журнал российского права. 2026. № 5. С. 5 – 20.
12. Емельянец А.Э. Использование искусственного интеллекта в законодательном процессе: перспективы и риски в контексте соблюдения прав человека // International Law Journal. 2025. Т. 8. № 6. С. 172 – 175.
13. European Commission. White Paper on Artificial Intelligence: A European approach to excellence and trust. Brussels, 19.02.2020. COM(2020) 65 final.
14. Rangone N., Megale L. Risks Without Rights? The EU AI Act's Approach to AI in Law and Rule-Making // European Journal of Risk Regulation. 2025. P. 1 – 16. DOI: 10.1017/err.2025.13
15. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. OJ L, 2024/1689

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 490 dated October 10, 2019, "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (as amended by Decree of the President of the Russian Federation No. 124 dated February 15, 2024). Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2019. No. 41. Art. 5700.
2. National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030: approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 490 dated October 10, 2019 (as amended on February 15, 2024). Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 15.07.2026)
3. Order of the Supreme Court of the Russian Federation No. 59-P dated September 3, 2026, "On Approving the Concept for Implementing Artificial Intelligence Technologies in Judicial Proceedings of the Russian Federation". Official Website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://www.vsrfl.ru> (date of access: 15.07.2026)
4. Amelin R.V., Channov S.E. The Evolution of Law Under the Influence of Digital Technologies. Moscow: NORMA, 2023. 278 p.

5. Nikitenko S.V. Explainability as a fundamental legal property of artificial intelligence. XXXV International Scientific and Practical Conference "International Plekhanov Readings" (Section for Postgraduate Students and Young Scientists): Conference Abstracts. Moscow, 2022.
6. Talapina E.V. Artificial intelligence and legal expert assessments in public administration. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2022. Vol. 12. No. 4. P. 865 – 881. DOI: 10.21638/spbu14.2021.404
7. Khabrieva T.Ya. *Law in the Realities of the Technological Revolution*. Moscow: NORMA: INFRA-M, 2025. 168 p.
8. Kharitonova Yu.S. Legal Approaches to Artificial Intelligence Regulation: Lessons from Chinese Law. *Lex Russica*. 2025. Vol. 78. No. 5. P. 130 – 138. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.130-138
9. Digitalization as a Factor in the Democratization of Law-Making (Theoretical-Legal Aspect). *State Power and Local Self-Government*. 2026. No. 1. P. 31 – 35. DOI: 10.18572/1813-1247-2026-1-31-35
10. *Digital Transformation in Public Administration*. Ed. by E.M. Styurin, N.E. Dmitrieva. Moscow: HSE Publishing House, 2023. 209 p.
11. Chernogor N.N. Theoretical Problems of Integrating Artificial Intelligence into the Sphere of State and Law. *Journal of Russian Law*. 2026. No. 5. P. 5 – 20.
12. Emelyantsev A.E. The Use of Artificial Intelligence in the Legislative Process: Prospects and Risks in the Context of Human Rights Compliance. *International Law Journal*. 2025. Vol. 8. No. 6. P. 172 – 175.
13. European Commission. White Paper on Artificial Intelligence: A European approach to excellence and trust. Brussels, 19.02.2020. COM(2020) 65 final.
14. Rangone N., Megale L. Risks Without Rights? The EU AI Act's Approach to AI in Law and Rule-Making. *European Journal of Risk Regulation*. 2025. P. 1 – 16. DOI: 10.1017/err.2025.13
15. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). *Official Journal of the European Union*. 2024. OJ L, 2024/1689

Информация об авторе

Омельченко В.О., аспирант, Частное образовательное учреждение высшего образования Юридический институт, г. Санкт-Петербург

© Омельченко В.О., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 342.8

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-92-98

Избирательные права инвалидов в Российской Федерации: правовое регулирование и организационные механизмы реализации

¹ Ныркова Т.Ю.,

¹ Амурский государственный университет

Аннотация: статья посвящена исследованию правовых и организационных аспектов реализации избирательных прав граждан с инвалидностью в Российской Федерации. На основе анализа Федерального закона № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», Конвенции ООН о правах инвалидов и правоприменительной практики избирательных комиссий рассматриваются гарантии активного и пассивного избирательного права инвалидов. Особое внимание уделяется нормативным изменениям последних лет, направленным на адаптацию избирательных процедур к потребностям лиц с ограниченными возможностями здоровья, включая внедрение ассистивных технологий, организацию информационной работы с использованием доступных форматов и межведомственное взаимодействие комиссий с органами социальной защиты и общественными организациями инвалидов.

В работе рассмотрены вопросы организационного, технологического и информационного характера, а также обоснована посредническая функция избирательных комиссий, выходящая за рамки их формальной компетенции и способствующая устранению барьеров, препятствующих реализации избирательных прав инвалидов. Сделан вывод о том, что сформированная правовая и организационная инфраструктура создаёт необходимые предпосылки для полноценного участия граждан с инвалидностью в выборах.

Ключевые слова: инвалиды, пассивное избирательное право, активное избирательное право, Федеральный закон № 67-ФЗ, Конвенция о правах инвалидов, избирательные комиссии, доступность выборов, ассистивные технологии, посредническая функция

Для цитирования: Ныркова Т.Ю. Избирательные права инвалидов в Российской Федерации: правовое регулирование и организационные механизмы реализации // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 5. С. 92 – 98. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-92-98

Поступила в редакцию: 5 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 14 октября 2026 г.

Electoral rights of persons with disabilities in the Russian Federation: legal regulation and organizational mechanisms of implementation

¹ Nyrkova T.Yu.,

¹ Amur State University

Abstract: the article is devoted to the study of the legal and organizational aspects of the implementation of the electoral rights of citizens with disabilities in the Russian Federation. Based on the analysis of Federal Law № 67-FZ «On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right of Citizens of the Russian Federation to Participate in a Referendum», the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities and the law enforcement practice of

election commissions, guarantees of active and passive suffrage of persons with disabilities are considered. Special attention is paid to the regulatory changes in recent years aimed at adapting electoral procedures to the needs of people with disabilities, including the introduction of assistive technologies, the organization of information work using accessible formats, and interdepartmental interaction of commissions with social protection authorities and public organizations of people with disabilities.

The paper considers issues of an organizational, technological and informational nature, as well as substantiates the mediation function of election commissions that go beyond their formal competence and contribute to the removal of barriers preventing the exercise of the electoral rights of persons with disabilities. It is concluded that the formed legal and organizational infrastructure creates the necessary prerequisites for the full participation of citizens with disabilities in elections.

Keywords: disabled people, passive suffrage, active suffrage, Federal Law № 67-FZ, Convention on the Rights of Persons with Disabilities, election commissions, accessibility of elections, assistive technologies, mediation function

For citation: Nyrkova T.Yu. Electoral rights of persons with disabilities in the Russian Federation: legal regulation and organizational mechanisms of implementation. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (5). P. 92 – 98. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-92-98

The article was submitted: August 5, 2026; Approved after reviewing: September 3, 2026; Accepted for publication: October 14, 2026.

Введение

В структуре участников электоральных правоотношений особый правовой статус имеют граждане, относящиеся к категории лиц с ограниченными возможностями здоровья. В отношении данной группы субъектов законодателем предусматривается особый режим правового регулирования, предполагающий предоставление дополнительных государственных гарантий реализации избирательных прав в целях обеспечения принципа равенства и всеобщности голосования.

Обращение к теме вызвано тремя группами причин: международно-правовыми (Конвенция ООН), нормативными (изменения федерального законодательства, рекомендации ЦИК РФ), организационными (возрастающая роль межведомственного взаимодействия и расширительное толкование компетенции избирательных комиссий в части решения инфраструктурных проблем, сопутствующих реализации избирательных прав инвалидов, что формирует новый вектор правоприменительной практики, требующий осмысления с позиций юридической доктрины).

Автор анализирует правовое положение инвалидов на выборах и механизмы обеспечения их доступа к голосованию. Для этого изучается эволюция законодательства, оценивается работа избирательных комиссий (включая их нестандартные практики) и обобщается накопленный опыт.

Материалы и методы исследований

Методологический аппарат исследования определён спецификой объекта исследования - общественных отношений, складывающихся в сфере реализации избирательных прав граждан с ограниченными возможностями здоровья, – и предмета, охватывающего совокупность правовых норм, организационных процедур и практики их применения.

Материальную базу исследования образуют три группы источников. Во-первых, нормативные правовые акты: Конституция РФ (ст. 32), Конвенция ООН о правах инвалидов, Федеральный закон № 67-ФЗ, а также подзаконные акты ЦИК России. Во-вторых, правоприменительные материалы, в том числе данные о деятельности региональных избирательных комиссий и статистические сведения о кандидатах с инвалидностью. В-третьих, доктринальные источники – научные публикации в области избирательного права, позволяющие соотнести выводы автора с существующими научными подходами.

Методологическая основа включает формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой методы, а также анализ правоприменительной практики и обобщение полученных результатов. Информационную базу составили официальные данные ЦИК России, региональных избирательных комиссий и справочно-правовые системы.

Результаты и обсуждения

Правовой статус лиц с инвалидностью, как участников избирательного процесса, базируется на международных стандартах и нормативных правовых актах Российской Федерации.

Ключевым фактом, определившим вектор развития российского законодательства в данной сфере, стала ратификация [1] в 2012 году Конвенции ООН о правах инвалидов (подписана в 2008 году) (далее – Конвенция). В рамках данной Конвенции (ст. 29) гарантии участия инвалидов в избирательном процессе охватывают следующие направления. Во-первых, это обеспечение реализации как активного, так и пассивного избирательного права наравне с другими гражданами. Во-вторых, это адаптация всех этапов избирательного процесса – от помещений до бюллетеней – с учётом особых потребностей, а также защиту тайны голосования.

Конституционно-правовое регулирование избирательных правоотношений основывается на положении статьи 32 Основного Закона [2], в соответствии с которым каждый дееспособный гражданин Российской Федерации наделяется правом избирать и быть избранным в органы публичной власти.

Нормотворческая практика последних лет свидетельствует о систематической модернизации Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ [3] в части, касающейся обеспечения избирательных прав лиц с ограниченными возможностями здоровья. В базовый законодательный акт, регламентирующий избирательный процесс, последовательно инкорпорируются новеллы, призванные нивелировать имеющиеся барьеры и создать эффективные механизмы реализации электоральных прав указанной категории граждан.

Следует отметить, что до ратификации Конвенции в избирательное законодательство Российской Федерации были внесены коррективы [4], устанавливающие дополнительные гарантии для избирателей с инвалидностью:

- обязанность соответствующих органов представлять данные о численности инвалидов по группам инвалидности два раза в год для планирования мер по обеспечению доступности избирательных участков;
- право кандидата, являющегося инвалидом, на помощь другого лица, полномочия которого должны быть нотариально удостоверены, при написании заявления о согласии баллотироваться, заверении иных документов;
- обязанность комиссий обеспечивать надлежащее информирование участников электоральных процедур, относящихся к категории инвалидов;
- право инвалидов по зрению на ознакомление с информационными материалами, выполненными крупным шрифтом и шрифтом Брайля (перечень таких участков утверждается соответствующей избирательной комиссией);
- право на помощь другого лица при заполнении бюллетеня (при условии, что это лицо не является членом комиссии, кандидатом или наблюдателем).

Однако практика проведения избирательных кампаний выявила недостаточность существовавших механизмов учёта потребностей граждан с инвалидностью, что обусловило необходимость дальнейшего совершенствования законодательного регулирования в данной сфере.

В частности, установлены законодательные требования к обустройству мест для голосования, которые предписывают создание условий, исключающих какие-либо барьеры для доступа и голосования лиц с инвалидностью. Кроме того, на стадии голосования предусмотрена помощь таким гражданам, направленная на реализацию их активного избирательного права, с соблюдением предписаний федеральных законов [5].

Результатом последующих проводимых реформ стало внедрение системного подхода к сбору и актуализации данных об избирателях-инвалидах: Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации обязан предоставлять детализированные сведения о численности таких граждан с разбивкой не только по группам инвалидности, но и по видам функциональных нарушений, включая нарушения зрения, слуха и опорно-двигательного аппарата. Параллельно на региональные органы соцзащиты и соцподдержки инвалидов возложена обязанность организационно-технического содействия избирательным комиссиям и адресной помощи самим инвалидам на основе специальных соглашений [6].

Следует отметить, что основополагающим документом, детально регламентирующим организацию работы избирательных комиссий с инвалидами, стали Рекомендации, утверждённые постановлением ЦИК России от 29.07.2020 № 262/1933-7 [7] (далее – Рекомендации). Данный акт определяет направления деятельности избирательных комиссий всех уровней по созданию условий для реализации избирательных прав четырёх основных категорий инвалидов: слепых и слабовидящих, глухих, слепоглухих, а также лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Обновлённая 16.07.2025 редакция Рекомендаций позволяет выявить актуальные приоритеты государственной политики в исследуемой сфере.

Во-первых, уточнён терминологический аппарат. Введено определение «переводчик русского жестового языка», которое объединяет понятия сурдопереводчика (перевод между устной речью и жестовым языком) и тифлосурдопереводчика (обеспечение коммуникации со слепоглухими через тактильные методы). Данное уточнение имеет принципиальное значение, поскольку слепоглухие избиратели – одна из наиболее уязвимых групп, нуждающихся в специальных формах сопровождения.

Во-вторых, детализированы требования к оснащению специальных кабин для тайного голосования: их конструкция должна учитывать потребности избирателей, использующих инвалидные коляски, и строго соответствовать техническим нормативам, установленным ЦИК России.

В-третьих, закреплена возможность выбора специально оборудованного избирательного участка посредством личного кабинета на портале «Госуслуги». Одновременно в качестве допустимого канала информирования определены электронная почта и иные электронные средства связи.

В-четвёртых, в Рекомендации включены нормы, предписывающие избирательным комиссиям оказывать поддержку кандидатам с инвалидностью, в том числе путём организации обучающих и разъяснительных мероприятий во взаимодействии с общественными организациями инвалидов. Данное положение знаменует собой развитие правового регулирования в направлении обеспечения пассивного избирательного права рассматриваемой категории граждан.

Следует подчеркнуть, что избирательное законодательство устанавливает ряд ограничений пассивного избирательного права, которые в равной степени применяются ко всем гражданам, включая инвалидов, и не имеют прямой связи с инвалидностью. Они применяются ко всем гражданам без исключения и обусловлены стремлением законодателя обеспечить высокие морально-этические стандарты для лиц, претендующих на занятие публичных должностей. Единственное ограничение, прямо связанное со здоровьем гражданина, содержится в п. 3 ст. 4 Федерального закона № 67-ФЗ: «Не имеют права избирать, быть избранными... граждане, признанные судом недееспособными». Данная норма соответствует конституционному принципу и международной практике, поскольку предполагает отсутствие у лица способности самостоятельно осуществлять свои права и обязанности. Подобные ограничения не рассматриваются как дискриминационные, поскольку они основаны на объективных критериях, устанавливаемых судом. При этом законодательство не устанавливает специальных квот для людей с инвалидностью при выборах, поэтому их число в парламенте складывается стихийно – кто-то из кандидатов с таким статусом получает депутатский мандат, кто-то нет. Сколько граждан, имеющих инвалидность, баллотируется на соответствующих выборах можно узнать только из новостных лент. Например, по данным Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан, на выборах различных уровней в 2023 году в регионе было зарегистрировано 138 кандидатов из числа граждан, имеющих инвалидность [8].

Это подтверждает, что при наличии должной организационной поддержки инвалиды готовы и способны участвовать в политической жизни общества.

Таким образом, объем работы избирательных комиссий всех уровней состоит из комплекса организационных, информационных и методических мер, включающих создание специальных рабочих групп, межведомственное взаимодействие с органами соцзащиты, Фондом пенсионного и социального страхования, общественными организациями инвалидов, а также адресную работу с конкретными избирателями по выявлению их потребностей в формах голосования, адаптацию информационных материалов (крупный шрифт, аудиоформат, шрифт Брайля), организацию доступных форм голосования (включая досрочное, вне помещения и дистанционное), оказание ситуационной помощи с участием волонтеров.

Вместе с тем, практика организации информационных встреч с общественными организациями инвалидов демонстрирует, что избирательные комиссии нередко сталкиваются с обращениями, выходящими за пределы их компетенции. Так, в ходе федеральной избирательной кампании 2021 года на встрече представителей Избирательной комиссии Амурской области с членами Амурской областной организации Всероссийского общества слепых (ВОС) были заявлены проблемы, не относящиеся к избирательному процессу, а именно: неудовлетворительное состояние подходов к остановочным пунктам общественного транспорта и несвоевременный вывоз твердых коммунальных отходов. Вместо отказа в рассмотрении данных обращений по мотиву отсутствия компетенции комиссия инициировала их передачу в адрес главы муниципального образования – мэра г. Благовещенска О.Г. Имамеева. В результате часть обозначенных проблем была разрешена, хотя и за пределами электорального периода [9].

Таким образом, избирательная комиссия фактически реализовала посредническую функцию, содействуя решению вопросов, находящихся вне предмета её ведения, но имеющих значение для доступности избирательных процедур для граждан с инвалидностью.

Кроме того, в преддверии выборов депутатов федерального парламента девятого созыва внесены коррективы в нормативы технологического оснащения участковых избирательных комиссий [10]. Обновлённые требования учитывают необходимость адаптации оборудования для голосования к потребностям избирателей с ограниченными возможностями здоровья (например, кабины для тайного голосования, ассистивные устройства для слепых и слабовидящих, инвалидов по слуху).

Не претендуя на всесторонний анализ комплекса организационно-технических преобразований, реализуемых в целях формирования доступной электоральной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья и подробно освещённых в современной науке избирательного права [11], полагаем целесообразным акцентировать внимание на вывод Гурцкой Д.Г. и Ниточкина Ф.В. о том, что многие требования к доступности от рекомендательного характера трансформировались в нормативные предписания [11].

Выводы

Проведённый анализ позволяет констатировать, что в Российской Федерации сформирована развитая и многоуровневая правовая база, обеспечивающая реализацию избирательных прав граждан с инвалидностью. Конституционные гарантии, закреплённые в статье 32 Основного Закона, находят своё развитие в Федеральном законе № 67-ФЗ, который регулярно дополняется нормами, направленными на адаптацию избирательных процедур к потребностям лиц с ограниченными возможностями здоровья. Ратификация Конвенции демонстрирует признание Российской Федерации международных стандартов доступности выборов.

Избирательными комиссиями всех уровней проводится комплексная работа, предполагающая межведомственное взаимодействие с органами социальной защиты, Фондом пенсионного и социального страхования, общественными организациями инвалидов, а также волонтерскими структурами, что позволяет обеспечивать персонифицированный подход к каждой категории граждан с ограниченными возможностями. Использование и внедрение специализированных ассистивных устройств, адаптированных информационных материалов, применение различных форм голосования, свидетельствуют о стремлении создать условия для максимально полной реализации избирательной правосубъектности инвалидов.

Интерес представляет деятельность избирательных комиссий (на примере Амурской области), выходящая за рамки их прямой компетенции. Правоприменительная практика свидетельствует, что комиссии нередко аккумулируют обращения граждан с инвалидностью по вопросам, не имеющим прямого отношения к организации выборов (неудовлетворительное состояние прилегающей инфраструктуры, доступность социально значимых объектов), и выступают инициаторами их разрешения перед органами местного самоуправления и иными уполномоченными органами. В указанном контексте комиссии выполняют посредническую функцию, содействуя устранению препятствий для полноценной реализации избирательных прав инвалидов. Подобная практика, хотя и не отнесена законом к числу обязательных направлений работы комиссий, объективно формирует благоприятные условия для участия данной категории граждан в выборах.

Следовательно, правовые и организационные основы, сложившиеся в Российской Федерации и дополняемые расширительным подходом комиссий к собственным функциям, создают необходимые условия для осуществления конституционного права инвалидов избирать и быть избранными на конституционно гарантированном уровне. Перспективы повышения эффективности связаны с дальнейшим развитием механизмов межведомственного взаимодействия.

Список источников

1. Федеральный закон от 03.05.2012 № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2280.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/>
3. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 26.07.2026) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
4. Федеральный закон от 14.06.2011 № 143-ФЗ (ред. от 22.02.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования механизмов обеспечения избирательных прав граждан» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 25. Ст. 3536.

5. Федеральный закон от 01.12.2014 № 419-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 49 (часть VI). Ст. 6928.

6. Федеральный закон от 01.06.2017 № 104-ФЗ (ред. от 29.05.2023) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 23. Ст. 3227.

7. Постановление ЦИК России от 29.07.2020 № 262/1933-7 (ред. от 16.07.2025) «О Рекомендациях по обеспечению избирательных прав граждан Российской Федерации, являющихся инвалидами, при проведении выборов в Российской Федерации» // Вестник ЦИК России. 2020. № 6.

8. Вестник Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL : https://www.cikrb.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=75945 (дата обращения: 22.07.2026)

9. Новости: В Благовещенске обустраивают тротуар для удобства слабовидящих горожан [Электронный ресурс]. URL : <https://www.amur.life/news/2021/09/22/v-blagoveschenske-v-astrahanovke-obustroyat-trotuar-dlya-udobstva-slabovidyaschih-gorozhan> (дата обращения : 22.06.2026)

10. Постановление ЦИК России от 29.01.2014 N 214/1405-6 (ред. от 28.04.2021) «О нормативах технологического оборудования для участковых комиссий при проведении выборов, референдумов в Российской Федерации» // Вестник ЦИК России. 2014. № 2.

11. Гурцкая Д.Г., Ниточкин Ф.В. Создание безбарьерной среды для избирателей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья: от рекомендаций к нормативным требованиям // Избирательное законодательство и практика. 2026. № 2. С. 9 – 18.

References

1. Federal Law of 03.05.2012 No. 46-FZ "On Ratification of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities". Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 19. Article 2280.

2. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/>

3. Federal Law of 12.06.2002 No. 67-FZ (as amended on 26.07.2026) "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in Referendums of Citizens of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 24. Art. 2253.

4. Federal Law of 14.06.2011 No. 143-FZ (as amended on 22.02.2014) "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Order to Improve the Mechanisms for Ensuring Citizens' Electoral Rights". Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 25. Art. 3536.

5. Federal Law of 01.12.2014 No. 419-FZ (as amended on 12.12.2023) "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Issues of Social Protection of Disabled Persons in Connection with Ratification of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities". Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 49 (Part VI). Art. 6928.

6. Federal Law of 01.06.2017 No. 104-FZ (as amended on 29.05.2023) "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 23. Article 3227.

7. Resolution of the Central Election Commission of Russia of 29.07.2020 No. 262/1933-7 (as amended on 16.07.2025) "On Recommendations for Ensuring the Electoral Rights of Citizens of the Russian Federation with Disabilities During Elections in the Russian Federation". Bulletin of the Central Election Commission of Russia. 2020. No. 6.

8. Bulletin of the Central Election Commission of the Republic of Bashkortostan [Electronic resource]. URL: https://www.cikrb.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=75945 (date of access: 22.07.2026)

9. News: In Blagoveshchensk, a sidewalk will be installed for the convenience of visually impaired citizens [Electronic resource]. URL: <https://www.amur.life/news/2021/09/22/v-blagoveschenske-v-astrahanovke-obustroyat-trotuar-dlya-udobstva-slabovidyaschih-gorozhan> (date of access: 22.06.2026)

10. Resolution of the Central Election Commission of Russia dated 29.01.2014 N 214/1405-6 (as amended on 28.04.2021) "On the standards of technological equipment for precinct commissions during elections and referendums in the Russian Federation"ю Bulletin of the Central Election Commission of Russia. 2014. No. 2.

11. Gurtzkaya D.G., Nitochkin F.V. Creating a barrier-free environment for voters with disabilities and limited health capabilities: from recommendations to regulatory requirementsю Electoral legislation and practice. 2026. No. 2. P. 9 – 18.

Информация об авторе

Ныркова Т.Ю., кандидат юридических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-1337-6211>, SPIN-код 1207-3537, Амурский государственный университет, nurkova2004@mail.ru

© Ныркова Т.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 343.9

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-99-106

Цифровая трансформация преступности в России

¹ Филиппова Е.О.,

¹ Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко

Аннотация: в статье рассматривается процесс цифровой трансформации преступности в Российской Федерации как самостоятельное криминологическое и уголовно-правовое явление. Анализируются изменения в структуре, способах и географии преступных посягательств, вызванные распространением информационно-телекоммуникационных технологий, средств анонимизации и цифровых финансовых инструментов. Особое внимание уделено соотношению действующих норм Уголовного кодекса Российской Федерации с новыми формами общественно опасного поведения, а также проблемам квалификации, доказывания и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием сети «Интернет». Следует отметить, что цифровизация не породила принципиально новых мотивов преступного поведения, однако существенно изменила инструментарий и масштаб причиняемого вреда. Автор приходит к выводу о необходимости выработки согласованного подхода, сочетающего точечное обновление уголовного закона, развитие процессуальных механизмов работы с электронными доказательствами и усиление межведомственного и международного взаимодействия.

Ключевые слова: цифровая преступность, киберпреступность, уголовное право, информационные технологии, электронные доказательства, мошенничество, персональные данные, криптовалюта, предупреждение преступлений, уголовная политика

Для цитирования: Филиппова Е.О. Цифровая трансформация преступности в России // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 5. С. 99 – 106. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-99-106

Поступила в редакцию: 10 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 14 октября 2026 г.

The digital transformation of crime in Russia

¹ Filippova E.O.,

¹ Orenburg State University named after V.A. Bondarenko

Abstract: the article examines the process of digital transformation of crime in the Russian Federation as an independent criminological and criminal-legal phenomenon. The changes in the structure, methods, and geography of criminal offenses caused by the spread of information and telecommunications technologies, anonymization tools, and digital financial instruments are analysed. Special attention is paid to the relationship between the current provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and new forms of socially dangerous behaviour, as well as to the problems of classification, proof, and prevention of crimes committed using the Internet. It should be noted that digitalization has not created fundamentally new motives for criminal behavior, but it has significantly changed the tools and the scale of the harm caused. The author concludes that it is necessary to develop a coordinated approach that combines targeted updates to criminal law, the development of procedural mechanisms for working with electronic evidence, and the strengthening of interdepartmental and international cooperation.

Keywords: digital crime, cybercrime, criminal law, information technology, electronic evidence, fraud, personal data, cryptocurrency, crime prevention, criminal policy

For citation: Filippova E.O. The digital transformation of crime in Russia. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (5). P. 99 – 106. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-99-106

The article was submitted: August 10, 2026; Approved after reviewing: September 7, 2026; Accepted for publication: October 14, 2026.

Введение

Преступность всегда следует за экономикой и технологиями. Там, где появляется новый способ создавать, хранить и передавать ценность, вскоре возникает и способ ее противоправного присвоения. Цифровая среда изменила почти все стороны повседневной жизни, и было бы наивно полагать, что она обошла стороной сферу общественно опасного поведения. За последние полтора десятилетия структура преступности в России изменилась заметно, и это изменение носит не количественный, а качественный характер. Стремительное развитие информационных технологий и глобализация общества открыли новые горизонты для человечества, но вместе с тем создали благоприятную почву для киберпреступлений [15].

Официальная статистика подтверждает устойчивую тенденцию. Доля преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, выросла до значений, которые еще недавно казались невозможными, и в отдельные периоды приближается к трети всех зарегистрированных деяний. И это только та часть, которая стала известна правоохранительным органам. Латентность в этой сфере высока, поскольку потерпевшие далеко не всегда обращаются с заявлениями, а иногда даже не осознают, что стали жертвами.

Страшны не столько сами киберпреступления, сколько их последствия. Последствия могут быть разрушительными как для индивидуальных пользователей, так и для организаций. Прежде всего - финансовые потери. Мошенничество и кража материальных средств могут нанести значительный ущерб финансовым ресурсам физического лица или компании. Так, только по официальным данным за 2022–2024 годы в России было зафиксировано около 1,5 млн преступлений в ИТ-сфере, кибермошенники похитили у россиян более 350 млрд рублей [11].

Термин «цифровая трансформация преступности» следует понимать шире, чем привычное словосочетание «компьютерные преступления». Речь идет не только о посягательствах, где компьютерная информация выступает предметом или орудием, но и о глубоком переустройстве всей криминальной деятельности. Меняются способы совершения традиционных преступлений, меняется способ коммуникации между соучастниками, меняется рынок запрещенных товаров и услуг, меняются приемы легализации преступных доходов. Думается, что именно комплексность этих изменений и составляет суть явления.

Представляется возможным выделить несколько узловых проблем, вокруг которых и строится дальнейшее изложение. Это проблема квалификации новых способов посягательств, проблема доказывания в условиях транснациональности и анонимности, а также проблема предупреждения, которое перестает быть исключительно национальной задачей.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: сравнительный анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научных документов. Проведен сравнительный анализ полученных данных, выявлены зависимости и закономерности.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная, правовая литература.

Результаты и обсуждения

Криминальные группировки активно используют современные цифровые технологии для совершения «высокотехнологичных» преступлений, реализации новых способов осуществления «традиционных» преступлений и правонарушений, создания систем конспирации и скрытой связи, а также для противодействия правоохранительным органам [14].

Этими обстоятельствами обусловлена необходимость использования цифровых средств выявления, фиксации, сохранения, автоматизированной обработки и исследования криминалистически значимой доказательственной и ориентирующей информации в компьютерных системах и средствах [12].

Следует начать с того, что цифровая трансформация затронула прежде всего преступления против собственности. Мошенничество превратилось в отрасль с разделением труда, собственной инфраструктурой и почти промышленной организацией. Статья 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) [2] по-прежнему остается основой квалификации, однако практика все чаще обращается к статье 159.6 УК РФ, посвященной мошенничеству в сфере компьютерной информации. Разграничение этих составов вызывает трудности. Классическое мошенничество предполагает обман или злоупотребление доверием, то есть воздействие на волю человека. Статья 159.6 УК РФ говорит о вмешательстве в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации. И когда преступник звонит жертве, представляется сотрудником банка и убеждает перевести деньги, воздействие оказывается на человека, а не на информационную систему, поэтому применяется общая норма о мошенничестве.

Развитие современных информационных технологий порождает новые вызовы государственной и общественной безопасности [9]. Телефонное и интернет-мошенничество стало массовым явлением. Схемы с ложными звонками от имени банков, правоохранительных органов и государственных сервисов приобрели устойчивую форму. Злоумышленники используют технологии подмены номеров, заранее собранные персональные данные потерпевших и приемы психологического давления. Думается, что здесь проявляется важная особенность цифровой преступности. Технология не заменяет обман, она усиливает его, делая более правдоподобным и массовым. Одна преступная группа способна за короткое время связаться с тысячами потенциальных жертв, чего никогда не позволяла уличная или контактная преступность прошлого.

Отдельного внимания заслуживают преступления, где компьютерная информация является непосредственным предметом посягательства. Глава 28 УК РФ содержит нормы, которые долгое время применялись редко, но сегодня приобрели практическое значение. Статья 272 УК РФ устанавливает ответственность за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это повлекло уничтожение, блокирование, модификацию или копирование информации. Статья 273 УК РФ карает создание, распространение и использование вредоносных компьютерных программ. Статья 274 УК РФ говорит о нарушении правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации. Эти составы образуют ядро уголовно-правовой защиты информационной безопасности.

Практика применения главы 28 УК РФ обнажает несколько сложностей. Прежде всего, это установление момента окончания преступления и объема наступивших последствий. Копирование информации может произойти мгновенно, но обнаружиться спустя месяцы. Далее, это разграничение неправомерного доступа и использования вредоносной программы, поскольку эти действия нередко образуют единую цепочку. Следует отметить, что суды не всегда единообразно оценивают, когда деяние охватывается одной статьей, а когда требует совокупности. И наконец, это оценка размера ущерба, который в цифровой среде складывается не только из прямых потерь, но и из расходов на восстановление систем, простая и репутационного вреда.

Для подготовки, совершения и сокрытия как преступлений в сфере компьютерной информации (глава 28 УК РФ), так и других видов преступлений, совершаемых с использованием компьютерных средств и систем (краж, мошенничеств, убийств, организации массовых беспорядков и террористических актов, незаконного оборота наркотических средств, преступлений в банковской сфере), используется зачастую одно и то же информационно-компьютерное обеспечение [13].

Вредоносное программное обеспечение изменилось качественно. Программы-вымогатели, шифрующие данные жертвы с последующим требованием выкупа, стали одной из самых прибыльных форм киберпреступности. Такое деяние обычно квалифицируется по совокупности ст. 273 и ст. 163 УК РФ, устанавливающей ответственность за вымогательство. Но конструкция вымогательства предполагает требование, соединенное с угрозой, обращенное к конкретному лицу. В случае автоматизированной атаки, поражающей множество систем одновременно, привязка к персональной угрозе становится условной. Представляется возможным, что законодательно рано или поздно придется рассмотреть вопрос о специальной норме, учитывающей особенности такого посягательства.

Цифровая трансформация изменила и рынок запрещенных товаров. Незаконный оборот наркотических средств во многом переместился в онлайн-пространство. Сбыт организуется через закрытые площадки, оплата производится криптовалютой, а передача товара осуществляется бесконтактным способом через тайники. Статья 228.1 УК РФ предусматривает квалифицирующий признак совершения преступления с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Введение этого признака отразило понимание того, что цифровой способ сбыта повышает общественную опасность деяния, поскольку расширяет круг потенциальных приобретателей и затрудняет выявление организаторов.

Здесь проявляется характерная для цифровой преступности фрагментация ролей. Организатор площадки, оператор, обеспечивающий связь, «закладчик», размещающий тайники, лицо, отвечающее за прием платежей, могут никогда не встречаться и не знать личности друг друга. Такая структура затрудняет доказывание соучастия и установление признаков организованной группы или преступного сообщества по ст. ст. 35 и 210 УК РФ. Следствие вынуждено реконструировать связи по цифровым следам, а не по показаниям участников, которые зачастую сами не осведомлены о полной картине.

Финансовая сторона преступности претерпела не меньшие изменения. Криптовалюта дала преступникам инструмент, который обладает высокой скоростью перемещения ценности и затрудненной прослеживаемостью. Легализация преступных доходов по ст. ст. 174 и 174.1 УК РФ приобрела новые формы. Средства дробятся, пропускаются через цепочки цифровых кошельков, обмениваются через сервисы, скрывающие происхождение активов. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] ввел базовые определения, но вопросы уголовно-правовой оценки операций с цифровой валютой во многом остаются открытыми. Правовая природа криптовалюты как предмета преступления и как средства платежа продолжает вызывать споры.

Отдельно стоит сказать о неправомерном обороте средств платежей. Статья 187 УК РФ охватывает изготовление, приобретение, хранение, транспортировку в целях сбыта и сбыт поддельных платежных карт, а также электронных средств и носителей информации, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи и перевода денежных средств. В цифровую эпоху предметом этого преступления все чаще выступают не физические карты, а реквизиты доступа, специальное программное обеспечение и так называемые дропперские счета. Практика постепенно адаптирует норму к новым реалиям, хотя ее формулировка создавалась с расчетом на материальные носители.

Персональные данные превратились в самостоятельный объект преступного интереса. Утечки баз данных, их продажа и использование для дальнейших посягательств образуют целую теневую экономику. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» [7] устанавливает требования к обработке и защите таких сведений, а Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает ответственность за их нарушение. Уголовно-правовая защита обеспечивается ст. 137 УК РФ о нарушении неприкосновенности частной жизни и ст. 272 УК РФ при неправомерном доступе. Следует отметить, что законодатель усилил внимание к этой сфере, введя специальные составы, направленные на противодействие незаконному обороту персональных данных, что отражает признание их особой ценности в цифровой среде.

Информационная инфраструктура государства и критически важных объектов получила специальную защиту. Федеральный закон от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [5] ввел систему требований к субъектам такой инфраструктуры. Статья 274.1 УК РФ установила ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру. Появление этой нормы отразило понимание того, что атака на объекты энергетики, транспорта, здравоохранения или финансовой системы способна причинить вред, несопоставимый с обычным имущественным ущербом. Здесь общественная опасность деяния определяется не только размером похищенного, но и угрозой нормальному функционированию жизненно важных систем.

Изменилась и коммуникация внутри преступной среды. Мессенджеры с шифрованием, анонимные сети, одноразовые каналы связи стали привычным инструментом. Это ставит перед следствием задачу, которая раньше решалась оперативным путем и агентурной работой, а теперь требует технических средств и специальных познаний. Возникает вопрос о пределах вмешательства в тайну переписки, охраняемую ст. 23 Конституции Российской Федерации [1] и ст. 138 УК РФ. Баланс между эффективностью расследования и защитой конституционных прав здесь особенно хрупок, и любое расширение полномочий должно сопровождаться усилением судебного контроля.

Доказывание в делах о цифровой преступности заслуживает отдельного рассмотрения. Электронное доказательство обладает свойствами, которые отличают его от традиционных источников. Оно легко копируется, но столь же легко изменяется или уничтожается. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в статье 74 [3] определяет доказательства и их виды, а ст. ст. 176 и 177 УПК РФ регулируют осмотр, в том числе осмотр предметов и документов. Изъятие электронных носителей информации регламентируется с учетом особенностей, закрепленных, в частности, в статье 164.1 УПК РФ, посвященной особенностям изъятия электронных носителей и копирования с них информации. Соблюдение процедуры здесь имеет решающее значение, поскольку нарушение порядка фиксации способно повлечь признание доказательства недопустимым по статье 75 УПК РФ.

Практика показывает, что типичной ошибкой становится ненадлежащее закрепление целостности данных. Если следствие не может доказать, что изъятая информация не подвергалась изменению, ценность такого доказательства падает. Отсюда требование к фиксации хэш-сумм, к участию специалиста, к подробному протоколированию всех действий с носителем. Думается, что стандарты работы с электронными доказательствами должны развиваться в сторону большей технической строгости, иначе разрыв между возможностями преступников и возможностями следствия будет только увеличиваться.

Трансграничность является, пожалуй, самой трудной чертой цифровой преступности. Преступник, потерпевший, серверная инфраструктура и похищенные средства могут находиться в разных юрисдикциях. Территориальный принцип действия уголовного закона, закрепленный в ст. 11 УК РФ, сохраняет силу, но его применение осложняется. Определение места совершения преступления, когда действия совершены в одной стране, а последствия наступили в другой, становится нетривиальной задачей. Институт международной правовой помощи по уголовным делам, урегулированный частью пятой Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, работает медленнее, чем перемещаются цифровые активы. И это создает объективный разрыв, который невозможно устранить одними лишь национальными средствами.

Следует акцентировать внимание на субъекте цифровой преступности. Он изменился. Раньше компьютерные преступления ассоциировались с одиночками, обладающими редкими техническими познаниями. Сегодня складывается модель, при которой глубокие технические навыки нужны лишь части участников. Появились сервисы, позволяющие совершать посягательства без специальной подготовки. Вредоносные программы, схемы, инструкции и доступы продаются как товар. Это снижает порог входа в преступную деятельность и вовлекает в нее людей, которые в иных условиях не стали бы правонарушителями. Криминологический портрет цифрового преступника становится разнообразнее, и в него все чаще попадают молодые люди, воспринимающие такую деятельность как заработок без серьезного осознания ее общественной опасности.

Вовлечение несовершеннолетних заслуживает особой тревоги. Роль «закладчика» или «дроппера» часто предлагается молодым людям через объявления о легком заработке. Формально исполняя лишь техническую функцию, такой участник становится звеном тяжкого преступления и несет ответственность наравне с другими соучастниками. Статья 33 УК РФ определяет виды соучастников, и исполнитель не освобождается от ответственности только потому, что не знал всей схемы. Профилактическая работа здесь должна опираться на разъяснение реальных правовых последствий, а не только на общие призывы.

Уголовная политика реагирует на цифровую трансформацию преступности несколькими способами. Первый способ состоит в дополнении существующих составов квалифицирующими признаками, отражающими использование информационно-телекоммуникационных сетей. Такой прием применен, например, в статье 228.1 УК РФ и ряде других норм. Он позволяет усилить ответственность без создания новых составов и сохраняет системность закона. Второй способ заключается в введении специальных составов, как это сделано со статьей 274.1 УК РФ. Третий способ связан с развитием процессуального инструментария и стандартов работы с цифровой информацией. Представляется, что наиболее устойчивым является сочетание всех трех способов, поскольку ни один из них по отдельности не покрывает всего многообразия проблем.

Важность противодействия указанным преступным деяниям подчеркивается и в Стратегии национальной безопасности РФ [6]. Кроме того, «создание системы эффективного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и снижения ущерба от их совершения» предусматривается в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [8].

Вместе с тем чрезмерное увлечение новыми нормами несет риск. Уголовный закон должен сохранять внутреннюю согласованность и не превращаться в набор ситуативных реакций на отдельные технологические новинки. Технологии меняются быстрее, чем законодательный процесс, и норма, написанная под конкретный технический прием, рискует устареть к моменту вступления в силу. Думается, что предпочтительнее формулировать составы в технологически нейтральных терминах, описывающих суть общественно опасного деяния, а не конкретное техническое средство. Такой подход дольше сохраняет применимость нормы и снижает потребность в частых поправках.

Следует заметить, что хотя информационные технологии предоставляют широкие возможности для противодействия преступности, их использование несет ряд рисков и вызывает опасения [10]. Предупреждение цифровой преступности не сводится к уголовной репрессии. Значительная часть посягательств становится возможной из-за низкой цифровой грамотности потенциальных жертв и недостаточной защищен-

ности информационных систем. Меры общего предупреждения включают повышение осведомленности граждан, установление обязательных требований к безопасности для операторов информационных систем и развитие механизмов быстрого реагирования на инциденты. Роль кредитных организаций здесь особенно велика, поскольку именно через банковскую систему проходят похищенные средства. Введение процедур приостановления подозрительных операций и обмена информацией о мошеннических счетах способно снизить результативность посягательств даже там, где установить и задержать преступника не удается.

Взаимодействие государства и частного сектора приобретает в этой сфере принципиальное значение. Основная часть цифровой инфраструктуры находится в руках частных компаний. Операторы связи, банки, площадки электронной коммерции, разработчики программного обеспечения обладают данными и техническими возможностями, без которых расследование затруднено. Правовое регулирование должно определить пределы и порядок такого сотрудничества так, чтобы оно не превращалось в неконтролируемый доступ к частной информации. Здесь снова проявляется потребность в балансе между интересами безопасности и защитой прав граждан, о котором уже говорилось применительно к тайне переписки.

Международное измерение проблемы невозможно игнорировать. Цифровая преступность по своей природе не признает границ, и национальные усилия дают ограниченный эффект без согласованных действий на межгосударственном уровне. Работа над международными договорами о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях идет, но продвигается непросто из-за различий в правовых системах и подходах к суверенитету в цифровой сфере. Следует отметить, что даже частичная гармонизация подходов к криминализации, к сбору и передаче электронных доказательств, к экстрадиции способна существенно повысить результативность борьбы с трансграничными посягательствами.

Обобщая рассмотренное, представляется возможным выделить несколько устойчивых закономерностей цифровой трансформации преступности. Она снижает порог входа в преступную деятельность и расширяет круг вовлеченных лиц. Она увеличивает масштаб причиняемого вреда при тех же усилиях преступника. Она размывает территориальную и персональную привязку деяния, затрудняя его квалификацию и расследование. И она превращает информацию в самостоятельную ценность, посягательство на которую способно причинить вред, сопоставимый с посягательством на материальные блага. Эти закономерности носят системный характер и требуют системного же ответа.

Действующее уголовное законодательство России в целом располагает инструментарием для реагирования на большинство форм цифровой преступности. Главы 21, 28 и ряд иных норм Уголовного кодекса Российской Федерации, дополненные квалифицирующими признаками и специальными составами, позволяют квалифицировать основную массу посягательств. Проблема лежит не столько в отсутствии норм, сколько в трудностях их применения. Доказывание, установление субъекта, определение места и момента совершения преступления, оценка размера вреда остаются наиболее уязвимыми точками. И именно на совершенствование правоприменения, а не только на изменение текста закона, следует направлять основные усилия.

Выводы

Цифровая трансформация преступности представляет собой не разовое явление, а длительный процесс, который будет продолжаться вместе с развитием технологий. Преступность адаптируется к цифровой среде быстро и гибко, используя ее скорость, анонимность и трансграничность. Уголовное право по своей природе консервативно и меняется медленнее, и в этом заложено объективное противоречие, полностью устранить которое невозможно. Задача состоит в том, чтобы удерживать разрыв в допустимых пределах, не допуская ситуации, когда закон систематически отстает от реальности.

Думается, что развитие уголовно-правового ответа должно идти по нескольким направлениям одновременно. Первое направление связано с сохранением системности закона и предпочтением технологически нейтральных формулировок, которые дольше остаются применимыми. Второе направление предполагает укрепление процессуальных стандартов работы с электронными доказательствами, поскольку именно здесь чаще всего рушатся перспективные дела. Третье направление охватывает развитие профилактики, которая должна опираться на повышение цифровой грамотности граждан и на обязательные требования к безопасности информационных систем. И четвертое направление требует углубления международного сотрудничества, без которого борьба с трансграничными посягательствами обречена на частичный успех.

Следует акцентировать внимание на том, что цифровая трансформация преступности не меняет природы уголовного права и не отменяет его базовых принципов. Принципы законности, вины, справедливости, закрепленные в ст. 3, 5 и 6 УК РФ, сохраняют полную силу и в цифровой среде. Новые технологии меняют способ совершения деяния и его масштаб, но не освобождают от необходимости устанавливать все эле-

менты состава преступления и доказывать вину конкретного лица. В этом смысле цифровая преступность является продолжением преступности вообще, а не ее заменой.

Представляется возможным заключить, что российская правовая система находится в стадии постепенной адаптации к новым условиям. Эта адаптация идет неравномерно, с опережением в одних сферах и отставанием в других. Успех будет зависеть не от количества принятых поправок, а от способности правоприменителя, законодателя и общества действовать согласованно. Только сочетание продуманной уголовной политики, высоких стандартов доказывания, эффективной профилактики и международного взаимодействия способно обеспечить адекватный ответ на вызов, который цифровая среда бросает правопорядку. И этот ответ придется искать постоянно, поскольку технологическое развитие не остановится, а вместе с ним не остановится и эволюция преступности.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
4. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/
5. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/
6. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/
7. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/
8. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/
9. Земцова С.И. Цифровая трансформация преступности как основа формирования методики расследования незаконного приобретения и сбыта объектов ограниченной оборотоспособности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2025. № 2 (71). С. 72 – 78.
10. Кубасов И.А. Обеспечение доверия к искусственному интеллекту в судебной и правоохранительной деятельности // Искусственный интеллект и большие данные (Big data) в судебной и правоохранительной системе: реалии и требование времени: материалы международной научно-практической конференции, Астана, 19 мая 2023 г. Косшы: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2023. С. 253 – 260.
11. Потери от киберпреступности // Официальный сайт Tadviser. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php>
12. Россинская Е.Р. Тренды развития криминалистики в условиях цифровой трансформации современной преступности // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 1. С. 162 – 173.
13. Россинская Е.Р., Рядовский И.А. Концепция вредоносных программ как способов компьютерных преступлений: классификации и технологии противоправного использования // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 5. С. 699 – 709.
14. Савенков А.Н. Противодействие киберпреступности в финансово-кредитной сфере как вектор обеспечения глобальной безопасности // Государство и право. 2017. № 10. С. 5 – 18.
15. Шевко Н.Р. Киберпреступность: цифровая трансформация преступности в киберпространстве // Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции: в 3 ч., Москва, 25 апреля 2025 года. Москва: Академия управления МВД России, 2025. С. 350 – 353.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on August 4, 2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001 (as amended on July 26, 2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
4. Federal Law No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated July 31, 2020 (latest version). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/
5. Federal Law No. 187-FZ "On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" dated July 26, 2017 (latest version). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/
6. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021, "On the National Security Strategy of the Russian Federation." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/
7. Federal Law "On Personal Data" No. 152-FZ dated July 27, 2006 (latest revision). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/
8. Decree of the President of the Russian Federation No. 309 dated May 7, 2024, "On National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and the Perspective up to 2036." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/
9. Zemtsova S.I. Digital Transformation of Crime as a Basis for Developing a Methodology for Investigating the Illegal Acquisition and Sale of Objects with Limited Circulation. Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (71). P. 72 – 78.
10. Kubasov I.A. Ensuring Trust in Artificial Intelligence in Judicial and Law Enforcement Activities. Artificial Intelligence and Big Data in the Judicial and Law Enforcement System: Realities and Demands of the Time: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Astana, May 19, 2023. Kossy: Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, 2023. P. 253 – 260.
11. Losses from Cybercrime. Official website of Tadviser. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php>
12. Rossinskaya E.R. Trends in the Development of Forensic Science Amidst the Digital Transformation of Modern Crime. Union of Criminalists and Criminologists. 2025. No. 1. P. 162 – 173.
13. Rossinskaya E.R., Ryadovsky I.A. The Concept of Malicious Software as a Means of Committing Computer Crimes: Classifications and Technologies of Illicit Use. All-Russian Criminological Journal. 2020. Vol. 14. No. 5. P. 699 – 709.
14. Savenkov A.N. Countering Cybercrime in the Financial and Credit Sector as a Vector for Ensuring Global Security. State and Law. 2017. No. 10. P. 5 – 18.
15. Shevko N.R. Cybercrime: Digital Transformation of Crime in Cyberspace. Forensic Science, Criminal Procedure, and Forensic Expertology in the 21st Century: Vectors of Development (Marking the 70th Anniversary of the Department of Crime Investigation Agency Management at the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia): Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference: in 3 Parts, Moscow, April 25, 2025. Moscow: Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. P. 350 – 353.

Информация об авторе

Филиппова Е.О., кандидат педагогических наук, доцент, Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко, Elena56-75@mail.ru

© Филиппова Е.О., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 344.322

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-107-113

Эволюция содержания деятельности советских органов военного правосудия в годы Великой Отечественной войны

¹ Коваль С.П.,

¹ Ивановский государственный университет,

Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС РФ

Аннотация: в статье проанализированы особенности организации деятельности советских военно - судебных органов в годы Великой Отечественной войны. Исследуются особенности системы военных судов СССР, которая образовалась в годы войны. Анализируются положения нормативных актов, регулирующих деятельность военных трибуналов. Определяется особое место военно-полевых судов в советской судебной системе в военные годы и выделяется их процессуальная специфика деятельности. Обращается внимание на проблемы применения законов военного времени. Автором проведена классификация военно-судебных органов и изучена структура Военной коллегии Верховного Суда СССР. Рассматриваются вопросы проблемного характера, связанные с кадровым обеспечением деятельности военных трибуналов и отмечается важное место Военно-юридической академии в г. Москве в системе подготовки юристов для работы в военных условиях. Автор делает вывод, что в условиях войны обновленная военно-судебная система показала высокую стабильность и эффективную реализацию принципов советского правосудия. Оперативно реформировались органы советской юстиции для деятельности в годы войны. Практический опыт деятельности военных судов в период Великой Отечественной войны помогает органам современной системы военной юстиции укреплять законность и правопорядок в воинских частях и учреждениях.

Ключевые слова: военные трибуналы, война, суд, приговор, преступление, фронт, сессия, дивизия, армия

Для цитирования: Коваль С.П. Эволюция содержания деятельности советских органов военного правосудия в годы Великой Отечественной войны // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 5. С. 107 – 113. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-107-113

Поступила в редакцию: 5 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 14 октября 2026 г.

The evolution of the content of the activities of Soviet military justice bodies during the Great Patriotic War

¹ Koval S.P.,

¹ Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service

of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation

Abstract: the article analyzes the specific features of the organization of the activities of Soviet military judicial bodies during the Great Patriotic War. The article examines the characteristics of the system of military courts in the USSR, which emerged during the war years. It analyses the provisions of regulatory acts governing the activities of military tribunals. The special place of field military courts in the Soviet judicial system during the war years is identified, and their procedural specifics are highlighted. Attention is drawn to the problems of applying wartime

laws. The author has carried out a classification of military judicial bodies and studied the structure of the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR. The article examines problematic issues related to the staffing of military tribunals and highlights the important role of the Military Law Academy in Moscow in the system of training lawyers for work in military conditions. The author concludes that, under wartime conditions, the revamped military judicial system demonstrated high stability and effective implementation of the principles of Soviet justice. The Soviet judicial bodies were promptly reformed to operate during the war years. The practical experience of military courts during the Great Patriotic War helps the bodies of the modern military judicial system to strengthen legality and law and order in military units and institutions.

Keywords: military tribunals, war, court, verdict, crime, front, session, division, army

For citation: Koval S.P. The evolution of the content of the activities of Soviet military justice bodies during the Great Patriotic War. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (5). P. 107 – 113. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-107-113

The article was submitted: August 5, 2026; Approved after reviewing: September 2, 2026; Accepted for publication: October 14, 2026.

Введение

В начальный период Великой Отечественной войны проводилась активная перестройка функционирования всех элементов советского государственного механизма на военный лад, в том числе и органов советского правосудия. Решением Президиума Верховного Совета СССР от 30.06.1941 г. было принято Положение о военных трибуналах. На прифронтовых и фронтовых территориях СССР активно формировались военные трибуналы нового типа, способные оперативно разрешать дела о преступлениях против государственной безопасности и обороны. Решения военных трибуналов в отношении подсудимого изменялись в надзорном порядке, не обжаловались в суде кассационной инстанции.

Чрезвычайные военно-судебные органы в годы войны имели определенную систему, которая включала военные трибуналы фронтов, армий, корпусов и дивизий. Транспортные суды были объединены в особую систему военных трибуналов. Составы данных судов утверждались совместными решениями государственных органов юстиции, обороны и военно-морского флота СССР. Процессуальная деятельность военно-судебных органов регулировалась нормативными актами о военных трибуналах. Юрисдикционные полномочия военных трибуналов определялись статусом обвиняемых. «Согласно положению о военных трибуналах от 22 июля 1941 года, дивизионные трибуналы рассматривали дела в отношении рядового и младшего командного состава, трибуналы при корпусах – дела среднего командного состава, а трибуналы армий и фронтов – дела высшего командного состава. Высшие надзорные функции были закреплены за Верховным Судом СССР» [2, с. 292].

Материалы и методы исследований

Материалы исследования образуют советское судебное законодательство, правоприменительная практика военно-судебных органов, в условиях, которые имели экзистенциальный характер для советского общества и государства, а также материалы научных трудов, статей российских исследователей по данной тематике. Методологическую основу составили историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Историко-правовой метод предоставил возможность реконструировать модели правового статуса сотрудников военных трибуналов, норм и институтов судебного права в годы войны. Сравнительно-правовой подход помог увидеть тенденции развития института военных трибуналов в советском праве, на основе сравнения была проведена классификация военно-судебных органов. Системный метод исследования использовался при изучении различных элементов советской судебной системы в военные годы. С помощью формально-юридического метода анализировались нормативные акты советского судебного законодательства.

Результаты и обсуждения

Военные трибуналы, в начальный период войны, состояли из трех членов (народные заседатели отсутствовали). В июле 1942 г. военные трибуналы стали пополняться народными заседателями. Они делегировались командованием воинских частей и соединений. Фронтовое и армейское командование получило право приостанавливать исполнение приговоров о смертной казни. Об этом обязательно данным командованием сообщалось в Верховный суд СССР (военная коллегия). Отдельное управление центрального аппарата Народного комиссариата юстиции (НКЮ) СССР руководило работой военных трибуналов в годы

войны. В июле 1941 г. было сформировано 250 трибуналов дивизий и три фронтовых военных трибунала. В соответствии с решением Президиума Верховного Совета СССР от 6.07.1941 г., уголовные дела о распространении недостоверных сведений о войне передавались для разрешения военным трибуналам. Верховный суд СССР 14.08.1941 г. принял решение передать для разрешения военным трибуналам уголовные дела о преступлениях в военизированных добровольческих формированиях. 26 декабря 1941 г. «Необходимость повышения исполнительской дисциплины в значимых для фронта отраслях народного хозяйства обусловила мобилизацию рабочих (служащих) и закрепление их за предприятиями для постоянной работы. Самовольный уход с работы таких рабочих (служащих) приравнивался к дезертирству и наказывался тюремным заключением на срок от пяти до восьми лет. Данную категорию дел отнесли к подсудности военных трибуналов» [1, с. 39].

Суды общей юрисдикции на прифронтовых территориях в июле 1941 г. были реорганизованы в военные трибуналы. Верховный суд СССР и Верховный суд РСФСР выполняли надзорные функции в отношении данных военно-судебных органов. Участковые народные суды сохранялись в прифронтовой зоне и рассматривали, в основном, гражданские дела. Дела о преступлениях, совершенных военными, рассматривались военными трибуналами дивизий. «Военные трибуналы рассматривали дела о наиболее опасных для общества преступлениях в военное время, включая государственные преступления, преступления против социалистической собственности, о преступлениях, совершенных военными, об уклонении от службы, о разбое, об убийствах, о хранении оружия, о сопротивлении или неподчинении властям» [8, с. 150].

Военные трибуналы в годы войны можно разделить на две группы. Трибуналы, которые находились на военно-режимных территориях и в зонах боевого соприкосновения составили первую группу. На тыловых территориях располагались трибуналы второй группы. Деятельность военных трибуналов первой группы была направлена на поддержание правопорядка в воинских частях и подразделениях, на противодействие вражеской агентуре, а также на борьбу с преступлениями против основ советской государственности. Военные трибуналы второй группы разрешали дела о преступлениях, которые ослабляли обороноспособность страны, дезорганизовывали тыл и нарушали работу советского государственного механизма.

В годы войны в СССР была создана обновленная система военно-судебных органов. Высшей инстанцией данной системы была Военная коллегия Верховного суда СССР. Военные трибуналы гарнизонов и дивизий реализовывали свои полномочия в местах расположения армейских соединений и подразделений, выполняли функции судов первой инстанции. Военные трибуналы фронтов и военных округов выступали как суды первой и надзорной инстанций.

Основу системы военно-судебных органов в 1940 г. составляла организационная структура советских вооруженных сил. Перед войной трибуналы армейских корпусов составляли низовой элемент данной системы. Советско-финляндская война показала, что первичным элементом системы военных трибуналов должны быть трибуналы дивизий, потому что они являются самым мобильным и оперативным звеном данной системы. Корпусные военные трибуналы не могли быстро рассматривать судебные дела и оперативно применять наказания к нарушителям воинского правопорядка. В августе 1941 г. необходимость в создании трибуналов дивизий стала приобретать практическое разрешение.

В годы войны было изменено советское законодательство, регулирующее порядок судопроизводства в военных трибуналах. Реализация законодательства военного времени вызывала особые проблемы, связанные с различием правоприменительной практики в тылу и на фронте. В это время важное значение приобретало правильное толкование принятых законов. В приказе НКЮ СССР № 106 было отмечено, что основой поддержания социалистической законности является правильное толкование законодательства в годы войны. Вопросам правильного толкования и реализации положений судебного законодательства в годы войны особое внимание уделял Пленум Верховного суда СССР.

Военные трибуналы в годы войны имели особый состав. Три постоянных члена были основой трибуналов. В конце 1941 г. в работе военно-судебной системы стали принимать участие народные заседатели. Они отбирались из числа военнослужащих боевых частей и подразделений, с учетом их моральных и боевых качеств. Количество народных заседателей определяли на основании возможности обеспечивать качественную деятельность военных трибуналов. ««Приписка» к военным трибуналам на военное время на должности заместителей председателей и членов военных трибуналов производилась из числа лиц военно-юридического состава запаса, на должности председателей трибуналов – из числа кадровых работников военных трибуналов» [3, с. 64].

«Особая роль в военно-судебной системе отводилась Военной коллегии Верховного Суда СССР, которая действовала как суд первой инстанции, а также в качестве кассационного и надзорного органа» [4, с.

52]. Военная коллегия наблюдала за тем, чтобы приговоры нижестоящих трибуналов соответствовали законодательству СССР. В годы войны осуществлялись выезды в нижестоящие военные трибуналы и изучались условия работы на местах. В июне 1941 г. судебная практика глубоко не проверялась. С февраля 1942 года такую работу стали проводить принципиально и систематически. Военной коллегией не только проводился надзор приговоров, но и рассматривались обращения о неправильности решения по делу.

Военная коллегия Верховного Суда СССР разрешала дела в отношении высшего командного состава армии и флота. Структурно Военная коллегия состояла из четырех отделов. Первый отдел занимался надзорной деятельностью в отношении военно-судебных органов, которые назначили высшую меру уголовного наказания. Второй отдел осуществлял надзор в отношении военных трибуналов, которые находились в местах расположения боевых воинских частей. Надзор за деятельностью военно-судебных органов войск НКВД осуществлял третий отдел, а четвертый отдел – за флотскими военными трибуналами. Надзорное производство в отношении военных трибуналов тыловых территорий осуществлял филиал Военной коллегии в г. Чкалов (Оренбург). Для непосредственного и оперативного рассмотрения уголовных дел были организованы выездные сессии Военной коллегии. Обычно данные сессии были первой инстанцией при рассмотрении уголовных дел. В некоторых случаях они рассматривали протесты Главного военного прокурора.

Особо решался проблемный вопрос о соответствии приговоров о высшей мере наказания советскому закону. Военные советы и командование фронтов и армий наделялись правом приостанавливать исполнение таких приговоров. Военные трибуналы о наличии такого приговора обязаны были оперативно сообщить командованию фронтов и армий. На решение вопроса о приостановке исполнения такого приговора отводилось 72 часа. Материалы, которые направлялись командованию фронтов и армий, должны были содержать основу уголовного дела, характеристику виновного и основания применения высшей меры наказания.

При вынесении приговора о высшей мере наказания в военные годы законом предоставлялась возможность виновному подать ходатайство о помиловании. Данное ходатайство сначала направлялось командованию фронта или армии. Затем материалы с решением командования поступали в Верховный Суд СССР. Окончательное решение по данному вопросу принималось Президиумом Верховного Совета СССР, после заключения Военной коллегии Верховного суда СССР. Со временем, в исключительных случаях, разрешалось утверждать приговоры о высшей мере наказания военным советам фронтов, а также командованию армий и корпусов. Исключительные случаи в этом вопросе – это ведение боевых действий в окружении или отсутствие связи с вышестоящим командованием.

Руководство Управления военных трибуналов постоянно требовало улучшения подготовки сотрудников трибуналов, которые осуществляли свои функции в действующей армии. Кандидаты в сотрудники военных трибуналов распределялись на две категории. Первая категория кандидатов – это лица, которые немедленно используются на работе в военных трибуналах. Ко второй категории относились сотрудники, которые должны пройти краткосрочные курсы. С лицами военно-юридического состава запаса первой категории проводились оперативные сборы в течении 10 дней. Сотрудники второй категории проходили краткосрочное обучение в Военно-юридической академии.

В августе 1941 г. срок обучения в академии стал один год. Однако такое решение являлось ошибочным. Для обучения в академии принимались советские граждане, которые не знали военной жизни в боевых условиях. Поэтому Военно-юридическую академию стали комплектовать только офицерами, которые были годны к службе в боевых воинских подразделениях и имели военный опыт не менее 2 лет. В сентябре 1943 г. в академии улучшилось качество подготовки кадров после перевода на 4-летний срок обучения. Секретари военных трибуналов были выпускниками военно-юридических училищ с 3-летним сроком обучения.

Режим военного положения и боевые действия оказали заметное влияние на практику применения уголовных наказаний. Значительно была усилена репрессивная составляющая многих наказаний. Уголовное наказание в виде лишения свободы стало часто применяться в практике работы военных трибуналов. Приговоры военных трибуналов о смертной казни стали реально исполняться.

В практике деятельности военно-судебных органов в годы войны необходимо выделить работу военно-полевых судов, которые были созданы после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 20 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». Юрисдикция военно-полевых судов распространялась на места расположения воинских частей и подразделений определенной дивизии. Состав данных судов включал: председателя, начальника особого отдела, заместителя командира по политической части и прокурора дивизии. «Рассмотрение дел в военно-полевых судах производилось немедленно, но не позднее 48 часов с

момента поступления дела в суд. Судебное рассмотрение могло производиться как в открытом, так и закрытом заседании военно-полевого суда, в каждом отдельном случае – по решению командира дивизии в зависимости от характера и обстоятельств дела» [5, с. 14].

В отношении солдат и офицеров немецкой армии и предателей часто применялась смертная казнь через повешение, если была доказана их вина в убийстве представителей гражданского населения. Коллаборационисты, которые помогали в совершении издевательств в отношении советских граждан, наказывались каторгой на срок до 20 лет. Тела преступников оставляли на виселице после исполнения приговора о высшей мере наказания в течении нескольких дней. Производство военно- полевых судов отличалось оперативностью и всегда немедленно реагировало на совершенные преступления. «Харьковский процесс, на котором к смертной казни были приговорены военные преступники и один коллаборационист на глазах пятидесяти тысяч жителей Харькова, породил юридический прецедент, который позже будет закреплён Международным военным трибуналом в Нюрнберге: «Приказ не освобождает от ответственности за геноцид» » [6, с. 35].

Военно-полевые суды принимали активное участие в разрешении уголовных дел в отношении членов антисоветских националистических организаций, которые принимали участие в реализации карательных мер против советских мирных граждан и военнопленных на территории Украины и Прибалтики. На эти территории были направлены две выездные сессии Военной коллегии (по указанию Л.П.Берии) для глубокого изучения и быстрого рассмотрения уголовных дел в отношении предателей. Эти выездные сессии были наделены полномочиями военно-полевого суда с надзорными функциями. Военно-полевые суды не проявляли особой активности по расследованию уголовных дел и привлечению к уголовной ответственности на многих фронтах. Практика работы военно-полевых судов не получила развития и при освобождении территорий стран Европы. «Частичное объяснение этому дал в своих воспоминаниях генерал-майор юстиции Подойницын, который объяснял это обширной эвакуацией населения из европейских городов по мере наступления советских войск. Эвакуация проводилась по инициативе командования фашистских войск» [9, с. 8].

В сентябре 1944 г. военно-полевые суды стали рассматривать дела о совершении новых видов преступлений, которые совершались активистами антисоветских организаций против советских военнослужащих. В судебной практике появились показательные процессы над предателями во многих советских городах (Харьков, Краснодар, Минск, Брянск и другие). Первый такой судебный процесс был проведен в августе 1943 г. в г. Краснодаре. «Первый же судебный процесс, проведенный военным трибуналом в отношении немецко- фашистских захватчиков с их осуждением, состоялся в Харькове 15-18 декабря 1943 г. и получил по месту проведения наименование Харьковского процесса» [7, с. 14].

Важные, основные принципы осуществления правосудия (устность, непосредственность и гласность судебного процесса) в военно-судебных органах во время войны реализовывались без ограничений. Обвиняемый обязательно должен был присутствовать на заседаниях военных трибуналов в годы войны, в соответствии с положениями ст. 19 Основ уголовного судопроизводства. «Слушание дела в его отсутствие допускалось лишь при прямо выраженном согласии подсудимого или же в том случае, если суд придет к убеждению, что подсудимый уклоняется от суда» [10, с. 95]. Свидетели могли не являться в суд при наличии причин, вызванных боевыми действиями. Подсудимые могли знакомиться с показаниями отсутствующих свидетелей. Сотрудники военного трибунала обязаны были разъяснить им их содержание. Часто проводились открытые судебные процессы, в присутствии солдат и офицеров.

Выводы

В боевых условиях войны (1941-45 гг.) советская военно-судебная система показала высокую, стабильную эффективность в борьбе с преступлениями. Реформирование судов на военный лад проводилось оперативно, в короткие сроки. Правосудие военно-судебной системой осуществлялось непрерывно, в соответствии законами СССР. В 1943 г. были учреждены военно-полевые суды, которые разрешали уголовные дела в особом порядке в отношении немецких оккупантов и предателей из числа советских граждан. Судебная система СССР в условиях войны приобрела чрезвычайный характер, функционировала в условиях, которые имели экзистенциальный характер для советского общества и государства. Итоги изучения юридической практики военного времени показали правильность обособления военных трибуналов в советской судебной системе. Особыми источниками уголовного права были квазизакон в виде указов Президиума Верховного Совета СССР. Уникальный опыт деятельности военных судей в годы Великой Отечественной войны необходимо внимательно исследовать и учитывать в наше современное, сложное время.

Список источников

1. Васягина М.М., Шигуров А.В., Шигурова Е.И. Особенности правового регулирования и деятельности военных трибуналов в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 34 – 47.
2. Мухаметшин Ф.Б. Деятельность военных трибуналов и судов общей юрисдикции в годы Великой Отечественной войны // В сборнике: Сборник научных трудов по итогам научно-представительских мероприятий, проводимых в Уфимском юридическом институте МВД России в 2025 году. Уфа, 2025. С. 291 – 295.
3. Петухов Н.А., Туганов А.Ю. Роль председателя военного трибунала в судебном управлении в Великую Отечественную войну: преемственность опыта военного времени // Военное право. 2021. № 4 (68). С. 61 – 69.
4. Михеев Д.Ю. Военные трибуналы Сибири в годы Великой Отечественной войны // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2023. № 1. С. 51 – 55.
5. Кожокар В.В. Великая Отечественная война и уголовное судопроизводство (80-летию Победы посвящается) // Научный портал МВД России. 2025. № 1 (69). С. 8 – 16.
6. Рамазанов А.Х., Абдуллаев Р.И. Изменения в уголовном и уголовно- процессуальном праве СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3, Общественные науки. 2025. Т. 40. № 4. С. 33 – 37.
7. Федоров А.В. К 80- летию победы в Великой Отечественной войне: харьковский судебный процесс о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории города Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2025. № 2 (48). С. 12 – 23.
8. Каторов И.А., Шульга Р.Р. Правосудие и правоохранительные органы в годы Великой Отечественной войны // В сборнике: 80 лет Победы в Великой Отечественной войне: уроки истории и вызовы современности: Сборник материалов научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов. Донецк, 2025. С. 149 – 152.
9. Григорьев О.В. Военное правосудие в борьбе с предателями Родины и военными преступниками в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные проблемы военного дела. 2022. № 2 (31). С. 5 – 9.
10. Кузьмина О.В., Поцелуев Е.Л. Права человека в сфере уголовного судопроизводства в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2021. № 1. С. 93 – 100.

References

1. Vasyagina M.M., Shigurov A.V., Shigurova E.I. Specifics of the legal regulation and activities of military tribunals during the Great Patriotic War. Bulletin of the Russian Law Academy. 2025. No. 2. P. 34 – 47.
2. Mukhametshin F.B. Activities of military tribunals and courts of general jurisdiction during the Great Patriotic War. In the collection: Collection of scientific papers based on the results of academic events held at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia in 2025. Ufa, 2025. P. 291 – 295.
3. Petukhov N.A., Tuganov A.Yu. The role of the military tribunal chairman in judicial administration during the Great Patriotic War: continuity of wartime experience. Military Law. 2021. No. 4 (68). P. 61 – 69.
4. Mikheev D.Yu. Military tribunals of Siberia during the Great Patriotic War. Academic Bulletin of the National Guard Troops of the Russian Federation. 2023. No. 1. P. 51 – 55.
5. Kozhokar V.V. The Great Patriotic War and criminal proceedings (dedicated to the 80th anniversary of the Victory). Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1 (69). P. 8 – 16.
6. Ramazanov A.Kh., Abdullaev R.I. Changes in the criminal and criminal procedural law of the USSR during the Great Patriotic War. Bulletin of Dagestan State University. Series 3, Social Sciences. 2025. Vol. 40. No. 4. P. 33 – 37.
7. Fedorov A.V. Marking the 80th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War: The Kharkiv Trial Regarding the Atrocities Committed by German-Fascist Invaders in the City of Kharkiv and the Kharkiv Region During the Period of Their Temporary Occupation. Investigation of Crimes: Problems and Solutions. 2025. No. 2 (48). P. 12 – 23.
8. Katorov I.A., Shulga R.R. Justice and Law Enforcement Agencies During the Great Patriotic War. In: 80 Years of Victory in the Great Patriotic War: Lessons of History and Modern Challenges: Collection of Materials from the Scientific Conference of Faculty, Postgraduate Students, and Students. Donetsk, 2025. P. 149 – 152.

9. Grigoriev O.V. Military Justice in Combating Traitors to the Motherland and War Criminals During the Great Patriotic War. Humanitarian Issues in Military Affairs. 2022. No. 2 (31). P. 5 – 9.

10. Kuzmina O.V., Potseluev E.L. Human Rights in Criminal Proceedings During the Great Patriotic War and the Post-War Period. Bulletin of Ivanovo State University. Series: Natural and Social Sciences. 2021. No. 1. P. 93 – 100.

Информация об авторе

Коваль С.П., кандидат исторических наук, Ивановский государственный университет, Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС РФ

© Коваль С.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 342.76

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-114-120

Конституционно-правовые пределы ограничения прав и свобод в контексте противодействия экстремизму

¹ Серeda С.П.,

¹ Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Аннотация: данная работа рассматривает установленные конституционным правом границы допустимого ограничения прав и свобод человека и гражданина при борьбе с экстремизмом. Исследование нацелено на отыскание взвешенного соотношения между обеспечением безопасности и соблюдением конституционных прав и свобод индивида и гражданина при реализации антиэкстремистских мер, а также в формулировании предложений по совершенствованию законодательства в рассматриваемой области. Задачи, решенные в ходе проведенного научного исследования, направлены на достижение поставленной цели. Исследование предполагает решение трёх задач: 1) уяснение конституционных пределов допустимого ограничения прав на базе ст. 55 Конституции РФ и правовых позиций КС РФ; 2) анализ отраслевого регулирования в административной и уголовной сферах; 3) установление лакун и коллизий. В качестве методологической основы использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Полученные результаты свидетельствуют о следующем: обосновано, что антиэкстремистские ограничения должны соответствовать требованиям законности, соразмерности, правовой определённости, запрета умаления существа права, недискриминации и судебной защиты; выявлены недостатки в разграничении административных правонарушений и уголовных преступлений экстремистской направленности; предложены меры по совершенствованию законодательства, включая уточнение критериев разграничения и установление пределов цифрового мониторинга. Практическая значимость исследования: выводы могут быть использованы в законотворческой деятельности и правоприменительной практике.

Ключевые слова: границы, очерченные Основным законом, сужение объёма прав и свобод, борьба с экстремизмом, пропорциональность, юридическая ясность, предварительная административная наказуемость, судебная проверка, равновесие между безопасностью и правами личности

Для цитирования: Серeda С.П. Конституционно-правовые пределы ограничения прав и свобод в контексте противодействия экстремизму // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 5. С. 114 – 120. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-114-120

Поступила в редакцию: 7 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 14 октября 2026 г.

Constitutional and legal limits of restrictions on rights and freedoms in the context of countering extremism

¹ Sereda S.P.,

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

Abstract: this article investigates the constitutional-legal limits that circumscribe the narrowing of individual and civic rights and liberties in the context of countering extremism. The objective of this scholarly study is to establish a legal equilibrium between maintaining security and respecting constitutional rights of the person and citizen under anti-extremist measures, and to devise recommendations for legislative improvement in the relevant sphere. The study sought to accomplish the following tasks: to examine the constitutional bases for restricting rights, to assess sectoral regulation (administrative and criminal law), and to uncover statutory gaps and conflicts. The methodological foundation drew on formal-dogmatic, comparative-legal, and systematic approaches. The conclusions reached are as follows: it is demonstrated that restrictions introduced to counter extremism must satisfy the standards of legality, proportionality, legal certainty, non-diminution of the essence of law, non-discrimination, and judicial protection. The paper uncovers inadequacies in differentiating administrative violations from extremist crimes and proposes legislative fixes, including clearer distinction criteria and limits on digital monitoring. Practical significance of the study: the conclusions can be used in legislative activity and law enforcement practice.

Keywords: the boundaries outlined by the Basic Law, the narrowing of rights and freedoms, the fight against extremism, proportionality, preliminary administrative penalties, judicial review, the balance between security and individual rights

For citation: Sereda S.P. Constitutional and legal limits of restrictions on rights and freedoms in the context of countering extremism. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (5). P. 114 – 120. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-114-120

The article was submitted: August 7, 2026; Approved after reviewing: September 4, 2026; Accepted for publication: October 14, 2026.

Введение

Противодействие экстремизму является одной из ключевых задач современного российского государства, что обусловлено беспрецедентным ростом угроз террористического и экстремистского характера. По официальным статистическим данным ГИА МВД России, в 2025 и 2026 годах отмечается значительный рост зарегистрированных преступлений экстремистской направленности. Это свидетельствует о необходимости усиления мер борьбы с экстремизмом, однако такое усиление не должно приводить к неоправданному сужению конституционных прав и свобод.

Согласно ст. 2 Конституции РФ, человек, его права и свободы провозглашаются наивысшей ценностью. Умаление этих прав и свобод допустимо только в силу федерального закона и исключительно в объёме, который нужен для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов иных лиц, а также для обороны страны и поддержания безопасности государства (ч. 3 ст. 55). Из сказанного вытекает, что конституционные границы сужения прав и свобод в сфере борьбы с экстремизмом предопределяются, с одной стороны, задачами охраны конституционных ценностей, а с другой - критериями законности, соразмерности и недопустимости утраты сути права.

В академическом сообществе продолжается полемика о том, где проходит грань между свободой и законным сужением прав и свобод при противодействии экстремизму; эта дискуссия получает развитие в трудах современных учёных [9]. В том числе остаётся дискуссионной проблема разграничения административных правонарушений и уголовных преступлений экстремистской направленности, а также определения допустимых пределов цифрового мониторинга и ограничения свободы выражения мнения.

Материалы и методы исследований

Методологический инструментарий исследования включил общенаучные и частнонаучные способы познания. Формально-юридический метод нашёл применение при анализе нормативных положений Конституции РФ, федеральных законов, постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Сравнительно-правовой метод применялся при сопоставлении конституционных основ России и Республики Беларусь, а также при

анализе законодательства Республики Таджикистан. Системный метод позволил рассмотреть конституционно-правовые пределы ограничений во взаимосвязи с отраслевым регулированием. Также использовались логический метод, анализ и синтез. Материалами исследования послужили действующие нормативные правовые акты, разъяснения Верховного Суда РФ, а также научные публикации по теме.

Результаты и обсуждения

Конституционные принципы очерчивают пределы, в которых позволительно ограничивать права и свободы, и формируют тем самым устойчивую правовую конструкцию. В её границах вмешательство государства в область прав человека допустимо лишь при строгом следовании юридическим критериям [7, с. 57]. По обоснованному мнению Р.А. Ниматулаевой и Т.И. Шапилова, ограничение прав и свобод трактуется не в качестве ординарного инструмента государственного управления, а как экстраординарная мера, применяемая исключительно в целях достижения равновесия между интересами человека, общества и государства [7, с. 58]. Принцип законности требует, чтобы ограничения прав и свобод вводились только федеральным законом. Ни подзаконные акты, ни акты субъектов РФ не обладают полномочием самостоятельно устанавливать новые ограничения или расширять существующие. Данное требование непосредственно значимо для антиэкстремистской сферы, поскольку здесь существенная часть регулирования осуществляется подзаконными актами, что порождает опасность выхода за рамки, очерченные федеральным законодателем.

Принцип соразмерности (пропорциональности) включает три ступени проверки: пригодность (мера способна достичь законной цели), необходимость (выбрано наименее обременительное средство) и пропорциональность в узком смысле (баланс между ограничением и защищаемым интересом) [8, с. 112-113]. В контексте противодействия экстремизму это означает, что любые ограничительные меры должны быть обоснованы реальной угрозой и не должны быть чрезмерными.

Запрет умаления существа права (ч. 2 ст. 55 Конституции РФ) означает недопустимость не только прямого отказа от права, но и создания таких процедурных условий, при которых реализация права становится фактически невозможной [7, с. 59]. Это особенно актуально для свободы выражения мнения, свободы совести, права на объединение, которые чаще всего затрагиваются антиэкстремистскими мерами.

В Конституции РФ закреплён комплекс основополагающих норм, призванных оградить общество от экстремистских проявлений. Указанный перечень охватывает: запрет учреждения и функционирования общественных объединений, когда их цели либо действия связаны с насильственной трансформацией основ конституционного строя, посягательством на целостность Российской Федерации, подрывом безопасности государства, сеянием социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ч. 5 ст. 13); исключение пропаганды или агитации, пробуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду (ст. 29); гарантирование равноправия вне зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии (ст. 19) [3, с. 126]. Сравнительный анализ конституционных основ России и Республики Беларусь, проведённый Ш. М. Нурадиновым и В.А. Щёколдиным, показывает, что оба государства формируют во многом схожую нормативную базу для противодействия экстремизму, гарантируя при этом охрану прав граждан и сохраняя равновесие между безопасностью и соблюдением прав человека [3, с. 128]. При этом авторы отмечают, что отсутствие единого определения экстремизма в национальном законодательстве порождает правовую неопределённость [3, с. 125]. С этим выводом следует согласиться, однако необходимо добавить, что неопределённость понятия сама по себе может становиться фактором чрезмерного ограничения прав, поскольку создаёт риск расширительного толкования.

Опыт Республики Таджикистан, проанализированный Х.С. Сафарзода, показывает, что конституционные нормы могут выступать основой для криминализации как насильственных, так и ненасильственных проявлений экстремизма [1]. Автор обоснованно указывает на необходимость систематизации отраслевого законодательства и определения в КоАП РФ перечня административных правонарушений экстремистского характера [1]. Однако предлагаемый автором подход к привлечению к административной ответственности за «мягкие» формы поддержки экстремизма (лайки, комментарии, посещение сайтов) вызывает вопросы с точки зрения конституционного принципа соразмерности.

Конституционные запреты получают развитие в административном и уголовном законодательстве. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11, суды должны исходить из необходимости двойного обеспечения – ограждения общественных интересов (устоев конституционного строя, территориальной целостности, безопасности государства) и вместе с тем соблюдения конституционных прав и свобод [10]. Рамки ограничительных мер в существенной степени задаются разъяснениями Пленума: критические суждения о политических организациях, идейных и религиозных объединениях, политических или общественных лидерах, связанные с осуществлением их полномочий, не могут как таковые

квалифицироваться в качестве разжигания ненависти или вражды [10]. Указанное положение соответствует правовой позиции КС РФ, который связал запрет, закреплённый в статье 282 УК РФ, с задачей охраны достоинства и равенства, указав на то, что уголовный закон должен обладать определённой, дающей человеку возможность предвидеть, какие юридические последствия повлекут его поступки [5, с. 46].

В то же время остаётся нерешённой проблема дифференциации административных правонарушений и уголовных преступлений экстремистской направленности. Как отмечает Х.С. Сафарзода, критерии такого разграничения на концептуальном уровне до сих пор не разработаны [1]. Многие учёные указывают лишь степень общественной опасности как критерий разграничения [1]. Однако более строгие разграничительные критерии отсутствуют, что приводит к неоднозначной правоприменительной практике.

Одной из ключевых проблем антиэкстремистского законодательства является недостаточная правовая определённость. Как отмечают Ш.М. Нурадинов и В.А. Щеколдин, отсутствие унифицированной дефиниции экстремизма формирует предпосылки для отклонения от целевых установок антиэкстремистского и антитеррористического законодательства, в частности для нейтрализации политических соперников в период избирательной кампании [3, с. 126]. Этот риск подтверждается и правовыми позициями Конституционного Суда РФ, согласно которым неопределённые, чересчур масштабные, позволяющие толковать их по своему усмотрению формулировки, противореча Конституции РФ, вместе с тем порождают опасность необоснованного посягательства на свободу слова, свободу собраний, право на доступ к информации и её распространение [7, с. 59]. Принцип юридической определённости предполагает, что ограничительные предписания должны быть изложены так, чтобы лицо имело возможность заблаговременно осознавать, какие его деяния повлекут государственное вмешательство и каковы будут его пределы [8, с. 113]. В области противодействия экстремизму это приобретает особую значимость, так как затрагивается свобода слова, ограничение которой допустимо лишь в строго очерченных целях.

Развитие информационных технологий порождает новые вызовы для конституционно-правовых пределов ограничений. С. В. Гаджимурадов справедливо указывает на потенциал использования интернета и искусственного интеллекта для противодействия экстремизму [4]. Вместе с тем тот же автор указывает на опасности, порождаемые применением технологий. Это относится, в частности, к вторжению в пределы частной жизни и к опасности недобросовестной эксплуатации аккумулированных материалов [4]. Перечисленные риски вызывают необходимость анализа в конституционно-правовом ключе..

Статья 23 Конституции устанавливает гарантии неприкосновенности частной сферы, сохранения тайны личной и семейной жизни, а также ограждения чести и доброго имени. Умаление данного права допускается не иначе как по решению суда. Однако, законодательство должно установить дополнительные чёткие пределы цифрового мониторинга, включая обязательность судебного санкционирования для доступа к содержанию переписки и иным охраняемым данным.

Конституционные положения России и Беларуси формируют юридическую базу для противодействия экстремизму, гарантируя охрану прав граждан и удерживая равновесие между безопасностью и соблюдением прав и свобод [3, с. 128]. Вместе с тем динамичная трансформация экстремизма обуславливает потребность в модернизации действующих правовых механизмов с учётом технологических и социальных изменений [3, с. 128].

Как подчёркивает Т.В. Заметина, конституционные начала российского федерализма заложили правовые и организационные предпосылки для формирования единства народов как традиционной духовно-нравственной ценности [6, с. 149]. Единство народов и государственное единство выступают организационно-правовым условием обеспечения безопасности, что может служить основанием для ограничений в антиэкстремистской сфере. Однако эти ограничения не должны приводить к дискриминации по признаку национальности, религии, языка.

На основе проведённого анализа представляется возможным сформулировать следующие предложения.

Во-первых, необходимо отдельно выделить и законодательно системно закрепить точные критерии разграничения административных правонарушений и уголовных преступлений экстремистской направленности. В качестве таких критериев могут выступать: характер и степень общественной опасности содеянного, наличие прямого умысла и особой цели – возбуждения ненависти либо вражды, унижения достоинства, способ совершения (публичный, с использованием СМИ или интернета), а также наличие административной преюдиции. Для этого необходимо отразить целостное определение понятий экстремизма, экстремистского правонарушения в ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности", содержащего основные отличительные признаки, а не простое перечисление видов экстремистской деятельности. Одновременно необходимо закрепить целостное определение понятия правонарушения экстремистской направленности в КоАП РФ, а также уточнить и расширить определение понятия преступлений экстремистской направлен-

ности в ст. 282.1 УК РФ. Последнее сформулировано только по признаку мотива преступления, чего явно недостаточно.

Это позволит устранить неоднозначность правоприменительной практики и обеспечить принцип правовой определённости.

Во-вторых, по образцу российского законодательства целесообразно рекомендовать уточнить перечень экстремистских мотивов законодательстве наших других стран СНГ, в частности в статье 462(1) КоАП Республики Таджикистан, исключив «региональный мотив» как не имеющий аналогов в международно-правовых актах и научной литературе, и добавив политические мотивы, поскольку националистические, расовые и религиозные мотивы, как правило, тесно связаны с политической подоплёкой экстремизма [1]. Данное предложение, сформулированное Х.С. Сафарзода, заслуживает поддержки, однако следует учитывать, что расширение перечня мотивов требует осторожности с точки зрения недопустимости ограничения политической деятельности.

В-третьих, необходимо уточнить конституционно-правовые пределы цифрового мониторинга в антиэкстремистской сфере. Предлагается уточнить ст. 8 ст. 9 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» требование о судебном санкционировании доступа к содержанию переписки в части использования современных технологий, в том числе искусственного интеллекта для сбора информации и анализа социальных сетей в целях выявления признаков экстремистской деятельности без сбора избыточных персональных данных.

В-четвертых, следует развивать профилактические и образовательные меры, направленные на формирование конституционного правосознания и толерантности. Как отмечает С.В. Гаджимурадов, воспитание у граждан зрелого правосознания и сокращение его искажений создадут условия для упрочения законности и правопорядка в государстве [4]. Однако такие меры не должны подменять собой правовые гарантии и судебный контроль.

В-пятых, представляется необходимым усилить роль судебного контроля за антиэкстремистскими мерами. Право на судебную защиту и квалифицированную юридическую помощь является неотъемлемым элементом механизма ограничений прав и свобод [7, с. 59]. Судебный контроль должен распространяться на все меры.

Выводы

На основании проделанной работы можно сделать такие выводы. Рамки ограничения прав и свобод, закреплённые конституционным правом в сфере борьбы с экстремизмом, обусловлены, с одной стороны, целями защиты основ конституционного строя, нравственных оснований, здоровья людей, прав и легитимных интересов иных субъектов, а также гарантирования оборонной способности государства и безопасности державы, с другой – критериями легальности, соразмерности, правовой определённости, запрета умаления существа права, недискриминации и защиты в судебном порядке. Антиэкстремистские ограничения допускаются только на основании федерального закона и должны соответствовать характеру и степени общественной опасности деяния. Они не должны приводить к объективному вменению, подавлению допустимой критики или необоснованному ограничению свободы выражения мнения.

Существующее законодательство содержит пробелы и противоречия, в частности отсутствие чётких критериев разграничения административных правонарушений и уголовных преступлений экстремистской направленности, а также недостаточную правовую определённость понятия экстремизма. Эти пробелы создают риск как необоснованных ограничений прав, так и уклонения от ответственности.

Беспрецедентный рост угроз террористического и экстремистского характера, подтверждаемый статистическими данными ГИА МВД России, требует усиления мер борьбы с этими явлениями. Однако такое усиление должно осуществляться при безусловном соблюдении конституционных прав и свобод, с использованием соразмерных и правомерных средств.

Предложенные меры по совершенствованию законодательства – установление критериев разграничения административных и уголовных правонарушений, уточнение перечня экстремистских мотивов, определение пределов цифрового мониторинга, развитие профилактики и усиление судебного контроля – направлены на обеспечение баланса между безопасностью и правами человека.

Список источников

1. Сафарзода Х.С. Конституционные и административно-правовые нормы как источники определения уголовно-правовой природы экстремизма // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2025. № 3 (67). С. 73 – 79.
2. Азизова В.Т. О конституционных основах взаимодействия органов власти в сфере противодействия экстремизму // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2013. № 4. С. 11 – 14.
3. Нурадинов Ш.М., Щеколдин В.А. Экстремизм как современная угроза национальной безопасности: конституционные основы в России и Республике Беларусь // Криминологический журнал. 2025. № 2. С. 124 – 30.
4. Гаджимурадов С.В. Конституционное правосознание как фактор противодействия распространению идеологии экстремизма // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 4-1. С. 20 – 29.
5. Пшеничных И.М. Конституционная безопасность как объект террористических и экстремистских преступлений // Законность и правопорядок. 2025. № 4 (48). С. 44 – 49.
6. Заметина Т.В. Конституционно-правовые основы обеспечения единства народов России как традиционной духовно-нравственной ценности // Россия: общество, политика, история. 2023. № 3 (8). С. 136 – 154.
7. Ниматулаева Р.А., Шапилов Т.И. Конституционные принципы ограничений прав и свобод человека // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2026. Т. 57. № 1. С. 57 – 62.
8. Ковшевацкий В.И., Маркина Э.В. Свобода выбора поведения и генезис ее ограничения в правовом государстве // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 108 – 114.
9. Оганесян С.С., Шамсунов С.Х. О некоторых актуальных проблемах профилактики и противодействия экстремистским и террористическим воззрениям в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17. № 1 (61). С. 11 – 18.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 23.12.2025) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

References

1. Safarzoda Kh.S. Constitutional and administrative-legal norms as sources for defining the criminal-law nature of extremism. Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. 2025. No. 3 (67). P. 73 – 79.
2. Azizova V.T. On the constitutional foundations of interaction between authorities in the sphere of countering extremism. Legal Bulletin of Dagestan State University. 2013. No. 4. P. 11 – 14.
3. Nuradinov Sh.M., Shchekoldin V.A. Extremism as a modern threat to national security: constitutional foundations in Russia and the Republic of Belarus. Criminological Journal. 2025. No. 2. P. 124 – 130.
4. Gadzhimuradov S.V. Constitutional legal consciousness as a factor in countering the spread of extremist ideology. Issues of Russian and International Law. 2023. Vol. 13. No. 4-1. P. 20 – 29.
5. Pshenichnov I.M. Constitutional security as an object of terrorist and extremist crimes. Legality and Law and Order. 2025. No. 4 (48). P. 44 – 49.
6. Zametina T.V. Constitutional-legal foundations for ensuring the unity of the peoples of Russia as a traditional spiritual-moral value. Russia: Society, Politics, History. 2023. No. 3 (8). P. 136 – 154.
7. Nimatulaeva R.A., Shapilov T.I. Constitutional Principles Regarding Restrictions on Human Rights and Freedoms. Legal Bulletin of Dagestan State University. 2026. Vol. 57. No. 1. P. 57 – 62.
8. Kovshevatsky V.I., Markina E.V. Freedom of Behavioral Choice and the Genesis of Its Restriction in a Rule-of-Law State. Criminological Journal. 2026. No. 1. P. 108 – 114.
9. Oganessian S.S., Shamsunov S.Kh. On Certain Current Issues Regarding the Prevention of and Counteraction to Extremist and Terrorist Views within the Penal System of the Russian Federation. Penitentiary Science. 2023. Vol. 17. No. 1 (61). P. 11 – 18.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 11 dated June 28, 2011 (as amended on Dec. 23, 2025) "On Judicial Practice in Criminal Cases Involving Extremist-Related Crimes". Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. No. 8.

Информация об авторе

Середа С.П., доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, sta-sereda2006@yandex.ru

© Середа С.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 349.2

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-121-127

Проблемы и перспективы правового регулирования расследования несчастных случаев на производстве

¹ Идельбаева Г.И., ¹ Шагимуратова З.А.,

¹ Уфимский университет науки и технологий

Аннотация: статья посвящена вопросам комплексного анализа отдельных аспектов правового регулирования процесса расследования несчастных случаев на производстве. Авторы выявляют проблемы нормативного и правоприменительного характера: недостаточную процессуальную независимость комиссий по расследованию, организационную зависимость комиссии от работодателя, предоставляющего помещение, документы и доступ к персоналу, сложность квалификации происшествий при нестандартных формах организации труда, а также широко распространенное сокрытие несчастных случаев работодателями и отсутствие единой системы межведомственного информационного обмена. Также в качестве мер по предотвращению случаев сокрытия несчастных случаев на производстве предлагается ввести обязательную электронную фиксацию уведомлений о произошедшем. Особое внимание уделено вопросам установления производственного характера травмы при опьянении пострадавшего, смерти от общего заболевания, причинении вреда третьими лицами и использовании личного транспорта. На основе анализа законодательства, судебной практики и доктринальных источников сформулированы предложения по совершенствованию механизма расследования: унификация процедур, усиление гарантий объективности, цифровизация учета несчастных случаев, введение обязательной электронной фиксации уведомлений о происшествиях, интеграция данных медицинских организаций с системой учета производственного травматизма, расширение прав профсоюзов на инициирование проверок.

Ключевые слова: работник, работодатель, обязательное социальное страхование, несчастный случай на производстве, расследование, государственная инспекция труда, акт о несчастном случае на производстве, трудовое право, цифровизация учета несчастных случаев

Для цитирования: Идельбаева Г.И., Шагимуратова З.А. Проблемы и перспективы правового регулирования расследования несчастных случаев на производстве // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 5. С. 121 – 127. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-121-127

Поступила в редакцию: 11 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 14 октября 2026 г.

Problems and prospects of legal regulation of investigation of occupational accidents

¹ Idelbaeva G.I., ¹ Shagimuratova Z.A.,

¹ Ufa University of Science and Technology

Abstract: the article is devoted to issues related to a comprehensive analysis of certain aspects of the legal regulation of the process of investigating workplace accidents. The authors identify problems of a regulatory and law enforcement nature: insufficient procedural independence of investigation commissions, the organizational dependence of the commission on the employer, which provides the premises, documents, and access to personnel, the

difficulty of classifying incidents under non-standard forms of work organization, as well as the widespread concealment of workplace accidents by employers and the lack of a unified system of interdepartmental information exchange. In addition, as measures to prevent the concealment of workplace accidents, it is proposed to introduce mandatory electronic recording of notifications about the incident. Particular attention is paid to the issues of establishing the occupational nature of an injury in cases where the victim was intoxicated, died from a general illness, suffered harm caused by third parties, or used personal transport. Based on an analysis of legislation, judicial practice, and doctrinal sources, proposals have been formulated to improve the investigation mechanism: unification of procedures, strengthening of guarantees of objectivity, digitalization of accident recording, introduction of mandatory electronic recording of incident notifications, integration of data from medical organizations into the occupational injury recording system, and expansion of trade unions' rights to initiate inspections.

Keywords: employee, employer, compulsory social insurance, workplace accident, investigation, state labor inspection, workplace accident report, labor law, digitalization of accident reporting

For citation: Idelbaeva G.I., Shagimuratova Z.A. Problems and prospects of legal regulation of investigation of occupational accidents. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (5). P. 121 – 127. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-121-127

The article was submitted: August 11, 2026; Approved after reviewing: September 8, 2026; Accepted for publication: October 14, 2026.

Введение

Правовое значение расследования несчастных случаев на производстве обусловлено прежде всего тем, что его результаты непосредственно затрагивают интересы пострадавшего работника. От квалификации происшествия зависит признание случая страховым, оформление соответствующего акта, назначение страховых выплат, возмещение дополнительных расходов на лечение и реабилитацию. Одновременно выводы комиссии могут стать основанием для привлечения работодателя или его должностных лиц к ответственности. Материалы расследования нередко используются в судебных разбирательствах, при проведении контрольных мероприятий, а также при оценке общего состояния охраны труда в организации. Следовательно, расследование выполняет одновременно правоустанавливающую, доказательственную, контрольную и профилактическую функции.

Нельзя не учитывать и общественное значение рассматриваемой процедуры. Сведения о несчастных случаях образуют основу официальной статистики производственного травматизма. На основании этих данных определяются наиболее опасные отрасли и виды работ, выявляются распространенные причины причинения вреда жизни и здоровью работников, разрабатываются профилактические мероприятия. Если несчастный случай скрывается либо необоснованно квалифицируется как не связанный с производством, искажаются не только обстоятельства отдельного происшествия, но и общая картина состояния безопасности труда. В результате государственные органы, работодатели и профессиональное сообщество получают неполные сведения о существующих рисках.

Значение исследуемого института возрастает по мере усложнения организации трудовой деятельности. Традиционная модель, при которой работник постоянно выполняет обязанности на территории одного работодателя и находится под непосредственным контролем штатного руководителя, перестала быть единственно возможной. Сегодня широко применяются дистанционный и комбинированный режимы работы, подрядные и субподрядные отношения, аутсорсинг отдельных функций, предоставление труда работников в предусмотренных законом случаях. На одной производственной площадке одновременно могут трудиться сотрудники нескольких организаций. При таких обстоятельствах установление лица, обязанного организовать расследование, обеспечить сохранность места происшествия и представить необходимые документы, нередко вызывает практические затруднения [2, с. 350].

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили нормы трудового законодательства, прежде всего положения Трудового кодекса Российской Федерации, регулирующие порядок расследования несчастных случаев на производстве. Кроме того, были рассмотрены подзаконные нормативные акты, определяющие процедуру формирования комиссий, сроки проведения расследований.

В качестве дополнительных материалов использованы: материалы судебной практики по спорам, связанным с квалификацией несчастных случаев; доктринальные источники, среди которых работы М.В. Ва-

сильева, Е.А. Ершовой, С.А. Иванова, Д.В. Кузнецова, Н.П. Петровой, А.Г. Смирнова, В.Г. Янышева; электронные информационные ресурсы профильных изданий и порталов по охране труда.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания. Сравнительно-правовой метод использован при сопоставлении различных подходов к квалификации происшествий. Формально-юридический метод применен при анализе действующих норм трудового законодательства, выявлении пробелов и противоречий в нормативном регулировании процедуры расследования.

Результаты и обсуждения

Неудовлетворительное расследование почти неизбежно становится причиной правового конфликта. Пострадавшие обращаются в государственную инспекцию труда и суд с требованиями признать результаты расследования незаконными, установить производственный характер происшествия, обязать работодателя оформить соответствующий акт и компенсировать причиненный вред. При разрешении таких споров суд не связан формальной позицией комиссии и вправе самостоятельно исследовать обстоятельства. Поэтому акт расследования следует воспринимать как важное доказательство, но не как документ, заранее определяющий результат судебного разбирательства.

Особенно непросто разрешается вопрос о расследовании происшествий с дистанционными работниками. Выполнение трудовой функции вне территории работодателя не исключает возможности признания полученной травмы производственной. Вместе с тем работодателю значительно сложнее установить фактические обстоятельства события, поскольку он не контролирует непосредственно рабочее место и не всегда располагает объективными средствами фиксации. Возникает необходимость исследовать время происшествия, содержание выполнявшегося задания, электронную переписку, сведения об участии работника в служебных совещаниях, данные информационных систем и иные доказательства.

Столь же взвешенной должна быть оценка сведений о возможном алкогольном, наркотическом или ином токсическом опьянении пострадавшего. Подобное состояние должно подтверждаться надлежащими медицинскими документами, а не субъективными предположениями руководителей или свидетелей. Кроме того, необходимо установить причинную связь между состоянием работника и наступившим вредом. Если происшествию способствовали неисправность оборудования, отсутствие защитных устройств или неправильная организация работ, наличие опьянения не устраняет обязанности комиссии исследовать нарушения со стороны работодателя [1, с. 46].

Одна из наиболее сложных задач состоит в определении связи выполнявшейся работы с трудовыми обязанностями пострадавшего. На практике работники нередко получают устные задания, временно замещают коллег, выполняют вспомогательные операции, которые не отражены подробно в должностной инструкции. Формальное отсутствие соответствующей функции в трудовом договоре еще не означает, что действия работника носили самовольный характер. Комиссия должна установить, в чьих интересах выполнялась работа, было ли известно о ней руководителю, соответствовала ли она обычной деятельности организации и осуществлялся ли контроль за ее выполнением.

В то же время нельзя исходить из того, что любая травма, полученная на территории организации, является производственной. Работник может получить повреждение при совершении действий, не связанных с выполнением трудовой функции и не обусловленных интересами работодателя. Следовательно, место происшествия представляет собой существенный, но не единственный критерий. Квалификация должна основываться на содержании деятельности пострадавшего, цели его нахождения в определенном месте и наличии связи между происшествием и трудовыми отношениями [4, с. 155].

Проблемы возникают и при расследовании смерти работника вследствие общего заболевания. Если ухудшение состояния здоровья произошло на рабочем месте, необходимо получить медицинское заключение о причинах смерти и оценить влияние производственных факторов. Недопустимо автоматически относить любое такое событие к несчастному случаю на производстве. Однако нельзя столь же автоматически исключать производственную связь только потому, что у работника имелось хроническое заболевание. Продолжительная работа при высокой температуре, значительная физическая нагрузка, воздействие вредных веществ или нарушение режима отдыха могут способствовать резкому ухудшению здоровья. Окончательный вывод требует сопоставления медицинских сведений с фактическими условиями труда [2, с. 50].

Перспективы совершенствования расследований связаны также с развитием цифрового учета. Межведомственное сопоставление сведений работодателей, медицинских организаций, страховщика и контрольных органов может способствовать выявлению незарегистрированных происшествий. Электронное хранение материалов уменьшает риск утраты документов и позволяет проследить время их создания. Вместе с

тем цифровизация будет полезной лишь тогда, когда она направлена на повышение прозрачности процедуры, а не на увеличение количества формальных отчетов [6].

Необходимо повышать и профессиональный уровень членов комиссий. Расследование требует знаний не только трудового законодательства, но и основ доказательственного анализа, организации производства, техники безопасности и медицины труда.

Следует подчеркнуть, что правовое регулирование расследования несчастных случаев не может рассматриваться изолированно от общего института охраны труда. Обязанность работодателя обеспечить безопасные условия труда, провести инструктаж, организовать обучение безопасным методам и приемам выполнения работ, обеспечить средствами индивидуальной защиты, оценивать профессиональные риски, осуществлять контроль за соблюдением требований охраны труда – все это находится в прямой причинной связи с последующим расследованием происшествий.

Центральным звеном правового механизма расследования является комиссия по расследованию несчастного случая [4, с. 134]. Комиссионный порядок обусловлен необходимостью обеспечить коллегиальное, относительно независимое и всестороннее изучение обстоятельств происшествия. Состав комиссии зависит от характера несчастного случая, его тяжести, количества пострадавших и иных обстоятельств.

Участие представителя работников либо профсоюзного органа имеет принципиальное значение, поскольку снижает риск одностороннего толкования обстоятельств со стороны работодателя. Вместе с тем на практике эффективность такого участия во многом зависит от реальной независимости соответствующего представителя [9].

Одним из принципиальных вопросов является недопустимость участия в комиссии лиц, непосредственно ответственных за обеспечение соблюдения требований охраны труда на участке, где произошел несчастный случай, если это ставит под сомнение объективность расследования. Данный подход основан на общем правовом принципе недопустимости конфликта интересов. Лицо, чьи действия или бездействие потенциально могли способствовать происшествию, не должно фактически определять правовую квалификацию события и выводы о его причинах.

Комиссия обладает широким кругом полномочий. Она вправе осматривать место происшествия, получать объяснения от работодателя, должностных лиц и работников, запрашивать документы, проводить анализ локальных нормативных актов, инструкций, журналов инструктажа, результатов медицинских осмотров, сведений о выдаче средств индивидуальной защиты, данных о режиме труда и отдыха, технологической документации, а также заключений специалистов и экспертов. В необходимых случаях комиссия использует медицинские документы, материалы фото- и видеофиксации, данные автоматизированных систем контроля и иные доказательства [10].

Представляется, что одним из направлений совершенствования законодательства могло бы стать более четкое закрепление прав пострадавшего и его представителей на участие в ключевых следственных действиях внутри процедуры расследования, на ознакомление с материалами до подписания итогового акта, а также на заявление ходатайств о привлечении экспертов и истребовании доказательств.

Сроки расследования несчастных случаев на производстве имеют не только организационное, но и существенное материально-правовое значение. Своевременность расследования влияет на сохранность доказательств, оперативность назначения страховых выплат, возможность достоверного установления причин происшествия и реализацию права пострадавшего на защиту [10].

Аналогичные сложности возникают при определении значения состояния опьянения пострадавшего. Сам по себе факт опьянения не всегда исключает производственный характер несчастного случая. Необходимо установить, было ли оно исключительной причиной происшествия либо лишь одним из сопутствующих обстоятельств. Если работодатель допустил работника к выполнению опасной работы в очевидно ненадлежащем состоянии, не обеспечил контроль, не отстранил от работы, не организовал безопасный процесс, то его нарушения не могут игнорироваться при квалификации события.

Не менее спорным является вопрос о вине самого пострадавшего. Закон допускает установление грубой неосторожности работника, но такая оценка должна базироваться на конкретных, проверенных фактах. Недопустимо подменять причинный анализ универсальной ссылкой на «нарушение инструкции». Комиссия обязана выяснить, была ли инструкция доведена до работника, проходил ли он обучение, обеспечен ли был средствами защиты, имел ли реальную возможность соблюдать соответствующие требования, не создала ли сама организация труда ситуацию, в которой безопасное поведение стало фактически невозможным или экономически невыгодным.

Отдельные полномочия пересекаются, процедурные сроки не синхронизированы, а обмен информацией порой осуществляется в бумажной и фрагментарной форме. Это снижает оперативность расследования и создает риск различного понимания одних и тех же фактических обстоятельств.

Представляется, что дальнейшее развитие института расследования несчастных случаев должно быть связано с построением более интегрированной модели межведомственного взаимодействия, включая цифровой документооборот, унифицированные реестры, автоматизированное информирование уполномоченных органов и прозрачные стандарты доступа пострадавшего к материалам дела.

Если работник следовал на транспорте работодателя либо использовал транспорт в рамках исполнения служебного задания, связь с производством чаще всего очевидна. Однако, когда работник использует личный транспорт, необходимо выяснять, имелось ли распоряжение работодателя, была ли поездка обусловлена трудовой функцией, компенсировались ли расходы, признавалось ли использование автомобиля элементом выполнения работы.

Особую категорию составляют происшествия в командировках. Поскольку командировка охватывает не только непосредственное выполнение служебного задания, но и сопутствующие перемещения, проживание, пользование объектами инфраструктуры, оценка производственного характера несчастного случая должна учитывать весь комплекс обстоятельств. Суды и комиссии обычно исходят из того, что сам факт нахождения в командировке еще не делает любой инцидент производственным; необходим анализ того, находилось ли поведение работника в разумной связи с целями командировки [7].

Одной из наиболее острых проблем является сокрытие несчастных случаев на производстве [5, с. 84]. Несмотря на наличие законодательной обязанности расследовать и учитывать такие случаи, экономическая заинтересованность работодателя в снижении статистики травматизма, избегании проверок и санкций нередко приводит к попыткам не регистрировать происшествие либо представить его как бытовую травму.

Сокрытие может принимать различные формы. Наиболее распространены: устное давление на работника с целью не сообщать о происшествии; оформление травмы как полученной вне рабочего времени; отказ в создании комиссии; отсутствие уведомления государственных органов о тяжелом или смертельном случае; искажение обстоятельств события в акте расследования; подмена трудовых отношений гражданско-правовыми для последующего отрицания обязанностей работодателя по расследованию; увольнение работника либо принуждение к написанию объяснений, выгодных работодателю.

Для противодействия сокрытию несчастных случаев необходимо не только совершенствовать санкционные механизмы, но и повышать процессуальную прозрачность расследования. Перспективными представляются обязательная электронная фиксация уведомлений, интеграция данных медицинских организаций с системой учета производственного травматизма при наличии признаков трудовой травмы, расширение прав профсоюзов и представителей работников на инициирование проверок, а также развитие правового просвещения работников относительно их прав при наступлении несчастного случая.

Пострадавший имеет право на объективное расследование, на участие в установлении обстоятельств происшествия, на дачу объяснений, на ознакомление с материалами расследования, на получение акта о несчастном случае, на обжалование выводов комиссии, а также на обеспечение по обязательному социальному страхованию при наличии оснований. В теории эти права выглядят достаточно определенно, однако в практическом измерении их реализация сталкивается с рядом затруднений [6].

Нарушение установленного порядка расследования несчастных случаев на производстве способно повлечь различные виды юридической ответственности [3, с. 50]. Такой многоуровневый характер санкций объясняется тем, что соответствующие нарушения затрагивают как индивидуальные права пострадавшего, так и публичные интересы государства в сфере охраны труда.

Прежде всего возможно наступление административной ответственности работодателя и должностных лиц за нарушение трудового законодательства и требований охраны труда, включая нерасследование несчастного случая, несоблюдение сроков, ненаправление необходимых извещений, неправильное оформление документов, сокрытие происшествия. Административные санкции выполняют превентивную функцию, однако их эффективность зависит от неизбежности выявления нарушений и от того, соразмерны ли последствия нарушения размеру санкции [9].

Наряду с административной ответственностью возможна дисциплинарная ответственность должностных лиц работодателя, если ими не были исполнены служебные обязанности по организации безопасного труда, уведомлению компетентных органов, проведению расследования или устранению причин происшествия. Однако дисциплинарные меры носят внутренний характер и не всегда обеспечивают надлежащее восстановление прав пострадавшего.

В случаях причинения вреда жизни и здоровью вследствие нарушений работодателя возможно возникновение гражданско-правовой ответственности, в том числе обязанности возместить моральный вред, а при наличии дополнительных оснований – и иные убытки, не покрываемые страховым обеспечением. Здесь результаты расследования приобретают доказательственное значение, поскольку фиксируют допущенные нарушения, причинную связь и обстоятельства происшествия.

Наконец, если нарушение требований охраны труда повлекло тяжкие последствия и содержит признаки состава преступления, может наступить уголовная ответственность соответствующих должностных лиц. В таких случаях материалы расследования несчастного случая часто становятся одним из источников сведений для правоохранительных органов, хотя не подменяют процесс доказывания в уголовном судопроизводстве.

Отдельные проблемы судебной практики, значительное число споров связано с поздним обращением работника за расследованием. Судебная практика, как правило, исходит из того, что само по себе истечение времени не лишает лицо права требовать расследования, если имеются данные о производственном характере травмы. Однако, чем больше временной разрыв, тем выше требования к доказательственной базе. В результате работник зачастую сталкивается с серьезными трудностями подтверждения обстоятельств происшествия.

Выводы

Расследование несчастного случая на производстве представляет собой не просто обязательную процедуру оформления произошедшего события, а самостоятельный правовой механизм защиты жизни и здоровья работника. Его значение определяется тем, что именно по результатам расследования устанавливаются обстоятельства получения травмы, характер ее связи с трудовой деятельностью, причины происшествия и лица, допустившие нарушения требований охраны труда. От содержания выводов комиссии непосредственно зависит возможность пострадавшего реализовать право на страховое обеспечение, возмещение причиненного вреда, медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию.

Масштаб рассматриваемой проблемы подтверждается статистикой производственного травматизма. В научной литературе со ссылкой на сведения международных организаций и данные Правительства Российской Федерации приводится оценка, согласно которой ежегодно до 200 тысяч человек умирают вследствие воздействия опасных условий труда, в том числе около 15 тысяч – в результате несчастных случаев. Указывается также, что до 190 тысяч работников вынуждены досрочно прекращать трудовую деятельность вследствие производственных травм и профессиональных заболеваний. Эти данные свидетельствуют не только о медицинском, но и о социально-экономическом характере проблемы.

Вместе с тем статистические показатели требуют осторожного толкования. Международные оценки, официальные сведения о зарегистрированных несчастных случаях и данные о смертности вследствие воздействия вредных производственных факторов могут рассчитываться по различным методикам. Их нельзя механически сопоставлять между собой. Кроме того, официальная статистика отражает прежде всего зарегистрированные происшествия. Чем значительнее уровень сокрытия травм, тем меньше фактическое положение соответствует отчетным показателям.

Список источников

1. Васильев М.В. Проблемы расследования несчастных случаев на производстве // Трудовое право. 2011. № 1. С. 45 – 50.
2. Ершова Е.А. Правовое регулирование труда: учебное пособие. М.: Статут, 2023. 524 с.
3. Иванов С.А. Совершенствование механизма расследования производственного травматизма // Государство и право. 2023. № 6. С. 45 – 52.
4. Кузнецов Д.В. Правовое регулирование охраны труда в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 215 с.
5. Петрова Н.П. Правовые аспекты социального страхования от несчастных случаев на производстве // Вестник экономического права. 2023. № 3. С. 78 – 85.
6. Расследование и учет несчастных случаев на производстве // Охрана труда. URL: <https://www.protrud.com/расследование-несчастных-случаев-на-производстве/> (дата обращения: 03.07.2026)
7. Слесарев С. Как проходят суды по несчастным случаям на производстве // Руководитель бюджетной организации. 2019. № 5. URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/486480/> (дата обращения: 03.07.2026)
8. Смирнов А.Г. Актуальные вопросы охраны труда в современных условиях // Право и экономика. 2023. № 5. С. 34 – 41.

9. Ткаченко П. Статистика травматизма на производстве // Охрана труда. URL: <https://www.centrattek.ru/info/statistika-proizvod-travmatizm-po-miru-rossija/> (дата обращения: 03.06.2026)

10. Янышев В.Г. Практические аспекты расследования несчастных случаев // Охрана труда и пожарная безопасность. 2019. № 3. URL: <https://otpb.com.ru/articles/prakticheskie-aspekty-rassledovaniya-neschastnyh-sluchaev> (дата обращения: 03.06.2026)

References

1. Vasiliev M.V. Problems of Investigating Workplace Accidents. Labor Law. 2011. No. 1. P. 45 – 50.
2. Ershova E.A. Legal Regulation of Labor: A Study Guide. Moscow: Statut, 2023. 524 p.
3. Ivanov S.A. Improving the Mechanism for Investigating Occupational Injuries. State and Law. 2023. No. 6. P. 45 – 52.
4. Kuznetsov D.V. Legal Regulation of Occupational Safety in the Russian Federation: Dissertation... Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2022. 215 p.
5. Petrova N.P. Legal Aspects of Social Insurance Against Workplace Accidents. Bulletin of Economic Law. 2023. No. 3. P. 78 – 85.
6. Investigation and Recording of Workplace Accidents. Occupational Safety. URL: <https://www.protrud.com/расследование-несчастных-случаев-на-производстве/> (date of access: 03.07.2026)
7. Slesarev S. How Court Proceedings Regarding Workplace Accidents Are Conducted. Head of a Budget-Funded Organization. 2019. No. 5. URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/486480/> (date of access: 03.07.2026)
8. Smirnov A.G. Current Issues of Occupational Safety in Modern Conditions. Law and Economics. 2023. No. 5. P. 34 – 41.
9. Tkachenko P. Workplace injury statistics. Occupational Safety. URL: <https://www.centrattek.ru/info/statistika-proizvod-travmatizm-po-miru-rossija/> (date of access: 03.06.2026)
10. Yanyshhev V.G. Practical aspects of accident investigation // Occupational Safety and Fire Safety. 2019, No. 3. URL: <https://otpb.com.ru/articles/prakticheskie-aspekty-rassledovaniya-neschastnyh-sluchaev> (date of access: 03.06.2026)

Информация об авторах

Идельбаева Г.И., кандидат юридических наук, доцент, Уфимский университет науки и технологий

Шагимуратова З.А., кандидат юридических наук, доцент, Уфимский университет науки и технологий

© Идельбаева Г.И., Шагимуратова З.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 340.113

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-128-141

Понятие «данные» в законодательстве государств – участников СНГ в условиях развития искусственного интеллекта и формирования «экономики данных»

¹ Насонова П.С.,

¹ Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Аннотация: статья посвящена правовому анализу понятия «данные» и родового по отношению к нему понятия «информация» в законодательстве государств – участников СНГ и модельных законах Содружества в условиях международной регионализации. Актуальность исследования обусловлена развитием технологий искусственного интеллекта, цифровых платформ и систем автоматизированного принятия юридически значимых решений, что требует унификации понятийного аппарата информационного права на пространстве Содружества. Целью работы является выявление закономерностей развития понятий «информация» и «данные» в национальном законодательстве государств – участников СНГ и модельных законах СНГ, а также выработка рекомендаций по совершенствованию их легальных дефиниций. В исследовательской работе проведен анализ подходов государств – участников СНГ к определению понятий «информация» и «данные», дана оценка положениям Модельного информационного кодекса и Модельного закона «Об информатизации, информации и защите информации». На основе выявленных недостатков обоснованы направления совершенствования понятийного аппарата указанных модельных актов. В качестве основных направлений совершенствования понятийного аппарата автором предлагается определение понятия «информация» через конструкцию «сведения (сообщения, данные), а также формулирование и закрепление понятия «данные», что является стратегически важным в условиях развития цифровых платформ, искусственного интеллекта и систем автоматизированного принятия юридически значимых решений.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровые платформы, системы автоматизированного принятия юридически значимых решений, информация, данные, понятийный аппарат, информационное право, законодательство государств – участников СНГ, модельные законы СНГ, унификация, международная регионализация

Для цитирования: Насонова П.С. Понятие «данные» в законодательстве государств – участников СНГ в условиях развития искусственного интеллекта и формирования «экономики данных» // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 5. С. 128 – 141. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-128-141

Поступила в редакцию: 12 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 14 октября 2026 г.

The concept of «data» in the legislation of the CIS member states in the context of artificial intelligence development

¹ Nasonova P.S.,

¹ Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

Abstract: the article is devoted to a legal analysis of the concept of «data» and its generic concept of «information» in the legislation of the CIS member states and the model laws of the Commonwealth in the context of international regionalization. The relevance of the study is driven by the development of artificial intelligence technologies, digital platforms, and automated systems for adopting legally significant decisions, which necessitates the unification of the conceptual framework of information law across the Commonwealth. The aim of the work is to identify patterns in the development of the concepts of «information» and «data» in the national legislation of the CIS member states and CIS model laws, as well as to develop recommendations for improving their legal definitions. The study analyzes the approaches of the CIS member states to defining the concepts of «information» and «data» and assesses the provisions of the Model Information Code and the Model Law «On Informatization, Information and Information Protection». Based on the identified shortcomings, the directions for improving the conceptual framework of these model acts are substantiated. As the main directions for improving the conceptual framework, the author proposes defining the concept of «information» through the construction «sections (messages, data)», as well as formulating and consolidating the concept of «data», which is strategically important in the context of the development of digital platforms, artificial intelligence and automated legally significant decision-making systems.

Keywords: artificial intelligence, digital platforms, automated legally significant decision-making systems, information, data, conceptual apparatus, information law, legislation of the CIS member states, CIS model laws, unification, international regionalization

For citation: Nasonova P.S. The concept of «data» in the legislation of the CIS member states in the context of artificial intelligence development. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (5). P. 128 – 141. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-128-141

The article was submitted: August 12, 2026; Approved after reviewing: September 9, 2026; Accepted for publication: October 14, 2026.

Введение

Формирование и унификация понятийного аппарата информационного права в законодательстве государств – участников СНГ относятся к числу приоритетных задач в условиях построения информационного общества и интенсификации международной регионализации. В этом контексте особое значение приобретает понятие «данные», выступающее основой формирования и развития правовой инфраструктуры в области искусственного интеллекта [1; 2, с. 155-175], цифровых платформ, систем автоматизированного принятия юридически значимых решений в сфере государственного управления [3, с. 143-144], а также ряда иных стратегически значимых направлений. Обобщенно актуальность исследования понятия «данные» в законодательстве государств – участников СНГ можно объяснить следующими причинами:

Во-первых, это обусловлено потребностями развития технологий искусственного интеллекта (в частности, больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта) на территории государств – участников СНГ, что подтверждается содержанием документов стратегического планирования и государственных программ, нацеленных на построение и развитие ИКТ в каждой стране – участнице Содружества. Вместе с тем прогресс в сфере искусственного интеллекта на территории Содружества напрямую зависит от того, насколько эффективно обеспечивается защита «данных» на этапах создания и обучения соответствующих больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта. Без решения этой задачи полноценное развитие указанных технологий представляется затруднительным. Для надлежащей защиты «данных» и развития механизмов правового регулирования их обработки необходимо формировать понятийный аппарат в данной сфере. Следовательно, требуется унификация понятия «данные» на территории государств Содружества. Так, без единообразного понятийного аппарата, в рамках которого все страны – участницы будут единообразно определять содержание понятия «данные», невозможно сконструировать эффективную модель правового регулирования обработки данных, стратегически значимых для безопасного развития технологий искусственного интеллекта и иных сквозных технологий на пространстве Содружества.

Во-вторых, это объясняется тем, что роль «данных» в современных экономических системах на территории всех государств, включая пространство Содружества, возрастает в геометрической прогрессии. В связи с этим можно справедливо утверждать, что они могут рассматриваться как один из основных факторов производства в новых экономических реалиях. В этом случае следует согласиться с Э.И. Лескиной, которая подчеркивает, что «данные по своей природе обладают ценностью, которая может рассматриваться и как социальная категория, некая аксиологическая сторона, и как экономическая категория, выражающаяся в определенной стоимости» [4, с. 151]. Вышеизложенное свидетельствует о необходимости анализа законодательства государств – участников СНГ в части определения понятия «данные» и выработки подходов к его унификации. Определение такого значимого понятия, как «данные», будет способствовать улучшению экономических отношений между государствами – участниками СНГ и частными субъектами в сфере оборота (обработки) данных, гармонизации законодательства на постсоветском пространстве, а также дальнейшему установлению правового режима оборота (обработки) данных. В свою очередь, это положительно скажется на формировании «рынка данных», стратегически важного для развития информационных технологий в целом. Это особенно важно для Российской Федерации, которой, по обоснованному мнению А.А. Ефремова, «важно обеспечить взаимовыгодное сотрудничество с дружественными государствами и интеграционными объединениями (ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС) в сфере развития рынка данных на основе технологической кооперации и совместного использования данных, предоставления доступа к рынкам данных друг друга на основе принципа взаимности, а также обеспечения прав и законных интересов всех участников рынка при осуществлении трансграничной передачи данных» [5, с. 68].

В-третьих, актуальность исследования понятия «данные» в законодательстве государств – участников СНГ и поиска подходов к его унификации обусловлена стремительным развитием цифрового законодательства на пространстве Содружества. Например, приняты Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 г. №255-VIII ЗРК [6], Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 г. №230-VIII ЗРК «Об искусственном интеллекте», Цифровой кодекс Кыргызской Республики от 31 июля 2025 г. №17 [7]. Более того, разрабатывается ряд проектов кодифицированных актов, направленных на регулирование информационных отношений. Например, Закон Республики Узбекистан «Об утверждении Информационного кодекса Республики Узбекистан» (проект) [8] и др. Это свидетельствует о первых попытках правового регулирования отношений в цифровой среде и накоплении парламентами государств опыта конструирования правовых норм в сфере информационных технологий, в том числе в области правового регулирования «данных». Более того, это указывает на возрастающую потребность государств – участников Содружества в поиске оптимальных правовых моделей и дефиниций в сфере регулирования информационных технологий, а следовательно, и в определении правового режима «данных», выступающих ключевой ценностью в условиях цифровой трансформации. Ответом на эту потребность может послужить практика межпарламентского сотрудничества в условиях международной регионализации (прежде всего практика принятия модельных законов СНГ). Важно отметить, что именно факт начала развития цифрового законодательства в отдельных государствах Содружества создает благоприятные условия для такого сотрудничества, поскольку существует взаимное влияние международной регионализации и правотворчества отдельных государств. Так, международная регионализация в сфере правотворчества не только влияет на национальное право, формируя новые институты и нормы, но и сама зависит от правотворческой политики, проводимой участвующими в объединении государствами [9, с. 207]. Следовательно, исследование понятия «данные» в законодательстве государств – участников СНГ будет способствовать развитию интеграционных процессов в сфере права, позволив как изучить волю государств, так и выработать унифицированный подход на базе модельного закона СНГ. Опора на модельный закон, как результат международной регионализации, позволит государствам использовать соответствующие нормы для формирования собственного законодательства при восполнении пробелов в национальном праве в части определения понятия «данные» и установления их правового режима, что, в свою очередь, будет способствовать гармонизации информационного законодательства на пространстве Содружества.

В-четвертых, это объясняется общим вектором развития межгосударственных отношений, характеризующихся, по обоснованному мнению Л.А. Лазутина, обострением международной напряженности [10, с. 42], а также трудностями развития международного права на глобальном уровне. В данном контексте следует согласиться с позицией А.Я. Капустина и Ю.В. Бобровой, которые подчеркивают: «Международное право в третьем десятилетии XXI в. переживает не лучшие времена. Противоречивые тенденции межгосударственной конкуренции, турбулентности мировых процессов сказываются на его концептуальном восприятии, вплоть до отрицания существования, и искажают его онтологический статус» [11, с. 46]. Подобное положение дел в сфере межгосударственных отношений и состояния международного права на гло-

бальном уровне приводит к постепенному замедлению позитивного развития. В настоящее время прийти к общим подходам в рамках универсальных международных договоров в сфере искусственного интеллекта и других информационных технологий, а тем более к выработке единого определения понятия «данные», не представляется возможным ввиду затруднения согласования воли государств. Такая ситуация приводит к тому, что в указанных условиях особую роль начинают играть региональные организации, в частности Содружество Независимых Государств, на базе которых и необходимо формировать положительный опыт регулирования информационных технологий и обработки данных, включая определение соответствующего понятийного аппарата. Именно потому, что региональные организации, такие как СНГ, в условиях отхода от глобализма и перехода к регионализму начинают играть ключевую роль, особенно важно исследовать понятие «данные» в законодательстве государств – участников СНГ и искать возможности для его унификации на пространстве Содружества. Это тем более важно, что, по обоснованному мнению П.У. Кузнецова, «одним из основных компонентов нормативно-правового оформления международного сотрудничества в области укрепления международной информационной безопасности является когнитивная система понятий и терминов как логико-правовое основание разработки норм и принципов международного права как фундаментальных ценностей укрепления доверия и сотрудничества в области укрепления безопасности в информационной сфере» [12, с. 43].

Кроме того, проблема интеграции информационного законодательства, включая ее развитие в рамках Содружества Независимых Государств, неоднократно становилась предметом научного осмысления. В частности, к ней обращались Т.А. Полякова [13, с. 10, 15], А.Н. Гулемин [14, с. 13], А.В. Крутских [15, с. 309-313] и другие исследователи. Так, изучение понятия «данные» в законодательстве государств – участников СНГ и поиск способов его унификации, безусловно, рассматриваются как одно из направлений международной регионализации в сфере правотворчества, что особенно значимо для развития и интеграции информационного права на современном этапе.

Таким образом, даже этот далеко не исчерпывающий перечень причин свидетельствует об актуальности избранной темы исследования. Его целью является правовой анализ понятия «данные», а также понятия «информация» как родового по отношению к «данным» в законодательстве государств – участников СНГ и модельных законах СНГ в условиях международной регионализации. Решение поставленных задач исследования предполагает выявление закономерностей развития указанных понятий в законодательстве государств Содружества, а также выработку рекомендаций по совершенствованию определений понятий «информация» и «данные» в модельных законах СНГ.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования выступили нормативные правовые акты государств – участников СНГ, акты стратегического планирования в сфере цифрового развития, кодифицированные акты и их проекты, модельные законы СНГ, а также научные источники по информационному праву и вопросам международной регионализации. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специально-юридические методы познания.

Результаты и обсуждения

Прежде чем приступить к изложению резолютивной части исследования, необходимо сделать оговорку. Хотя ключевым объектом исследования и является понятие «данные», оно рассматривается в иерархической взаимосвязи с понятием «информация».

Принимая во внимание, что в юридической науке уже существуют работы, посвященные анализу дефиниции «информация» на примере России и стран СНГ (А.В. Сидорова, Е.А. Ефремова [16, с. 73-75]), отметим, что в рамках нашего исследования анализ указанного понятия носит вспомогательный характер. Он необходим для выявления иерархических связей и определения соотношения понятий «информация» и «данные». Иными словами, мы обращаемся к категории «информация» для того, чтобы лучше понять наш основной объект исследования – понятие «данные», которое постепенно становится основным в условиях развития искусственного интеллекта, цифровых платформ и систем автоматизированного принятия юридически значимых решений. Представляется, что при изучении понятия «данные» было бы неправильно игнорировать родовое понятие «информация».

Приступим к изложению результатов исследования. Анализ понятий «информация» и «данные» в законодательстве государств – участников СНГ и модельных законах СНГ позволил прийти к следующим выводам.

Большая часть государств – участников СНГ в своих законодательных актах определяет понятие «информация» через понятие «сведения», таким образом отождествляя их (Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Узбекистан, Азербайджанская Республика, Республика Кыргызстан, Республика Таджикистан). В Республике Армения вместо понятия «информация» используется понятие «сведения», которое раскрывается через понятие «данные». Нельзя игнорировать и тот факт, что в Республике Кыргызстан действует и иной закон, где «информация» определяется как «содержание (контент) цифровых данных, цифровых записей, непосредственно доступное для восприятия человеком» [7]. Таким образом, в двух законодательных актах этой страны присутствует расхождение в определении одного и того же понятия, что может рассматриваться как дефект информационного законодательства. Для настоящего исследования более примечательным является факт того, что при сопоставлении двух указанных подходов в определении понятия «информация» в Республике Кыргызстан возникает сложность в установлении родовидовых отношений между понятиями «информация», «сведения» и «цифровые данные». В проекте Информационного кодекса Республики Узбекистан также наблюдается подход к трактовке «информации» посредством термина «данные». Согласно этому документу, «информация» определяется как «данные о лицах, объектах, фактах, событиях, происшествиях и процессах, независимо от формы их представления» [8]. Подобная тенденция заслуживает внимания и не может быть оставлена без анализа.

Лишь две страны – Российская Федерация и Республика Кыргызстан – используют законодательную модель, основанную на понятии «сведения», которое включает в себя «сообщения» и «данные». Указанная модель выглядит следующим образом: информация – это сведения (сообщения, данные). Представляется, что именно она является оптимальной в условиях построения «экономики данных», поскольку позволяет установить родовидовые отношения между этими понятиями. Информация выступает родовым понятием, тождественным «сведениям», а «сообщения» и «данные» – видовыми по отношению к нему. Такая законодательная модель позволит избежать отождествления «информации» с «данными» и не допустить логической ошибки при конструировании норм, когда родовое понятие приравнивается к видовому.

Анализ определений понятия «информация» в модельных законах СНГ приводит к следующему заключению. Данная категория трактуется в них неединообразно. В частности, Модельный информационный кодекс для государств – участников СНГ определяет информацию через термин «сведения», что соответствует основной тенденции развития национального законодательства стран Содружества. Иной подход зафиксирован в Модельном законе для государств – участников СНГ «Об информатизации, информации и защите информации»: здесь применяется конструкция «сведения или данные», причем союз «или» придает этим понятиям характер взаимозаменяемых. Однако подобная формулировка представляется некорректной, поскольку «данные» являются видовым понятием по отношению к информации (сведениям), а не равнозначным ей. Следовательно, логическая иерархия терминов нарушается.

Дифференциация определений понятия «информация», а также различия в установлении родовидовых отношений между понятиями «информация» и «данные» в законодательстве государств – участников СНГ и модельных законах СНГ представляются неоправданными в условиях, когда «данные» становятся ключевым ресурсом развития государств. Ввиду этого критически важно нормативно закрепить их родовидовую связь с «информацией» на уровне модельных законов СНГ и легальных дефиниций в законодательстве стран Содружества. Это тем более значимо, что ряд стран уже признает «данные» видовым понятием по отношению к «информации» (например, Республика Казахстан определила «данные» и «цифровые данные» как разновидность информации, хотя и избежала в законе формулировки «сведения (сообщения, данные)» при определении понятия «информация»).

Обнаруженные различия в определении соотношения категорий «информация» и «данные» обуславливают необходимость формирования унифицированного подхода. В качестве практического решения предлагается закрепить единую дефиницию термина «информация» в следующей формулировке: информация – сведения (сообщения, данные), представленные в любой форме и любом виде, на любых носителях, о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, которые имели, имеют или будут иметь место в обществе, государстве и окружающей среде. Первоначально данное определение следует внедрить на уровне Модельного информационного кодекса для государств – участников СНГ. Впоследствии необходимо содействовать применению указанной формулировки в национальных законодательствах государств Содружества, что обеспечит правовую согласованность и устранил терминологические противоречия. Такой подход позволит сформировать единообразное понимание «информации» и ее родовидовых отношений с понятием «данные», что будет способствовать гармонизации понятийного аппарата информационного права на всем пространстве СНГ.

Таблица 1

Понятие «информация» в актах государств – участников СНГ.

Table 1

The concept of "information" in the legal acts of CIS member states.

Российская Федерация	Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ст. 2) [17].	«сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» [17].
Республика Беларусь	Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (ст. 1) [17].	«сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления» [17].
Республика Казахстан	Закон Республики Казахстан от 16 ноября 2015 г. № 401-V «О доступе к информации» (ст. 1) [19].	«сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, зафиксированных в любой форме, составленные или полученные обладателями информации и имеющиеся в их распоряжении» [19].
Республика Узбекистан	Закон Республики Узбекистан от 12 декабря 2002 г. № 439-П «О принципах и гарантиях свободы информации» (ст. 3) [20].	«сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от источников и формы их представления» [20].
	Закон Республики Узбекистан «Об утверждении информационного кодекса Республики Узбекистан» (<i>проект</i>) (ст. 3) [8].	«информация о лицах, объектах, фактах, событиях, происшествиях и процессах, независимо от их источников и формы представления» [8].
Азербайджанская Республика	Закон Азербайджанской Республики от 3 апреля 1998 г. №460-IQ «Об информации, информатизации и защите информации» (ст. 2) [21].	«факты, отзывы, знания, новости и сведения иного характера, созданные или полученные в результате любой деятельности, независимо от времени создания, формы выдачи и классификации» [21].
Республика Армения	Закон Республики Армения от 23 сентября 2003 г. «О свободе информации» (ст. 3) [22].	Понятие «информация» отсутствует. Присутствует понятие «сведения» «полученные и оформленные в установленном законодательством порядке данные о личности, предмете, факте, обстоятельстве, событии, происшествии, явлении, независимо от формы обладания ими или их материального носителя (текстовые, электронные документы, звукозаписи, видеозаписи, фото пленки, чертежи, схемы, ноты, карты)» [22].
Кыргызская Республика	Цифровой кодекс Кыргызской республики от 31 июля 2025 г. №178 (ст. 1) [7].	«содержание (контент) цифровых данных, цифровых записей, непосредственно доступное для восприятия человеком» [7].
Республика Таджикистан	Закон Республики Таджикистан от 10 мая 2002 года №55 «Об информации» (ст. 1) [23].	«сведения о лицах, предметах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления» [23].
Содружество Независимых Государств (СНГ)	Модельный информационный кодекс для государств-участников СНГ (ст. 13) [24].	«сведения, представленные в любой форме и любом виде, на любых носителях, о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, которые имели, имеют или будут иметь место в обществе, государстве и окружающей среде» [24].

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Содружество Независимых Государств (СНГ)	Модельный закон СНГ «Об информации, информатизации и защите информации» (ст. 2) [25].	«сведения или данные, порядок использования которых, независимо от способа их представления, хранения или организации, подлежит правовому регулированию в соответствии с настоящим Законом и иными национальными законами» [25].
--	---	--

Важно отметить, что признание «данных» видовым понятием по отношению к «информации» имеет не только теоретическое значение для построения системного понятийного аппарата информационного права, но и прямое прикладное значение. Такая квалификация позволяет распространять на «данные» законодательные положения, установленные для «информации». Таким образом, на «данные» распространяются существующие правовые гарантии, действующие в отношении «информации», что принципиально важно для защиты прав и свобод человека и гражданина. Однако это не исключает необходимости формирования специального правового режима для такого объекта, как «данные».

Стоит подчеркнуть, что обнаруженное несоответствие в трактовке термина «информация», а также потребность в доработке соответствующей статьи Модельного информационного кодекса для государств – участников СНГ (ст. 2), по своей сути имеют второстепенное значение.

Основные выводы исследования связаны с определением термина «данные». В большинстве стран не предпринимаются попытки его юридического закрепления, что характерно для Республики Узбекистан, Азербайджанской Республики, Республики Армения и Республики Таджикистан.

В Российской Федерации используются термины «открытые данные» [26], «база данных» [27], «состав данных» [28] и прочие, при этом определение «данных» преимущественно отражено в технической документации (например, ГОСТ ИСО/МЭК 20547-3-2024 [29], ГОСТ Р 56829-2015 [30], ГОСТ 15971-90 [31], ГОСТ Р 53622-2009 [32] и других). В Республике Беларусь применяются понятия «база данных» [18] и «банк данных» [18].

Наиболее заметные достижения в рассматриваемой сфере наблюдаются в Республике Казахстан, где на законодательном уровне зафиксированы такие дефиниции как «данные» [33], «цифровые данные» [6], «открытые данные» [6], «административные цифровые данные» [6], «продукт цифровых данных» [6], «библиотека данных» [34]. В Республике Кыргызстан применяются термины «цифровые данные» [7], «метаданные» [7] и «открытые данные» [7]. На основе сопоставления определений указанных понятий возможно выделить общие характеристики понятия «данные»: данные представляют собой информацию (сведения); это не любые сведения, а сведения, приведенные к конкретной форме – формализованной, цифровой, машиночитаемой; одним из ключевых свойств данных является возможность их обработки. Вместе с тем недостатком нормативного закрепления данного понятия в Казахстане и Кыргызстане является фрагментарность и несогласованность источников, что порождает отсутствие системности в понятийном аппарате и, как следствие, может вести к существенным правоприменительным ошибкам. Кроме того, не всегда прослеживается логика разграничения понятий «данные» и «цифровые данные».

Анализ модельных законов СНГ также позволил заключить, что в них отсутствует легальное закрепление и определение понятия «данные». Используются лишь понятие «статистическая информация (данные)» [25], отождествляющее статистическую информацию с «данными», что категорически неверно. Присутствуют также понятия «первичные данные» [25] и «статистические данные» [25].

Таблица 2

Понятие «данные» в актах государств государств – участников СНГ.

Table 2

The concept of "data" in the legal acts of CIS member states.

Российская Федерация	Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ст. 7) [17]	Отсутствует понятие «данные», однако есть отсылка к понятию «открытые данные» (ст. 7) [17].
----------------------	---	---

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

	Методические рекомендации по публикации открытых данных государственными органами, органами местного самоуправления и подведомственными им организациями [26].	Открытые данные (Opendata) – «информация, размещенная в сети «Интернет» в виде систематизированных данных, организованных в формате, обеспечивающем ее автоматическую обработку без предварительного изменения человеком, в целях неоднократного, свободного и бесплатного использования» [26].
	Федеральный закон от 26 июля 2026 г. №243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации (ст. 3) [28].	Состав данных – «совокупность данных (с машиночитаемым описанием), которые структурированы или сгруппированы по определенным признакам и необходимы для разработки и развития больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта» [28].
Республика Беларусь	Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (ст. 1) [18].	Отсутствует, однако есть отсылка к понятиям «база данных» и «банк данных». База данных – «совокупность структурированной и взаимосвязанной информации, организованной по определенным правилам на материальных носителях» [18]. Банк данных – «организационно-техническая система, включающая одну или несколько баз данных и систему управления ими» [18].
Республика Казахстан	Закон Республики Казахстан от 16 ноября 2015 г. № 401-V «О доступе к информации» (ст. 1) [19].	Открытые данные – «данные, представленные в машиночитаемом виде и предназначенные для дальнейшего использования, повторной публикации в неизменном виде» [19].
	Кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 года № 350-VI «Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан» (ст. 4) [33]. Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII ЗРК (ст. 16, 17, 18, 30) [6].	Данные – «информация в формализованном виде, пригодная для обработки» [33]. Цифровые данные – «информация, предоставленная в цифровой форме и пригодная для автоматизированного и (или) аналитического сбора, хранения, обработки, использования, передачи, распространения или удаления независимо от способа ее получения и формы цифрового предоставления» [6]. Открытые данные – «цифровые данные, представленные в машиночитаемой форме и предназначенные для свободного использования, обработки, повторной публикации и распространения, размещенные в открытом доступе» [6]. Административные цифровые данные – «цифровые данные, формируемые государственными органами, государственными юридическими лицами, субъектами квазигосударственного сектора и субъектами при исполнении возложенных на них государственных функций и оказании государственных услуг» [6]. Продукт цифровых данных – «агрегированный, формализованный результат обработки цифровых данных, включающий структурированные или иным образом преобразованные цифровые данные, пригодные для использования, обмена и (или) оборота в цифровой среде» [6].

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

Республика Узбекистан	Закон Республики Узбекистан от 12 декабря 2002 г. № 439-П «О принципах и гарантиях свободы информации» [20].	Отсутствует
	Закон Республики Узбекистан «Об утверждении информационного кодекса Республики Узбекистан» (проект) (ст. 3) [8].	Отсутствует
Азербайджанская Республика	Закон Азербайджанской Республики от 3 апреля 1998 г. №460-IQ «Об информации, информатизации и защите информации» (ст. 2) [21].	Отсутствует
Республика Армения	Закон Республики Армения от 23 сентября 2003 г. «О свободе информации» (ст. 3) [22].	Отсутствует
Кыргызская Республика	Цифровой кодекс Кыргызской республики от 31 июля 2025 г. №178 (ст. 1) [7].	Цифровые данные – «цифровые данные - пригодные для обработки с использованием цифровых устройств данные независимо от формы и способа их хранения и передачи» [7]. Метаданные – «структурированные цифровые данные, характеризующие любые цифровые объекты правоотношений в цифровой среде для их идентификации, поиска и управления ими» [7]. Открытые данные – «цифровые данные, доступные в машиночитаемом формате без ограничений на их повторное использование» [7].
Республика Таджикистан	Закон Республики Таджикистан от 10 мая 2002 года №55 «Об информации» (ст. 1) [23].	Отсутствует
Содружество Независимых Государств (СНГ)	Модельный информационный кодекс для государств-участников СНГ (ст. 29, 30) [24].	Статистическая информация (данные) – «любая информация, которая в количественном и качественном измерении характеризует массовые явления и процессы, имеющие место в экономической, социальной и других сферах жизни страны и мира» [24]. Первичные данные «собираются в процессе проведения статистических наблюдений путем их регистрации в соответствии со специальной программой, разработанной на основе статистической методологии» [24]. Статистические данные – «информация, полученная в результате обработки первичных данных на основе статистической методологии и представленная в формализованном виде» [24].

Представляется, что в условиях, когда у большинства стран отсутствует легальное закрепление понятия «данные», а их значение возрастает в геометрической прогрессии, необходимо закрепить его в Модельном информационном кодексе для государств – участников СНГ следующим образом: данные – сведения, представленные в формализованном виде, позволяющем осуществлять их автоматизированную обработку с использованием средств вычислительной техники. Думается, что именно такая дефиниция будет полезна государствам, где это понятие еще не определено.

Подобное развитие Модельного информационного кодекса для государств – участников СНГ положительно скажется на развитии законодательства государств – участников СНГ, поскольку поможет опреде-

лить столь важное понятие в условиях «экономики данных», когда перед государствами стоит задача развития «рынка данных», цифровых платформ, информационных технологий и в особенности – технологий искусственного интеллекта. Именно такой вектор развития понятия «данные» в законодательстве государств – участников СНГ и модельных законах СНГ способен продемонстрировать положительный эффект международной регионализации. Ведь обсуждение региональной интеграции, в частности, ее современной формы – международной регионализации, оправдано лишь в том случае, если эти процессы развиваются по сценарию, где все участники получают выгоду [35, с. 15-16]. Предлагаемый подход отвечает этому критерию, поскольку позволяет параллельно развивать как наднациональное право (посредством совершенствования модельного информационного законодательства СНГ), так и способствовать развитию национально-го законодательства государств – участников СНГ в части определения понятий «данные» и «информация», являющегося родовым по отношению к «данным».

Выводы

Технологическая революция, вызванные ею смена технологического и экономического укладов жизни общества, глобальные кризисы, а также международная турбулентность демонстрируют значительный преобразующий потенциал для права [36, с. 28]. В условиях трансформации права под влиянием общемировых процессов все большую роль начинает играть международная регионализация, в том числе в сфере правотворчества, поскольку глобальные универсальные международно-правовые регуляторы становятся недостаточно эффективными.

В части описания положительных эффектов международной регионализации в современных условиях следует согласиться с Е.Е. Рафалюком, который отмечает, что «наряду с обеспечением экономического эффекта международная регионализация способствует развитию основных ценностей, науки и культуры, обеспечению безопасности, так как в современных условиях отдельно взятое государство объективно не способно гарантировать названные приоритеты» [37, с. 46]. Сказанное в полной мере относится и к сфере правового регулирования «данных», которые становятся ключевым ресурсом развития государств [38, с. 19].

Так, в современных условиях отдельно взятое государство объективно не способно самостоятельно развить «рынок данных», цифровые платформы, технологии искусственного интеллекта и иные сквозные технологии. Именно поэтому критически важно реализовывать механизмы международной регионализации в сфере правотворчества, в данном случае – на уровне Содружества Независимых Государств. Положительный эффект от международной регионализации должен выражаться в совершенствовании Модельного информационного кодекса для государств – участников СНГ в части определения понятия «данные», а также изменения понятия «информация», выступающего родовым по отношению к «данным».

В целях совершенствования понятийного аппарата Модельного информационного кодекса для государств – участников СНГ предлагается внести в него следующие изменения. Важно четко определить понятие «информация» как «сведения», которые включают в себя «сообщения» и «данные», независимо от формы их представления. Такая формулировка устанавливает иерархию между «информацией» и «данными», подчеркивая их взаимосвязь. Кроме того, необходимо закрепить понятие «данные» в кодексе, определив его следующим образом: сведения, представленные в формализованном виде, позволяющем осуществлять их автоматизированную обработку при использовании средств вычислительной техники.

Предлагаемые изменения имеют практическую ценность как для модельного законодательства Содружества, так и для национальных правопорядков государств – участников СНГ. Актуальность таких изменений обусловлена тем, что в настоящее время иерархические отношения между «информацией» и «данными» трактуются в нормативных актах различных стран неодинаково, а во многих юрисдикциях термин «данные» и вовсе не получил легального закрепления – используются лишь близкие по смыслу, но не тождественные категории. Закрепление дефиниции «данных» и уточнение понятия «информация» в Модельном информационном кодексе для государств – участников СНГ создаст ориентир для национальных законодательств и обеспечит единообразный подход к пониманию родовидовой связи между указанными понятиями.

Подобная форма международной регионализации в сфере правотворчества положительно скажется на экономическом, политическом, научно-техническом и ином сотрудничестве, поскольку именно право выступает интегратором правовых систем и способствует построению оптимальных моделей общественных отношений на основе закона.

Список источников

1. Хабриева Т.Я. Искусственный интеллект, информация и данные в координатах права: доклад // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. URL: https://izak.ru/img_content/conference/Искусственныйинтеллект,информацияиданныеvкоординатахправа.pdf (дата обращения: 27.07.2026)
2. Мотова Е.А., Чагина Е.М. Искусственный интеллект, информация и право: XXI Международная школа-практикум молодых ученых-юристов // Журнал российского права. 2026. Т. 30. № 8. С. 155 – 175. DOI: 10.61205/S160565900038847-5
3. Назаров Н.А. Обеспечение качества данных при автоматизированном принятии решений в государственном управлении // Журнал российского права. 2024. Т. 28. №5. С. 140 – 156. DOI: 10.61205/S160565900029696-9
4. Лескина Э.И. Категория «ценность данных» как ключевой фактор экономики данных: концептуальные основы // Журнал российского права. 2026. Т. 30. №8. С. 137 – 154. DOI: 10.61205/S160565900036147-5
5. Ефремов А.А. Развитие правового регулирования рынка данных в России: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2026. № 6. С. 63 – 69. DOI: 10.17803/2311-5998.2026.142.6.063-069
6. Цифровой кодекс Республики Казахстан от 09.01.2026 № 255-VIII ЗРК.
7. Цифровой кодекс Кыргызской Республики от 31.07.2025 № 178.
8. Проект Закона Республики Узбекистан «Об утверждении Информационного кодекса Республики Узбекистан».
9. Абрамова А.И., Андриченко Л.В., Бондарь Н.С. и др. Правотворчество в условиях международной регионализации: монография / под ред. Т.Я. Хабриевой, А.С. Емельянова, М.В. Залоило. М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2026. 224 с.
10. Лазутин Л.А. Международная безопасность: современные реалии и международное право // Российский юридический журнал. 2017. № 5 (116). С. 42 – 46.
11. Капустин А.Я., Боброва Ю.В. Международное право: между глобализмом и регионализмом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 5. С. 45 – 56. DOI: 10.61205/jzsp.2023.065
12. Кузнецов П.У. К вопросу о совершенствовании терминологии нормативных актов в области международной информационной безопасности // Сборник докладов участников XIX Международного форума «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности» (16-18 сентября 2025 г., г. Москва). М.: НАМИБ, 2025. С. 42 – 43.
13. Полякова Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: автореф. дис. ... док-ра юрид. наук: Москва, 2008. 38 с.
14. Гулемин А.Н. Интеграция информационного законодательства в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: Екатеринбург, 2008. 27 с.
15. Международная информационная безопасность: теория и практика: в 3-х т. Том 1: учебник / под общ. ред А.В. Крутских. 2-е изд., доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. 384 с.
16. Сидорова А.В., Ефремова А.В. Сравнительно-правовой анализ дефиниции «информация» (на примере России и стран СНГ) // Евразийский юридический журнал. 2022. № 12 (175). С. 73 – 75. DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-73-75
17. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
18. Закон Республики Беларусь от 10.11.2008 № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации».
19. Закон Республики Казахстан от 16.11.2015 № 401-V «О доступе к информации».
20. Закон Республики Узбекистан от 12.12.2002 № 439-II «О принципах и гарантиях свободы информации».
21. Закон Азербайджанской Республики от 03.04.1998 № 460-IQ «Об информации, информатизации и защите информации».
22. Закон Республики Армения от 23.09.2003 «О свободе информации».
23. Закон Республики Таджикистан от 10.05.2002 № 55 «Об информации».
24. Модельный информационный кодекс для государств – участников СНГ: принят на тридцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 30-6 от 03.04.2008)

25. Модельный закон СНГ «Об информации, информатизации и защите информации»: принят на двадцать шестом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 26-7 от 18.11.2005)
26. Методические рекомендации по публикации открытых данных государственными органами и органами местного самоуправления, а также технические требования к публикации открытых данных (версия 3.0).
27. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 №230-ФЗ.
28. Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации».
29. ГОСТ ИСО/МЭК 20547-3–2024. Информационные технологии. Эталонная архитектура больших данных. Часть 3. Эталонная архитектура: утв. приказом Росстандарта от 28.10.2024 № 1541-ст; введ. 01.01.2025. (п. 3.1.).
30. ГОСТ Р 56829–2015. Интеллектуальные транспортные системы. Термины и определения: утв. приказом Росстандарта от 10.12.2015 № 2150-ст; введ. 01.06.2016. (п. 6.).
31. ГОСТ 15971–90. Системы обработки информации. Термины и определения: утв. приказом Госстандарта СССР от 26.10.1990 № 2698; введ. 01.01.1992. (п. 5.).
32. ГОСТ Р 53622–2009. Информационные технологии (ИТ). Информационно-вычислительные системы. Стадии и этапы жизненного цикла, виды и комплектность документов (Переиздание): утв. приказом Росстандарта от 15.12.2009 № 964-ст; введ. 01.01.2011. (п. 3.2.).
33. Кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 года № 350-VI «Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан» (ст. 4).
34. Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» от 17 ноября 2025 г. № 230-VIII ЗРК.
35. Емельянов А.С., Ефремов А.А., Зырянов С.М. и др. Региональная интеграция в административно-правовой доктрине и практике: монография / отв. ред. А.С. Емельянов, А.В. Калмыкова. М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2024. 264 с.
36. Хабриева Т.Я. Правовые очерки технологической революции. М.: Юр. НОРМА, НИЦ ИНФРА-М, 2026. 144 с.
37. Рафалюк Е.Е. Международная интеграция: методологические проблемы исследования // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 42 – 52.
38. Минбалеев А.В. Проблемы правового обеспечения трансформации российской экономики в условиях перехода к экономике данных // Шестые Бачиловские чтения: сборник статей участников Международной научно-практической конференции. Москва, 2-3 февраля 2023 года. М., 2023. С. 18 – 26.

References

1. Khabrieva T.Ya. Artificial Intelligence, Information, and Data within the Legal Framework: Report. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. URL: https://izak.ru/img_content/conference/Искусственныйинтеллект,информацияиданныеивкоординатахправа.pdf (date of access: 27.07.2026)
2. Motova E.A., Chagina E.M. Artificial Intelligence, Information, and Law: XXI International Workshop for Young Legal Scholars. Journal of Russian Law. 2026. Vol. 30. No. 8. P. 155 – 175. DOI: 10.61205/S160565900038847-5
3. Nazarov N.A. Ensuring Data Quality in Automated Decision-Making in Public Administration. Journal of Russian Law. 2024. Vol. 28. No. 5. P. 140 – 156. DOI: 10.61205/S160565900029696-9
4. Leskina E.I. The Category of "Data Value" as a Key Factor of the Data Economy: Conceptual Foundations. Journal of Russian Law. 2026. Vol. 30. No. 8. P. 137 – 154. DOI: 10.61205/S160565900036147-5
5. Efremov A.A. Development of Legal Regulation of the Data Market in Russia: Challenges and Prospects. Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). 2026. No. 6. P. 63 – 69. DOI: 10.17803/2311-5998.2026.142.6.063-069
6. Digital Code of the Republic of Kazakhstan dated January 9, 2026, No. 255-VIII ZRK.
7. Digital Code of the Kyrgyz Republic dated July 31, 2025, No. 178.
8. Draft Law of the Republic of Uzbekistan “On Approving the Information Code of the Republic of Uzbekistan.”
9. Abramova A.I., Andrichenko L.V., Bondar N.S., et al. Law-making in the Context of International Regionalization: Monograph. Ed. by T.Ya. Khabrieva, A.S. Emelyanov, M.V. Zaloilo. Moscow: IZiSP: INFRA-M, 2026. 224 p.

10. Lazutin L.A. International Security: Modern Realities and International Law. *Russian Juridical Journal*. 2017. No. 5 (116). P. 42 – 46.
11. Kapustin A.Ya., Bobrova Yu.V. International Law: Between Globalism and Regionalism. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2023. Vol. 19. No. 5. P. 45 – 56. DOI: 10.61205/jzsp.2023.065
12. Kuznetsov P.U. On the Issue of Improving the Terminology of Regulatory Acts in the Field of International Information Security. Collection of Papers from the 19th International Forum "Partnership between the State, Business, and Civil Society in Ensuring International Information Security" (September 16-18, 2025, Moscow). Moscow: NAMIB, 2025. P. 42 – 43.
13. Polyakova T.A. Legal Support for Information Security During the Construction of the Information Society in Russia: Abstract of Doctoral Dissertation (Law). Moscow, 2008. 38 p.
14. Gulemin A.N. Integration of Information Legislation in the Context of Globalization: Abstract of Candidate Dissertation (Law). Yekaterinburg, 2008. 27 p.
15. International Information Security: Theory and Practice: in 3 vols. Vol. 1: Textbook. Ed. by A.V. Krutskikh. 2nd ed., expanded. Moscow: Aspekt Press, 2021. 384 p.
16. Sidorova A.V., Efremova A.V. Comparative Legal Analysis of the Definition of "Information" (Case Study of Russia and CIS Countries). *Eurasian Law Journal*. 2022. No. 12 (175). P. 73 – 75. DOI 10.46320/2073-4506-2022-12-175-73-75
17. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006, "On Information, Information Technologies, and Information Protection."
18. Law of the Republic of Belarus No. 455-Z of November 10, 2008, "On Information, Informatization, and Information Protection."
19. Law of the Republic of Kazakhstan No. 401-V of November 16, 2015, "On Access to Information."
20. Law of the Republic of Uzbekistan No. 439-II of December 12, 2002, "On Principles and Guarantees of Freedom of Information."
21. Law of the Republic of Azerbaijan No. 460-IQ of April 3, 1998, "On Information, Informatization, and Information Protection."
22. Law of the Republic of Armenia of September 23, 2003, "On Freedom of Information."
23. Law of the Republic of Tajikistan No. 55 of May 10, 2002, "On Information."
24. Model Information Code for CIS Member States: adopted at the 30th plenary session of the Interparliamentary Assembly of CIS Member States (Resolution No. 30-6 dated April 3, 2008).
25. CIS Model Law "On Information, Informatization, and Information Protection": adopted at the 26th plenary session of the Interparliamentary Assembly of CIS Member States (Resolution No. 26-7 dated November 18, 2005).
26. Methodological recommendations on the publication of open data by state and local self-government bodies, as well as technical requirements for the publication of open data (Version 3.0).
27. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) No. 230-FZ dated December 18, 2006.
28. Federal Law No. 243-FZ dated July 26, 2026, "On Supporting the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation."
29. GOST ISO/IEC 20547-3–2024. Information technology. Big data reference architecture. Part 3. Reference architecture: approved by Rosstandart Order No. 1541-st dated October 28, 2024; entered into force on January 1, 2025 (Cl. 3.1).
30. GOST R 56829–2015. Intelligent transport systems. Terms and definitions: approved by Rosstandart Order No. 2150-st dated December 10, 2015; entered into force... 01.06.2016 (Item 6).
31. GOST 15971–90. Information processing systems. Terms and definitions: approved by Order of the USSR State Committee for Standards (Gosstandart) No. 2698 dated October 26, 1990; entered into force on January 1, 1992 (Cl. 5).
32. GOST R 53622–2009. Information technology (IT). Information and computing systems. Lifecycle stages and phases, types and completeness of documentation (Reissue): approved by Order of the Federal Agency on Technical Regulating and Metrology (Rosstandart) No. 964-st dated December 15, 2009; entered into force on January 1, 2011 (Cl. 3.2).
33. Code of the Republic of Kazakhstan No. 350-VI dated June 29, 2020, "Administrative Procedural-Process Code of the Republic of Kazakhstan" (Art. 4).
34. Law of the Republic of Kazakhstan "On Artificial Intelligence" No. 230-VIII ZRK dated November 17, 2025.

35. Emelyanov A.S., Efremov A.A., Zyryanov S.M., et al. Regional Integration in Administrative-Legal Doctrine and Practice: Monograph. Eds. A.S. Emelyanov, A.V. Kalmykova. Moscow: IZiSP: INFRA-M, 2024. 264 p.

36. Khabrieva T.Ya. Legal Essays on the Technological Revolution. Moscow: Yur. NORMA, NIC INFRA-M, 2026. 144 p. 37. Rafalyuk E.E. International Integration: Methodological Issues of Research. Journal of Russian Law. 2014. No. 3. P. 42 – 52.

38. Minbaleev A.V. Issues of Legal Support for the Transformation of the Russian Economy Amid the Transition to a Data-Driven Economy Sixth Bachilov Readings: Collection of Articles by Participants of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, February 2-3, 2023. Moscow, 2023. P. 18 – 26.

Информация об авторе

Насонова П.С., Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева,
nasonova.polina2004@gmail.com

© Насонова П.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 340.154, 347.65

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-142-148

Дифференциация и эволюция объектов гражданских прав в Российской империи как фактор трансформации наследования по закону в XVIII – первой трети XIX века

¹ Саунин А.А.,

¹ Уральский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Аннотация: статья посвящена историко-правовому анализу влияния дифференциации объектов гражданских прав на трансформацию наследования по закону в Российской империи XVIII – первой трети XIX в. Цель исследования состоит в выявлении связи между правовым режимом имущества и порядком посмертного преемства. Исследование выполнено на основе актов законодательства, опубликованных в Полном собрании законов Российской империи, Свода законов 1832 г., а также трудов дореволюционной и современной юридической науки. Применены историко-правовой, формально-юридический, системно-структурный и источниковедческий методы. Установлено, что переход имущества к наследникам определялся не только степенью родства, но и различием между вотчиной и поместьем, движимостью и недвижимостью, родовым и благоприобретенным имуществом, а также наличием обязательственных требований и долгов. Обосновано, что Указ о единонаследии 1714 г. изменил классификацию земельных объектов, а его отмена не устранила объектный подход к наследственному регулированию. Практическая значимость работы заключается в уточнении исторических предпосылок современной конструкции наследственной массы и в возможности использования выводов в исследованиях истории российского гражданского и наследственного права, при подготовке учебных курсов и научных комментариев к памятникам российского законодательства.

Ключевые слова: наследование по закону, объекты гражданских прав, недвижимое имущество, родовое имущество, благоприобретенное имущество, единонаследие, Российская империя, наследственная масса

Для цитирования: Саунин А.А. Дифференциация и эволюция объектов гражданских прав в Российской империи как фактор трансформации наследования по закону в XVIII – первой трети XIX века // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 5. С. 142 – 148. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-142-148

Поступила в редакцию: 15 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 14 октября 2026 г.

Differentiation and evolution of objects of civil rights in the Russian Empire as a factor in the transformation of intestate succession in the eighteenth and first third of the nineteenth centuries

¹ Saunin A.A.,

¹ Ural Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Abstract: the article provides a historical and legal analysis of how the differentiation of objects of civil rights affected the transformation of intestate succession in the Russian Empire from the eighteenth century to the first

third of the nineteenth century. The purpose of the study is to identify the relationship between the legal regime of property and the order of succession upon death. The research is based on legislative acts published in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, the 1832 Code of Laws, and pre-revolutionary and modern legal scholarship. Historical and legal, formal legal, systemic, and source-critical methods are employed. The study demonstrates that succession depended not only on kinship, but also on the distinction between patrimonial and service estates, movables and immovables, ancestral and acquired property, as well as claims and debts. It is argued that the 1714 Decree on Single-Heir Succession changed the classification of land objects, while its repeal did not remove the object-oriented approach to succession. The findings clarify the historical preconditions for the modern concept of the estate of the deceased and may be used in research on the history of Russian civil and inheritance law.

Keywords: intestate succession, objects of civil rights, immovable property, ancestral property, acquired property, single-heir succession, Russian Empire, estate of the deceased

For citation: Saunin A.A. Differentiation and evolution of objects of civil rights in the Russian empire as a factor in the transformation of intestate succession in the eighteenth and first third of the nineteenth centuries. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (5). P. 142 – 148. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-142-148

The article was submitted: August 15, 2026; Approved after reviewing: September 13, 2026; Accepted for publication: October 14, 2026.

Введение

История наследования по закону в Российской империи традиционно излагается через правила о степени родства, очередности призвания наследников и соотношении законного и завещательного преемства. Такая перспектива необходима, но недостаточна: она не объясняет, почему лица, формально относимые к одному кругу родственников, получали неодинаковый объем прав в зависимости от состава наследства. Уже дореволюционные исследователи отмечали, что порядок преемства складывался во взаимосвязи с правовым режимом имущества [1-2].

Современная историография преимущественно анализирует отдельные институты наследственного права: распоряжение на случай смерти, раздел наследства, право представления, отказ от наследства либо положение отдельных категорий наследников [3-6]. Значительный вклад в изучение периода Российской империи внесли работы Е.В. Зазолиной, Е.И. Петраченко, О.В. Сазанковой, П.В. Надтачаева и С.В. Мельника [3, 7-9]. Вместе с тем классификация самих объектов гражданских прав как самостоятельный фактор законного наследования нуждается в специальном рассмотрении.

Дополнительное значение для реконструкции восприятия наследственных конфликтов в первой трети XIX в. имеют междисциплинарные исследования литературных свидетельств, не заменяющие нормативный анализ, но позволяющие точнее очертить его социальный контекст [10].

Актуальность темы обусловлена тем, что современная конструкция наследственной массы нередко ретроспективно переносится на право имперского периода. Однако законодательство XVIII – первой трети XIX в. не исходило из единого и однородного комплекса прав и обязанностей умершего. Оно различало правовые режимы земельных владений, движимости и недвижимости, имущества родового и благоприобретенного происхождения, а также долговых требований и обременений. Научная новизна исследования состоит в раскрытии наследования по закону через эволюцию объектной классификации имущества, а не только через изменение персонального состава наследников.

Объект исследования составляют отношения, возникавшие при переходе имущества умершего по закону; предметом выступают нормы и доктринальные представления о видах имущества, определявших содержание такого перехода. Целью работы является установление закономерности влияния дифференциации объектов гражданских прав на развитие наследования по закону в Российской империи XVIII – первой трети XIX в.

Материалы и методы исследований

Источниковую основу образуют опубликованные законодательные акты и памятники права: Указ от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах», акты 1730-1731 гг. об отмене единого наследия и о правовом наименовании поместий и вотчин, Манифест 1762 г., Жалованные грамоты 1785 г. и том X Свода законов Российской империи 1832 г [11-17]. Для проверки библиографиче-

ских сведений о дореволюционных изданиях использованы электронные копии НЭБ, ссылки на которые приведены в списке литературы.

Доктринальный материал представлен трудами И.Д. Беляева, К.А. Неволлина, Н.Ф. Рождественского и исследованиями последних пяти лет [1-10, 18-21]. При обращении к работам современников не отождествляется язык дореволюционной цивилистики с современным понятийным аппаратом. В частности, выражение «наследственная масса» применяется в статье как аналитическая категория, а не как термин, буквально воспроизводящий лексику актов XVIII – первой трети XIX в.

Ведущим является историко-правовой метод, позволивший проследить изменение правового режима имущества в связи с преобразованиями сословного строя, землевладения и гражданского оборота. Формально-юридический метод использован для анализа нормативных предписаний, системно-структурный – для соотнесения норм о наследовании с правилами о вещах, правах требования и долговых обременениях. Сравнительно-правовой прием применен не для механического сопоставления с современным правом, а для выявления различий между историческими конструкциями преемства и современной универсальной моделью наследования.

Результаты и обсуждения

К началу XVIII в. российское право не знало единой абстрактной категории имущества, одинаково переходящего ко всем наследникам. Характер объекта определялся не только его материальными свойствами, но и происхождением, основанием владения, сословной принадлежностью владельца и публичным назначением. Наиболее показательным являлось различие вотчины и поместья. Вотчина связывалась с родовым началом и наследуемым земельным владением; поместье сохраняло связь со службой и зависело от публично-правового признания прав преемника. Поэтому переход земельного владения не сводился к частно-правовому распределению вещи между родственниками.

Указ 1714 г. стал важнейшим этапом переосмысления данной классификации. Его предметом были движимые и недвижимые имущества, а в тексте был закреплён курс на объединение поместий и вотчин в категории недвижимости [11]. При этом содержание указа не следует упрощенно характеризовать как введение безусловного права первородства. Законодатель связывал сохранение целостности недвижимого имущества прежде всего с выбором одного преемника и ограничением дробления объекта; старший сын призывался при отсутствии иного распоряжения. Такой режим охватывал не только дворянское земельное владение, но в силу объектной конструкции затрагивал и иные виды недвижимости. Современное исследование указа обоснованно подчеркивает его комплексный характер и связь наследственных предписаний с обязанностями государственной службы [7].

Юридическим последствием стало расчленение наследственного имущества на части с неодинаковым порядком перехода. Недвижимое имение не могло быть предметом обычного равного раздела, тогда как движимость служила источником обеспечения остальных членов семьи. Следовательно, правовое положение наследника зависело одновременно от родства с наследодателем и от того, к какому виду объектов относилось имущество. Ограничения на отчуждение и залог недвижимости были логическим продолжением режима ее неделимости: свободное распоряжение при жизни могло свести на нет цель сохранения объекта после смерти владельца.

Отмена единонаследия актами 1730-1731 гг. не означала возврата к прежнему противопоставлению вотчины и поместья. Нормы отменили обязанность передачи недвижимого имущества одному наследнику, но сохранили сближение двух форм дворянского землевладения и употребление единого понятия недвижимого имущества [12, 13]. Именно это обстоятельство позволяет говорить не о простой отмене реформы, а о разделении ее элементов: правило неделимости было устранено, тогда как объектная унификация продолжила влиять на последующее наследственное регулирование.

После отмены единонаследия принципиальное значение приобрело различие родового и благоприобретенного имущества. Родовая недвижимость воспринималась не исключительно как экономический ресурс отдельного владельца, но и как имущество, происхождение которого юридически связывало его с определенной линией рода. Поэтому в боковых линиях наследования направление перехода могло зависеть от происхождения объекта. Благоприобретенное имущество в большей степени соединялось с личной деятельностью приобретателя: покупкой, пожалованием, службой или иной правомерной сделкой. Эта дифференциация ограничивала свободу распоряжения и не позволяла свести законное наследование к абстрактному правилу о ближайшем родственнике.

Сословные преобразования второй половины XVIII в. изменили предпосылки данного разграничения. Манифест 1762 г. освободил дворян от обязательной службы, ослабив прямую служебную связь между

имением и обязанностью владельца [14]. Жалованные грамоты 1785 г. закрепили особенности правового статуса дворянства и городских обществ [15, 16]. В результате земельное владение все отчетливее приобретало черты наследственной собственности, но не освобождалось полностью от родовых и сословных ограничений. Историко-правовой анализ развития гражданского права показывает, что последующая систематизация не устранила полисистемности регулирования частных отношений в империи [8].

Развитие городского и торгового оборота расширяло состав имущества, потенциально переходившего наследникам. Дом, лавка, товары, денежный капитал и производственные средства были связаны не только с владением вещами, но и с требованиями к должникам, залогами, расчетами и обязательствами умершего. Неверно механически переносить на XVIII в. современную конструкцию предприятия как единого имущественного комплекса: фабрика или торговое заведение могли обладать хозяйственным единством, однако законодательство регулировало их элементы раздельно. Тем не менее усложнение оборота объективно усиливало значение прав требования и долговой составляющей наследства.

Именно поэтому для исторического периода следует различать наследование отдельных вещей и преемство в имущественном положении умершего. Наследники приобретали активы, но могли сталкиваться с залогами, казенными недоимками, частными долгами и обязанностями, обусловленными деятельностью наследодателя. В современной литературе преемство при наследовании рассматривается через разнообразные правовые механизмы – от права представления до раздела и отказа от наследства [4-6]. Для имперского права эти вопросы необходимо связывать прежде всего с тем, какой правовой режим имел конкретный объект и допускает ли он дробление, отчуждение либо переход в определенную линию родства.

Свод законов Российской империи 1832 г. не создал однородной наследственной массы в современном понимании. Он систематизировал накопленные нормы о вещах, правах на действия лиц, наследстве и специальных режимах имущества [17]. Для разрешения конкретного наследственного дела было недостаточно обратиться только к разделам о наследовании: требовалось установить происхождение имущества, его движимый или недвижимый характер, правомочия владельца по распоряжению и наличие обременений. Н.Ф. Рождественский и К.А. Неволин фиксировали значение исторически сложившихся различий в гражданском и наследственном праве [2, 18].

Полученный результат уточняет распространенное представление о развитии наследования как исключительно о расширении либо сужении круга наследников. Изменение объектной классификации имущества было самостоятельным механизмом правовой трансформации: оно определяло допустимость раздела, пределы завещательного распоряжения, направление перехода к родственникам и объем имущественных последствий смерти владельца. Обзорные современные работы правильно указывают на связь кодификации и изменения наследственных институтов [9, 19-21], однако объектный критерий позволяет конкретизировать эту связь применительно к праву Российской империи.

Выводы

Во-первых, в Российской империи XVIII – первой трети XIX в. наследование по закону определялось не только родством наследника с умершим, но и юридической квалификацией имущества. Вотчина и поместье, недвижимость и движимость, родовое и благоприобретенное имущество, вещные права, требования и долги не образовывали единой в правовом отношении совокупности.

Во-вторых, Указ 1714 г. придал центральное значение категории недвижимого имущества и связал наследственный порядок с сохранением его целостности. Отмена единонаследия устранила обязательную передачу недвижимости одному лицу, однако не разрушила объектный подход и не восстановила прежнее самостоятельное значение поместья как служебного владения.

В-третьих, законодательство второй половины XVIII – первой трети XIX в. сохранило зависимость законного наследования от происхождения объекта и его оборотоспособности. Родовой характер недвижимости, развитие городского имущества, денежного кредита и обязательственных отношений усложняли состав наследства и требовали учета не только вещей, но и имущественных прав и обременений.

В-четвертых, Свод законов 1832 г. следует рассматривать как акт систематизации специальных правил, а не как источник единой модели наследственной массы. Такой вывод имеет значение для историко-правовой интерпретации преемства и препятствует анахроничному переносу современных цивилистических конструкций на нормы Российской империи.

Список источников

1. Беляев И.Д. О наследстве без завещания по древним русским законам, до Уложения царя Алексея Михайловича. М.: Университетская типография, 1858. 140 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002916851/ (дата обращения: 06.08.2026)
2. Рождественский Н.Ф. Историческое изложение русского законодательства о наследстве: рассуждение, писанное для получения степени доктора законовения. СПб.: Типография Н. Греча, 1839. 90 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003542183/ (дата обращения: 06.08.2026)
3. Петраченко Е.И. Теоретико-правовые аспекты развития института наследования по завещанию в Российской империи // Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 4. С. 100 – 104.
4. Ростовцева Н.В. Наследование по праву представления в России и Франции: сравнительное исследование // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 13. № 4. С. 80 – 101.
5. Иващенко К.С. Развитие института «раздел наследства» в отечественном праве // Молодой ученый. 2024. № 45 (544). С. 280 – 284.
6. Носаненко Г.Ю., Гафиуллин Х.И. К вопросу о становлении и развитии института отказа от наследства // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 6 (156). URL: <https://research-journal.org/archive/6-156-2025-june/10.60797/IRJ.2025.156.29> (дата обращения: 06.08.2026)
7. Зазолина Е.В. Указ о единонаследии 1714 г. как комплексный нормативно-правовой акт петровской эпохи: историко-правовой анализ // Наука. Общество. Государство. 2025. Т. 13. № 3. С. 13 – 23.
8. Сазанкова О.В. Кодификация и развитие гражданского права в Российской империи // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2023. Вып. 2 (112). С. 144 – 149.
9. Надтачаев П.В., Мельник С.В. Историческое развитие института наследования в России в дореволюционный период // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 4 (16). С. 20 – 26.
10. Лебедь М.В. Наследование по духовному завещанию в романе Н.И. Греча «Черная женщина» // Chinese Journal of Slavic Studies. 2025. Т. 5. № 1. С. 53 – 68.
11. Указ Петра I от 23.03.1714 «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах». URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1_PETRI_529/ (дата обращения: 06.08.2026)
12. О разделении детям движимых и недвижимых имений по Уложению и об отмене Указа 1714 г. и дополнительных к нему пунктов 1725 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1830. Т. VIII. № 5653. С. 345 – 347. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html?ysclid=muwjz31z7m38988234 (дата обращения: 06.08.2026)
13. О именовании поместий и вотчин недвижимым именем и о разделе оных между детьми по Уложению // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое СПб: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1830. Т. VIII. № 5717. С. 396 – 398. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html?ysclid=muwjz31z7m38988234 (дата обращения: 06.08.2026)
14. Манифест Петра III от 18.02.1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_UK_221/ (дата обращения: 06.08.2026)
15. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства // Полное собрание законов Российской империи. Царствования государыни императрицы Екатерины Второй. Т. XXII. СПб: Губернская типография, 1884. 32 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1510603/ (дата обращения: 06.08.2026)
16. Грамота на права и выгоды городам Российской империи. М.: Городская типография, 1885. 46 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003182205/ (дата обращения: 06.08.2026)
17. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. X: Свод законов гражданских и межевых. СПб: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1832. 166 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004265811/ (дата обращения: 06.08.2026)
18. Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т. 5: История российских гражданских законов. Ч. 3. Кн. 2: Об имуществах. Разд. 3: О правах на действия лиц; разд. 4: О наследстве. СПб, 1858. 524 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1291081/ (дата обращения: 06.08.2026)
19. Ермаков А.В., Максимова С.Ю. Наследственное право от Российской империи до ГК РФ 1994 г. // Аграрное и земельное право. 2024. № 10 (238). С. 185 – 187.

20. Аксёнова С.С., Белунская Я.А. Развитие и становление наследственного права в России // Молодой ученый. 2024. № 16 (515). С. 151 – 152.
21. Ахмедова Н.А. История наследования в России // Молодой ученый. 2023. № 51 (498). С. 208 – 212.

References

1. Belyaev I.D. On Intestate Succession Under Ancient Russian Laws Prior to the Code of Tsar Alexei Mikhailovich. Moscow: University Printing House, 1858. 140 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002916851/ (date of access: 06.08.2026)
2. Rozhdestvensky N.F. A Historical Account of Russian Inheritance Legislation: A Dissertation Written to Obtain the Degree of Doctor of Law. St. Petersburg: N. Grech Printing House, 1839. 90 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003542183/ (date of access: 06.08.2026)
3. Petrachenko E.I. Theoretical and Legal Aspects of the Development of the Institution of Testamentary Succession in the Russian Empire. Legal Paradigm. 2022. Vol. 21. No. 4. P. 100 – 104.
4. Rostovtseva N.V. Succession by Right of Representation in Russia and France: A Comparative Study. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. Vol. 13. No. 4. P. 80 – 101.
5. Ivashchenko K.S. Development of the Institution of "Inheritance Partition" in Domestic Law. Young Scientist. 2024. No. 45 (544). P. 280 – 284.
6. Nosanenko G.Yu., Gafiullin Kh.I. On the Formation and Development of the Institution of Renunciation of Inheritance. International Research Journal. 2025. No. 6 (156). URL: <https://research-journal.org/archive/6-156-2025-june/10.60797/IRJ.2025.156.29> (date of access: 06.08.2026)
7. Zazolina E.V. The 1714 Decree on Primogeniture as a Comprehensive Regulatory Act of the Petrine Era: A Historical-Legal Analysis. Science. Society. State. 2025. Vol. 13. No. 3. P. 13 – 23.
8. Sazankova O.V. Codification and Development of Civil Law in the Russian Empire. Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law. 2023. Issue 2 (112). P. 144 – 149.
9. Nadtachaev P.V., Melnik S.V. Historical Development of the Institution of Inheritance in Russia in the Pre-Revolutionary Period. Society, Law, Statehood: Retrospective and Perspective. 2023. No. 4 (16). P. 20 – 26.
10. Lebed M.V. Inheritance by Testament in N.I. Grech's Novel «The Black Woman». Chinese Journal of Slavic Studies. 2025. Vol. 5. No. 1. P. 53 – 68.
11. Decree of Peter I dated March 23, 1714, "On the Procedure for Inheritance of Movable and Immovable Property." URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1_PETRI_529/ (date of access: 06.08.2026)
12. On the division of movable and immovable estates among children in accordance with the Ulozhenie [Code of Laws], and on the repeal of the Decree of 1714 and the supplementary clauses of 1725. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection. St. Petersburg: Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. 1830. Vol. VIII. No. 5653. P. 345 – 347. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html?ysclid=muwjz31z7m38988234 (date of access: 06.08.2026)
13. On designating pomestye and votchina estates as immovable property and on their division among children in accordance with the Ulozhenie. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection. St. Petersburg: Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. 1830. Vol. VIII. No. 5717. P. 396 – 398. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html?ysclid=muwjz31z7m38988234 (date of access: 06.08.2026)
14. Manifesto of Peter III dated February 18, 1762, "On Granting Liberty and Freedom to the Entire Russian Nobility." URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_UK_221/ (date of access: 06.08.2026)
15. Charter to the Gentry on the Rights, Liberties, and Privileges of the Noble Russian Nobility. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Reign of the Sovereign Empress Catherine II. Vol. XXII. St. Petersburg: Provincial Printing House, 1884. 32 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1510603/ (date of access: 06.08.2026)
16. Charter on the Rights and Benefits of the Cities of the Russian Empire. Moscow: City Printing House, 1885. 46 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003182205/ (date of access: 06.08.2026)
17. Code of Laws of the Russian Empire, Compiled by Order of the Sovereign Emperor Nicholas Pavlovich. Vol. X: Code of Civil and Land-Surveying Laws. St. Petersburg: Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1832. 166 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004265811/ (date of access: 06.08.2026)

18. Nevolin K.A. Complete Collected Works. Vol. 5: History of Russian Civil Laws. Part 3. Book 2: On Property. Sec. 3: On Rights Regarding the Actions of Persons; Sec. 4: On Inheritance. St. Petersburg, 1858. 524 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1291081/ (date of access: 06.08.2026)
19. Ermakov A.V., Maksimova S.Yu. Inheritance Law from the Russian Empire to the 1994 Civil Code of the Russian Federation. *Agrarian and Land Law*. 2024. No. 10 (238). P. 185 – 187.
20. Aksenova S.S., Belunskaitė Ya.A. Development and Formation of Inheritance Law in Russia. *Young Scientist*. 2024. No. 16 (515). P. 151 – 152.
21. Akhmedova N.A. History of Inheritance in Russia. *Young Scientist*. 2023. No. 51 (498). P. 208 – 212.

Информация об авторе

Саунин А.А., аспирант, Уральский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, corp@advokat-saunin.ru

© Саунин А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 343.9

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-149-155

Вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

¹ Филиппова Е.О.,

¹ Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко

Аннотация: в статье рассматриваются уголовно-правовые и криминологические вопросы вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность, когда орудием такого вовлечения становятся информационно-телекоммуникационные технологии. Следует отметить, что цифровая среда изменила привычные способы воздействия взрослых на несовершеннолетних и породила новые формы соучастия, при которых организатор и исполнитель могут не знать друг друга в реальной жизни. Представляется возможным выделить признаки, по которым вовлечение в сети отличается от традиционного. Акцентируется внимание на мерах предупреждения, которые сочетают правовые запреты с работой платформ и образовательных учреждений.

Ключевые слова: несовершеннолетние, вовлечение несовершеннолетних, информационно-телекоммуникационные технологии, цифровая среда, преступления против несовершеннолетних, склонение к противоправным действиям, профилактика, защита детей от вредной информации

Для цитирования: Филиппова Е.О. Вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 5. С. 149 – 155. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-149-155

Поступила в редакцию: 17 августа 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 сентября 2026 г.; Принята к публикации: 14 октября 2026 г.

Involvement of minors in illegal activities using information and telecommunication technologies

¹ Filippova E.O.,

¹ Orenburg State University named after V.A. Bondarenko

Abstract: the article examines the criminal law and criminological issues related to involving minors in unlawful activities, when information and telecommunications technologies become the means of such involvement. It should be noted that the digital environment has changed the usual ways in which adults influence minors and has given rise to new forms of complicity, in which the organizer and the perpetrator may not know each other in real life. It is possible to identify the features that distinguish online involvement from traditional involvement. Attention is focused on preventive measures that combine legal prohibitions with the work of platforms and educational institutions.

Keywords: Minors, involvement of minors, information and telecommunications technologies, digital environment, crimes against minors, inducement to unlawful actions, prevention, protection of children from harmful information

For citation: Filippova E.O. Involvement of minors in illegal activities using information and telecommunication technologies. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (5). P. 149 – 155. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-5-149-155

The article was submitted: August 17, 2026; Approved after reviewing: September 14, 2026; Accepted for publication: October 14, 2026.

Введение

Защита детства закреплена в ст. 38 Конституции Российской Федерации [1], где материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Эта норма дает общий ориентир для всего отраслевого законодательства и уголовный закон отводит несовершеннолетним особое место, рассматривая посягательства против них как повышено-опасные.

За последние годы характер таких посягательств изменился. Раньше взрослый, желавший втянуть несовершеннолетнего в кражу или в употребление спиртного, действовал при личном контакте, в компании сверстников. Теперь значительная часть воздействия перенеслась в мессенджеры, социальные сети, игровые платформы. Несовершеннолетний остается дома под присмотром родителей, и при этом оказывается доступен для человека, которого никто из близких не видел и не знает.

Рост киберпреступлений в России набирает стремительные темпы. Только за «5 первых месяцев 2025 г. выявлено 308,1 тыс. преступлений, совершённых с использованием IT-технологий, из них раскрыто 82 893, что на 1,3 % больше аналогичного периода прошлого года» [7]. Это заставляет задуматься над причинами роста, характерными свойствами этого вида правонарушений, а также особенностями, среди которых главными обстоятельствами становятся «анонимность их действий и возможность скрытия следов преступной деятельности» [11].

Следует отметить, что цифровая среда дала вовлечателям несколько преимуществ сразу. Она обеспечивает анонимность, позволяет обращаться к большому числу подростков одновременно, снимает географические ограничения. Сообщение, разосланное из одного региона, доходит до подростка в другом конце страны за секунды. Деньги за выполненное поручение переводятся через электронные кошельки и криптовалюту, что затрудняет установление личности заказчика.

Думается, что проблема носит не только юридический характер. Она связана с особенностями подросткового возраста, со стремлением к признанию, с готовностью к риску, с недостаточной критичностью к обещаниям легкого заработка, но именно право дает инструменты, которыми государство отвечает на угрозу. Поэтому представляется возможным рассмотреть, насколько эти инструменты соответствуют новой реальности, и что в них стоит уточнить.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: сравнительный анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научных документов. Проведен сравнительный анализ полученных данных, выявлены зависимости и закономерности.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная, правовая литература.

Результаты и обсуждения

Понятие вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления раскрывается в ст. 150 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) [2]. Под вовлечением принято понимать действия взрослого, направленные на возбуждение у несовершеннолетних желания участвовать в преступлении. Способы названы в самой норме. Это обещания, обман, угрозы, иной способ. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 1 февраля 2011 года № 1 [6] пояснил, что преступление считается оконченным с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к нему или покушения, а не с момента простого разговора. Это важное разъяснение, и оно сохраняет значение независимо от того, в каком пространстве происходило воздействие.

А.А. Семочкина выделяет два основных вида преступлений в сети Интернет: 1) совершенные непосредственно несовершеннолетними; 2) «с использованием несовершеннолетних для преступных целей посредством вовлечения в преступную среду» [9].

Статья 151 УК РФ устанавливает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий. К ним относятся систематическое употребление спиртного, одурманивающих

веществ, бродяжничество, попрошайничество. Данный состав дополняет ст. 150 УК РФ и охватывает поведение, которое само по себе преступлением не является, но ведет несовершеннолетнего к деградации.

Отдельного внимания заслуживает ст. 151.2 УК РФ. Она введена в 2017 году и предусматривает ответственность за склонение или иное вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего. Законодатель прямо назвал в числе способов распространение информации в сети. Появление этой нормы стало реакцией на распространение так называемых опасных игр и челленджей, когда несовершеннолетних подталкивали к действиям, угрожающим жизни. Представляется возможным считать ст. 151.2 УК РФ первым прямым откликом уголовного закона на цифровую форму вовлечения.

Следует акцентировать внимание на том, что информационно-телекоммуникационные технологии в большинстве основных составов пока не выступают самостоятельным квалифицирующим признаком. Часть статей, направленных против несовершеннолетних, такого признака не содержит. При этом в ряде смежных норм законодатель уже учел цифровую составляющую. Например, в ст. 228.1 УК РФ сбыт наркотических средств с использованием сети отнесен к квалифицированному составу. Несовершеннолетних часто привлекают именно к такому сбыту в роли так называемых закладчиков, обещая быстрый и крупный заработок. И здесь взрослый организатор одновременно совершает действия, подпадающие под ст. 150 УК РФ, если он вовлекает лицо, не достигшее восемнадцати лет, в совершение тяжкого преступления.

Опасность представляет вовлечение несовершеннолетних в экстремистскую деятельность. Статья 205.2 УК РФ наказывает за публичные призывы к террористической деятельности и ее публичное оправдание, в том числе совершенные с использованием сети. Статья 280 УК РФ устанавливает ответственность за публичные призывы к экстремистской деятельности. Вербовка несовершеннолетних в такие структуры часто начинается с игровых чатов и тематических пабликов, где постепенно формируется нужный взгляд на мир. Думается, что несовершеннолетний в этом случае выступает одновременно жертвой воздействия и потенциальным исполнителем, что осложняет и правовую, и нравственную оценку.

Нельзя обойти вниманием и имущественные преступления. Несовершеннолетних привлекают к обналичиванию похищенных денег, предлагая им оформить банковскую карту и передать ее посторонним людям за вознаграждение. Такие карты, называемые в обиходе дропами, используются в мошеннических схемах, подпадающих под ст. 159 УК РФ. Несовершеннолетний, передавший карту, может стать соучастником, не осознавая правовых последствий. Взрослый, который организовал эту передачу, отвечает по ст. 150 УК РФ, если доказано, что он склонил несовершеннолетнего к участию в преступлении.

Для правильной квалификации важен субъективный признак. По ст. 150 УК РФ ответственность наступает, когда виновный достиг восемнадцати лет и осознавал, что вовлекает именно несовершеннолетнего. В обычной жизни возраст потерпевшего виден по внешности, по обстановке, по кругу общения. В сети этот признак размывается. Переписка не показывает собеседника, профиль может содержать ложные данные, аватар способен принадлежать другому человеку. Возникает вопрос о доказывании осведомленности взрослого о возрасте несовершеннолетнего. Думается, что суды должны оценивать совокупность данных, в том числе содержание переписки, тематику сообщества, указанный самим несовершеннолетним возраст, характер предлагаемых действий.

Следует отметить еще одну сложность. Вовлечение через сеть нередко носит опосредованный характер. Организатор не обращается к конкретному несовершеннолетнему, а размещает объявление или призыв, рассчитанный на неопределенный круг лиц. Отзывается тот, кто сам увидел сообщение. При классическом понимании вовлечения требуется адресное воздействие на конкретного подростка. Массовая рассылка в эту схему вписывается плохо. Представляется возможным считать, что в подобных случаях возможна квалификация по ст. 151.2 УК РФ или по специальным нормам о распространении запрещенной информации, однако единообразия в практике пока недостаточно.

Отдельный пласт образует законодательство о защите детей от вредной информации. Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [3] устанавливает классификацию информационной продукции по возрастным категориям и запрещает распространение среди детей сведений, побуждающих к противоправным действиям, к употреблению наркотиков, к причинению вреда себе. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4] в статье 15.1 предусматривает ведение единого реестра запрещенных сайтов и внесудебную блокировку ресурсов, содержащих информацию, распространение которой запрещено. Эти механизмы действуют параллельно уголовному преследованию и позволяют оперативно ограничить доступ к опасному контенту, пока расследование еще не завершено.

Профилактическая основа предусмотрена в Федеральном законе от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [5]. Он определяет органы и учреждения, которые ведут профилактическую работу, порядок их взаимодействия, основания постановки подростка на учет. Следует акцентировать внимание на том, что закон писался до цифровой эпохи и ориентирован на привычные формы неблагополучия, на безнадзорность, на уход из дома, на бытовое пьянство. Сетевое вовлечение в нем прямо не отражено, и это ослабляет его профилактический потенциал.

Думается, что ключевая трудность состоит в разрыве между скоростью технологического развития и темпом обновления закона. Платформы меняются быстро. Появляются новые мессенджеры с усиленным шифрованием, закрытые каналы, временные сообщения, которые исчезают после прочтения. Вовлекатели пользуются этими возможностями, чтобы скрыть следы. К моменту, когда правоохранительные органы получают сигнал, переписка уже удалена, аккаунт заброшен, деньги выведены. И доказательственная база оказывается скудной.

Представляется возможным выделить несколько признаков, которые отличают сетевое вовлечение от традиционного. Первый признак это дистанционность, при которой между взрослым и подростком нет физического контакта. Второй это анонимность и возможность подмены личности. Третий это масштабируемость, когда одно действие вовлекателя охватывает множество потенциальных жертв. Четвертый это сложность фиксации доказательств из-за удаляемого контента и трансграничного размещения серверов. Пятый это вовлечение через привлекательную для подростка оболочку, через игру, челлендж, обещание заработка, что снижает критичность восприятия. Эти признаки следует учитывать при совершенствовании закона и при построении методик расследования.

Отдельно стоит сказать о роли цифровых платформ. 89 % несовершеннолетних ежедневно пользуются сетью Интернет. Воздействие на них осуществляется через группы (ВКонтакте, Одноклассники), участие в компьютерных играх, просмотр видео и «через специализированные и тематические форумы и веб-сайты в сети Интернет, в том числе размещенные в закрытом сегменте (Darknet)» [10]. Операторы социальных сетей и мессенджеров располагают техническими средствами, которые позволяют выявлять подозрительные закономерности поведения, массовые рассылки одинаковых сообщений несовершеннолетним, группы с запрещенной тематикой. Федеральный закон № 149-ФЗ возлагает на владельцев информационных ресурсов ряд обязанностей по ограничению доступа к противоправному контенту, но практика показывает, что реакция платформ не всегда своевременна, а трансграничные сервисы нередко игнорируют требования национального законодательства. Думается, что усиление ответственности операторов за непринятие мер способно дать профилактический эффект, сопоставимый с эффектом уголовного преследования отдельных вовлекателей.

Криминологический портрет вовлекателя также изменился. Если прежде это был взрослый из ближайшего окружения несовершеннолетнего, то теперь им нередко оказывается человек без видимой связи с несовершеннолетним, движимый корыстью или идеологией. Встречаются случаи, когда организатором выступает лицо, само недавно достигшее совершеннолетия и хорошо ориентирующееся в подростковой среде. Это осложняет выявление, поскольку такой человек говорит с несовершеннолетним на одном языке и не вызывает настороженности.

Поскольку компьютерная преступность продолжает занимать все более важное место в законодательстве и правоприменительной практике, было бы упущением не привлечь к решению этих вопросов криминологическую экспертизу по преступности среди несовершеннолетних и делинквентности правонарушений [12].

Масштаб, мультивариативность и молниеносный, вирусный характер распространения в киберпространстве новых видов преступных посягательств, связанных с вовлечением несовершеннолетних в противоправную деятельность с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, предопределяет комплексный характер их предупреждения, причем не просто разработки, но и незамедлительной реализации мер предупреждения, которые в целом хорошо известны специалистам, однако, к сожалению, зачастую затруднены в реализации [8].

Думается, что система мер предупреждения должна строиться на нескольких уровнях одновременно. На правовом уровне требуется уточнение составов, учитывающих использование сети как способ вовлечения, и закрепление соответствующего квалифицирующего признака в ст.ст. 150 и 151 УК РФ. На организационном уровне нужно межведомственное взаимодействие органов внутренних дел, следственных органов, прокуратуры, образовательных учреждений, органов опеки. Прокурорский надзор здесь выполняет связующую функцию, поскольку прокурор координирует деятельность правоохранительных органов по борьбе с

преступностью. На образовательном уровне необходима работа с цифровой грамотностью несовершеннолетних и родителей, чтобы несовершеннолетний понимал, к чему ведет выполнение сомнительных поручений, а взрослый замечал тревожные признаки.

Представляется возможным обсуждать и вопрос о специальной подготовке следователей и оперативных сотрудников. Расследование сетевого вовлечения требует навыков работы с цифровыми доказательствами, понимания устройства платформ, умения взаимодействовать с операторами связи и провайдерами. Без таких компетенций даже совершенная правовая норма останется декларацией, поскольку доказать событие преступления будет затруднительно.

Следует отметить, что усиление репрессии само по себе проблему не решает. Несовершеннолетний в большинстве случаев остается потерпевшей стороной, даже когда формально совершает противоправные действия. Наказание взрослого вовлечателя справедливо и необходимо, но оно не восстанавливает психику несовершеннолетнего и не устраняет условий, при которых вовлечение стало возможным, поэтому карательные меры следует сочетать с реабилитационными, с психологической помощью, с восстановлением доверия в семье.

Думается, что отдельного осмысления требует вопрос о соотношении свободы распространения информации и защиты несовершеннолетних. Блокировка ресурсов и ограничение контента неизбежно затрагивают права пользователей. Законодатель должен находить баланс, при котором защита несовершеннолетних не превращается в избыточное ограничение. Статья 29 Конституции РФ гарантирует свободу информации, и любые ограничения допустимы лишь в той мере, в какой они необходимы для защиты конституционно-значимых ценностей. Защита детства относится именно к таким ценностям, что оправдывает соразмерные ограничения.

Практика показывает, что эффективнее всего действуют комплексные решения. Там, где уголовное преследование сочетается с быстрой блокировкой ресурсов, с профилактической работой в школах, с настройкой платформ на выявление опасного контента, результат заметнее. Там, где делается ставка только на один инструмент, вовлечатели быстро находят обход и это подтверждает тезис о том, что борьба с сетевым вовлечением несовершеннолетних носит системный характер и не сводится к ужесточению отдельной статьи.

Выводы

Вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность через информационно-телекоммуникационные технологии стало самостоятельной угрозой, которая отличается от традиционных форм по способу, масштабу и сложности доказывания. Следует отметить, что действующее регулирование отстает от технологических изменений. Использование сети не закреплено в качестве общего квалифицирующего признака в базовых составах о вовлечении, доказывание осведомленности взрослого о возрасте потерпевшего осложнено анонимностью, а массовое опосредованное воздействие плохо укладывается в классическое понятие адресного вовлечения.

Думается, что совершенствование должно идти по нескольким направлениям одновременно. Представляется возможным закрепить признак использования информационно-телекоммуникационных сетей в ст.ст. 150 и 151 УК РФ, уточнить правила квалификации опосредованного вовлечения, усилить обязанности и ответственность операторов платформ, развить компетенции следователей в работе с цифровыми доказательствами, обновить профилактическое законодательство с учетом новой среды. При этом карательные меры следует сочетать с реабилитацией несовершеннолетнего и с соблюдением баланса между защитой детей и свободой информации, гарантированной ст. 29 Конституции РФ.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
3. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ (последняя редакция) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/
4. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

5. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 № 120-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/

7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-май 2025 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/66517593>

8. Коваленко В.И. Вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: правовые и криминологические аспекты противодействия // ЮристПравоведъ: науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 3 (114). С. 139 – 145.

9. Семочкина А.А. Преступления, совершаемые несовершеннолетними в сфере компьютерной информации – особенности и проблемы квалификации // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2020. № 3. С. 64 – 66.

10. Шавловский А.Б. Криминалистическое значение компьютерной информации в расследовании преступлений, совершённых несовершеннолетними представителями деструктивных структур // Организация работы по предупреждению деструктивной идеологии в подростковой среде: материалы научно-практической конференции. Москва, 2025. С. 96 – 99.

11. Joshi S., Singh S., Sharma M. Cybercrime by Minors // Cybercrime in Social Media: Theory and Solutions / ed. by P.K. Roy, A.K. Tripathy. New York: Chapman and Hall/CRC, 2023. P. 144.

12. Yar M. Computer Hacking: Just Another Case of Juvenile Delinquency? // The Howard Journal of Criminal Justice. 2005. Vol. 44. No. 4. P. 387 – 399.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

2. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on August 4, 2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

3. Federal Law No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development" dated December 29, 2010 (latest version). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/

4. Federal Law No. 149-FZ "On Information, Information Technologies, and Information Protection" dated July 27, 2006 (latest version). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

5. Federal Law No. 120-FZ "On the Fundamentals of the System for the Prevention of Child Neglect and Juvenile Delinquency" dated June 24, 1999 (latest version). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 dated February 1, 2011 (as amended on December 9, 2025) "On Judicial Practice Regarding the Application of Legislation Regulating the Specifics of Criminal Liability and Punishment of Minors." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/

7. Brief Overview of the Crime Situation in the Russian Federation for January–May 2025. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Official Website. URL: <https://мвд.рф/reports/item/66517593>

8. Kovalenko V.I. Involving Minors in Unlawful Activities Using Information and Telecommunication Technologies: Legal and Criminological Aspects of Counteraction. Yurist-Pravoved [Lawyer-Legal Scholar]: Scientific-Theoretical and Informational-Methodological Journal. Rostov-on-Don. 2025. No. 3 (114). P. 139 – 145.

9. Semochkina A.A. Crimes Committed by Minors in the Sphere of Computer Information: Specifics and Classification Issues. Criminal Proceedings: Problems of Theory and Practice. 2020. No. 3. P. 64 – 66.

10. Shavlovsky A.B. Forensic Significance of Computer Information in the Investigation of Crimes Committed by Minors Associated with Destructive Groups. Organization of Work on Preventing Destructive Ideology Among Adolescents: Proceedings of the Scientific and Practical Conference. Moscow, 2025. P. 96 – 99.

11. Joshi S., Singh S., Sharma M. Cybercrime by Minors. Cybercrime in Social Media: Theory and Solutions. ed. by P.K. Roy, A.K. Tripathy. New York: Chapman and Hall/CRC, 2023. P. 144.

12. Yar M. Computer Hacking: Just Another Case of Juvenile Delinquency? The Howard Journal of Criminal Justice. 2005. Vol. 44.No. 4. P. 387 – 399.

Информация об авторе

Филиппова Е.О., кандидат педагогических наук, доцент, Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко, Elena56-75@mail.ru

© Филиппова Е.О., 2026
